

Союз писателей Москвы

ЛИТЕРЫ

Москва

«Воймега»

2012

УДК 821.161.1—1
ББК 84(2Рос=Рус)6—5
Л64

Составители:
Виктория Лебедева, Элина Сухова

Фотоколлаж Ольги Золотухиной

Литеры.

Л64 Проза. Поэзия. Драма. / Сост. В. Лебедева, Э. Сухова;
Союз писателей Москвы. — М.: «Воймега», 2012. — 256 с.

«Литеры» — звучит почти как «лидеры» и даже немножечко как «люберы». Что же объединяет авторов, опубликованных в этом издании? Ответ прост — все они хотя бы один раз приняли участие в Совещании молодых писателей, проводимом Союзом писателей Москвы начиная с 1999 года. В остальном же это совершенно разные люди — по возрасту, мироощущению, темам, жанрам и даже политическим взглядам. Что совершенно не мешает им мирно уживаться под одной обложкой.

ISBN 978-5-7640-0130-2

© авторы материалов, 2012
© Союз писателей Москвы, 2012
© О. Золотухина, фотоколлаж, 2012
© «Воймега», Москва, 2012
© ФСЭИП, 2012

проза

Екатерина Васильева

Илья Кочергин

Евгений Сулес

Дмитрий Калмыков

Евгения Доброва

Евгений Коган

Тамерлан Тадтаев

Наринэ Абгарян

Емельян Марков

Елена Сафронова

Станислав Иванов

Дарья Бобылёва

Ганна Шевченко

Правильная традиция

Стало правильной традицией выпускать обзорные сборники по итогам ежегодных творческих семинаров так называемых «молодых писателей». Эти семинары Союз писателей Москвы ранее проводил в Доме творчества «Переделкино», а ныне, ввиду экономии скудных средств, отпускаемых властями «на культуру», с тем же, если не бо льшим успехом проводит в ЦДЛ.

«Так называемых» — потому что некоторые прозаики, представленные в этой подборке, уже вовсю печатаются, имеют книги и молоды лишь душою и возрастом. Другие пока всего лишь «широко известны в узких кругах», но я надеюсь, что у каждого из них будущее окажется привлекательнее настоящего — в творческом, разумеется, смысле. Ведь полностью обеспечивать себя писательским трудом сейчас способны лишь считанные литературные единицы. Но для авторов, представленных в сборнике, — для них, я вижу, сочинительство важнее других жизненных занятий, а это, по моему скромному мнению, необходимый, хотя и не достаточный признак настоящего писателя, а не ТЕКСТОДЕЛА, коих развелось ныне в родном отечестве немало.

А «правильной традицией» — потому что когда писатель не печатается, то он поне-много сходит с ума, а я бы хотел видеть своих юных коллег во здравии и окруженных читателями, число которых является величиной непредсказуемой. Очень хорошо, что все они совершенно разные по мироощущению, темам, жанрам и даже политическим взглядам, однако (здесь я цитирую заботливо опекающую их Викторину Лебедеву) «мирно уживаются в одном семинаре и в одном сборнике». Собственно, так оно и должно быть.

Евгений ПОПОВ

Это сладкое слово — свобода

Однажды на совещании молодых писателей, когда мы разговаривали с семинаристами на «вольные темы», я спросил одного автора из пишущей вместе семейной пары, что их, собственно, заставляет заниматься сочинительством? Вопрос возник не из чистого любопытства: по всему выходило, что этот замечательный молодой человек и его жена никак не должны были писать прозу.

Во-первых, и тот и другая были молодыми преподавателями, на кафедре в университете на них естественным образом ввалили всю основную работу, во-вторых, они были молодыми родителями, причем один из детей в младенческом возрасте, а от бабушек-дедушек никакой помощи. И вот при всем при этом они умудрились сочинить в соавторстве роман и в лице мужской составляющей авторского тандема приехали на совещание (женская составляющая осталась кормить младенца грудью).

Ответ на этот несколько провокационный вопрос оказался столь выразителен, что я не просто помню его уже который год, а не устаю при случае осведомлять о нем всех, кого волнуют судьба и перспективы русской литературы. «Это единственный способ почувствовать себя свободным», — сказал мне молодой кандидат наук, молодой доцент, молодой отец. Желание свободы, ощущение ее недостатка в повседневной жизни, разрывающее душу стремление к ней — вот что было побудительной причиной для творчества этих двух молодых людей. Ощущение свободы, что они получали, творя художественный мир и уподобляясь тем Творцу, создавшему наш, вещный мир, было для них так же необходимо, как кислород или вода для элементарного физического существования всего сущего на земле.

Полагаю, желание свободы, подчас (а то и чаще) неосознаваемое, — и есть та движущая сила, что заставляет каждого пишущего человека, нередко наперекор судьбе, создавать выдуманные, никогда не существовавшие в реальности миры, уподобляя себя тому, кто единственно по-настоящему и может называться Творцом. Возможно, будь в любезном отечестве получше с этой нематериальной субстанцией — свободой, — Россия писала бы много меньше. В профессионалы выходят не просто далеко не все, а немногие. Такова участь любого профессионала: чтобы стать им, нужно делать свое дело хоть чуть-чуть, да лучше, чем это делает другой. Это подчас малое «чуть-чуть» становится той гранью, которая отделяет профессиональное от любительского.

Но в любом случае штучное профессиональное вырастает из массы. Во множестве залог высокой качественности профессионального. Пока в России недостаток свободы, этой пишушей, сочиняющей массы будет много. А значит, будет из чего выбирать, будет из чего формироваться профессиональной литературе. Для литературы это, конечно, благо. Для самого нашего отечества — не очень. Но снимем, господа, шляпы перед сочинителем: своим сочинительским трудом он показывает, чего стоит и как нужна человеку в жизни свобода.

Анатолий КУРЧАТКИН

Екатерина Васильева

Невидимый

В то лето я объявила всем, что буду режиссером и когда-нибудь сниму про них кино. Но мне не поверили. Или не восприняли всерьез. Продолжали жить как ни в чем не бывало. Будто им было безразлично, какими они предстанут перед Вечностью.

Меня тогда очень мучил заусенец на большом пальце. Мама аккуратно срезала его хирургическими ножницами, а он опять отслаивался и напоминал о себе проникающим жжением. Бывают же случаи, когда медицина бессильна!

Медицина — это моя мама, и она вообще очень слабая. Особенно на фоне спортсменов, с которыми ей приходится работать. В спорт она пошла, потому что думала, что там люди здоровее. На линейке в день открытия летнего лагеря так и сказала подрастающей смене футболистов: «Не забывайте носить белые панамки, тогда врач вам совершенно не понадобится!» Это была самая короткая из всех приветственных речей: мама любила говорить только по делу.

Но панамки почему-то никто не носил. Может быть, с этого и начались тем летом все неприятности?

Уже в первую лагерную неделю один мальчик упал с дерева и сломал руку. Мама очень испугалась. Она потом еще долго вспоминала, как ее позвали к нему, а он лежал весь бледный, почти зеленый, но не плакал, а только бормотал что-то нечленораздельное. Это ее больше всего поразило: тело совсем оцепенело, а губы непрерывно шевелятся, будто кто-то невидимый их раздвигает. Мама от ужаса не могла понять ни слова. Но взяла себя в руки: пока ждали скорую, никуда не отходила, старалась отвлечь от боли. Спросила, например, в каком кружке он занимается. А в ответ какие-то полуживотные звуки.

Мама потом объяснила: «Так с нами говорит человеческое страдание. А мы должны отвечать спокойно, будто ничего не случилось. Если делаешь вид, что боли нет, то она со временем уходит, притупляется. Больше ничем помочь нельзя!»

Иногда я нарочно приоткрывала заусенец и заглядывала внутрь. А там — целый мир. Красная дорожка ведет прямо к сердцу. Кожица слезает легко, как кора с березы. Чувствую, где-то с обратной стороны тайное знание струится письменами по свитку. Еще чуть-чуть, и все обнаружится! Но мама опять наклеивает пластырь.

По вечерам, после отбоя, сотрудники собираются в столовой. Тренеры все еще в спортивных костюмах, бухгалтерша в тонком халатике на полное тело, музыкальная руководительница в белой блузке с кружевами, замполит в шортах и гольфах ромбиками. Смотрят по телевизору футбол — внимательно, но без эмоций. Играют Бразилия с Аргентиной. Болеть не за кого. И даже гол не радует.

Девушка с кухни смахивает со стола крошки мокрой тряпкой, с силой одергивая пустые стулья, будто учительница нерадивых учеников.

— Юленька, сделай нам, пожалуйста, чаю, — просит замполит.

В матче объявляют перерыв. Все оглядываются на самого высокого тренера, только он может переключать программы: телевизор стоит на пирамиде из списанной мебели где-то под потолком. Тренер добросовестно крутит переключатель, но ничего интересного, конечно, не находится. Мелькают «Последние известия». Диктор, похожая на добрую тетю из передачи «Спокойной ночи, малыши», красивым, немного извиняющимся голосом рассказывает об аварии в Чернобыле. Бухгалтерша откладывает вязание:

— Подождите, это важно!

Высокий тренер ждет, не снимая руки с переключателя. Бухгалтерша некоторое время смотрит на экран как завороченная, редко мигая, потом наконец говорит, поднимая в воздух спицу:

— Как вы думаете, мне бы пошла такая стрижка, как у нее?

— Попробуйте, — советует музыкантша.

Она сидит боком к пианино и пытается что-то наигрывать двумя пальцами. Вдруг, встревоженная какой-то своей мыслью, поворачивается ко мне:

— У нас же скоро концерт! Катя, ты будешь читать стихотворение?

— Какое? — спрашиваю я.

— Что-нибудь из своего, конечно!

— Но я давно не пишу. Уже неделю.

— Как жаль! А я хотела показать тебя знакомому поэту-песеннику. Мне кажется, у тебя талант!

Я пожимаю плечами. Весной меня уже показывали известному поэту. Помню, как нас с мамой впустили в невероятно большую гостиную, похожую на театральное фойе, а потом зашел он сам и сразу загородил

собой люстру. Поэт сел в кресло и попросил меня что-нибудь прочитать. Я встала прямо перед ним и читала, как в лихорадке. Когда стихи закончились, он поднялся, взял меня за локоть и долго что-то говорил. Слов я даже не пыталась разобрать, догадывалась по интонации: фразы с элегантною вялостью ложились одна к другой, будто он их подбирал в уме по закладке. Я мечтала только о том, чтобы исчезнуть, и незаметно сдвигалась к выходу. А он почему-то никак не хотел отпустить мой локоть, так что под конец мы с ним оба стояли у самой двери, разделенной на ровные квадраты, как шоколадка, которую не терпелось наконец разломить надвое.

— Ваша девочка никогда ничему не сможет научиться, — сказал он напоследок маме. — Она совершенно не слушает, что ей говорят.

Но теперь это было уже неважно.

— Я решила стать режиссером, — напомнила я музыкантше. — Остальное меня не интересует.

— Но ты ведь можешь прочитать что-нибудь из старого! Про сирень, например. Пожалуйста, у нас так мало номеров!

— Хорошо, я подумаю.

— Слушай, Катя, ну зачем тебе режиссером? — вмешалась бухгалтерша. — Работа у женщины должна быть спокойная, чтобы не портились нервы. Высшее образование необходимо, я не спорю, а потом можно и расслабиться. Мужчины умных женщин любят. Но надо в меру, в меру!

— Живем как на пороховой бочке, — процедил один из тренеров сквозь приложенную к губам ладонь. — В Чернобыле рвануло, а мы чем лучше? Сколько таких станций по всей стране стоит!

— Замуж надо выходить за еврея, — наставительно продолжала бухгалтерша. — А любовника себе заведешь русского.

— Почему? — удивилась я.

— Потому что евреи надежные, а русские — изобретательные!

— Да-да, мы изобретательные! — подтвердили хором сразу несколько тренеров.

Остальные промолчали, как будто и не русские. А может, действительно — не совсем?

В раннем детстве я думала, что русские встречаются только в сказках, как эльфы или гномики. Там они ходят в луковичных шлемах и необъятных сарафанах, а цари у них живут в низких горницах с расписанными грубой кистью потолками, хотя на самом деле каждый знает, что настоящий царь, пока его не прогнали, жил в Эрмитаже, где все выглядит совершенно по-другому. Трудно было потом привыкнуть к мысли, что русские совсем рядом и что они-то и есть самые обычные люди, но почему-то не могут, не хотят забыть свой потерянный где-то в закоулках истории кокошник.

Каждое утро в лагере начиналось с пробежки. Наш домик находился сразу за территорией, и мимо него обязательно следовали все команды, а я провожала их с крыльца, как новобранцев на войну. Бежали строго по годам рождения: впереди самые младшие, только что из начальной школы, за ними подростки, мои ровесники, и наконец рослые юноши, похожие на античных атлетов. Лица смазывались в движении, и получалось, будто все эти мальчики взрослеют прямо на моих глазах.

Младшие иногда паясничали, махали мне рукой, но старшие всегда держались сосредоточенно, зная, что впереди у них самый длинный и тяжелый путь: за поворотом дорожки расходились.

После завтрака я, за неимением подружек, шла одна гулять по поселку.

Лето — самое бесполезное время года, когда только спортсменам и позволено работать, а остальные обязаны томиться бездействием. Приходится смотреть по сторонам, притворяться зрячей, будто тебе и вправду есть дело вот до этой птички, которая крутится на стволе, как шурупчик, или до шмеля, плотоядно впившегося в клевер.

С жилых улиц сворачиваю в пролесок. Сверху дубы стреляют желудами, и свет приглушенный — можно не бояться разоблачения. Нет-нет, я не скрываюсь, я скрываю что-то от себя, и ель опускает колючие ресницы, давая обет молчания.

Иду в гору. Губы почему-то горькие. Вдруг отравлены? Не надо их облизывать! Но как теперь сдержаться?

Забираюсь на холм, вижу рядом еще один такой же, а между ними две тонкие дорожки сходятся в одну, как цепочка с кулоном у меня на груди. Замполит вчера долго вертел в руках эту цепочку, проверял, какой пробы серебро. Знал ли он о моих холмах и о том, как захватывает дух, когда сбегашь вниз?

Спускаюсь к озеру. Время теряется, бежит струйкой, как песок в сандалиях: в одну дырку попало, из другой вытекло. Все просеивается через меня. И пятки черные, как у библейских пророков.

Поворачиваю обратно к поселку. Уже издалека слышу голоса с большой поляны: там идет тренировка кого-то из наших. Я знаю все пути и могу подходить совсем близко, оставаясь незаметной. Но им и так ни до чего нет дела, кроме своей игры. Их шестеро на поле и мяч. Что-то там у них не ладится, жестикулируют, выясняют отношения. Один, чуть не плача, кричит: «Не по правилам!» Потом опять бегают за мячом, опустив головы.

Как страшно и как скучно все-таки быть мальчиком! Ну а мне разве лучше? У них хотя бы есть мяч, а у меня вообще ничего.

Теперь я понимаю, что моя первая любовь родилась из зависти. Но не к мячу, который мне был вовсе не нужен, а к желанию во что бы то ни

стало им обладать и тому безграничному наслаждению, которое это обладание обещало. Пусть я не могу пожелать мяч, но я могу пожелать того, кто его желает!

Станный, непостижимый момент выбора. Я уже знала, что люблю, но пока точно не знала кого. Даже лица было как следует не разглядеть, только ершистый затылок все время цеплял взгляд. Я еще подумала: «Как колючка — невозможно отвязаться!» А потом один из мальчишек вдруг крикнул ему: «Сергея, ну ты же капитан!» Это все и решило.

Я теперь любила капитана. Даже странно: вошла в лес одна, а выйду другая. Как Золушка, которую послали за хворостом, а она вернулась в карете. За что мне вдруг такое богатство? Вокруг одни нищие, а я щеголяю в парчовом платье!

Мамы дома не оказалось. Она ушла контролировать пищеблок. Это самое страшное место в лагере, а может быть, и на свете. Все вокруг влажное и липкое, даже на стенах испарина, как у старшего тренера на лбу после пробежки. Девушки с голыми шеями мешают что-то в котлах, строят вавилонские башни из суповых тарелок, выкликают друг друга из пара и пены. А направляет ими худенькая и маленькая Нинель Борисовна с марлевым колпаком на голове. Раньше Нинель работала библиотекарем, и для меня остается непостижимым, как могла она променять дубовые шкафы, ведущие свою родословную от древа познания, на этот кухонный ад.

На пищеблоке все, как и мама, носили белые халаты. Но к медикам относились с недоверием.

— У нас все чисто! Чего вам тут еще? — недоумевала Нинель Борисовна, когда мама появлялась на пороге с блокнотом, чтобы начать контрольный обход.

— Почему вчера к обеду не давали фруктов? — интересовалась мама. — Можно мне заглянуть вон в ту кладовую?

— Ключ потерялся, — ворчала Нинель. — Да и нет там ничего! Не завозят!

И снова на десерт приносили только горьковатые коржики. Все из-за Нинели, которая заперла у себя в кладовой райские яблочки! Мама разводила руками: медицина, как всегда, была бессильна.

Но я и так почти перестала есть. Стоило только подумать о капитане, как кожа покрывалась мурашками, а любое удовольствие, исходящее не от него, превращалось в надругательство над моими чувствами.

Три дня мы не виделись. Его команда либо обедала в другую смену, либо вообще уехала на соревнования. Тщетно пыталась я различить ершистый капитанский затылок в рядах бегущих по утрам. Напрасно искала его в лесу, как ищут бусинку, соскользнувшую с разорванной нитки.

А на третий день у входа в столовую повесили стенгазету «Наш лагерь» с отпечатанными на скорую руку черно-белыми снимками. На двух из них оказался он: один раз фотограф поймал его в прыжке через барьер, а в другой — выбивающим у кого-то из-под ног тот самый мяч. Обидно только, что лица на обеих фотографиях получились размытыми, так что я по-прежнему не знала, как именно он выглядит. А может, оно и к лучшему? Откуда же взять силы, чтобы посмотреть в глаза своей любви?

В воскресенье в столовой, как и собирались, устроили концерт. Я очень волновалась, но не из-за своего выступления, а потому что подозревала, что теперь уже встречи не избежать. Решила, раз нельзя больше скрываться, буду читать специально для него. Вложу в свой голос всю душу, и он обязательно почувствует, что это не просто стишок про сирень, а признание в любви.

Обеденный зал, перестроенный под зрительный, постепенно заполнялся. Выступающие собрались заранее: для них поставили стулья в первом ряду рядом с пианино. Я не успела заметить своего капитана на входе и теперь боялась оглянуться, чтобы проверить, не сидит ли он уже где-нибудь сзади.

Музыкантша начала концерт каким-то вальсом. Потом к фортепьяно вышли две девушки-поварихи. Обе были в нарядных платьях из крепдешина, но мне почему-то мерещилось, что сквозь цветы на подолах проступают жирные кухонные пятна. Девушки, тесно прильнув друг к другу головами, пели очень грустную песню, переходя в припеве почти на шепот:

Время пройдет, и ты забудешь все, что было
С тобой у нас, с тобой у нас.
Нет, я не жду тебя, но знай, что я любила
В последний раз, в последний раз.

Им вяло похлопали. Музыкантша опустила крышку пианино и объявила мой номер. Она попросила обратить внимание на то, что я буду читать стихотворение собственного сочинения. Я не ожидала, но зрители почему-то сразу оживились, начали смеяться, некоторые крутили пальцем у виска. Стало понятно, что сочинять стихи — это нечто особенное и что этим можно удивить даже футболистов.

Я несколько ободрилась и начала декламировать по памяти. В бумажку, которую на всякий случай держала перед собой, заглядывать боялась: знала, что руки дрожат, и ужасно этого стыдилась. Но голос все-таки слушался, был, пожалуй, даже тверже обычного. И что странно: я хотела читать только ему, а в итоге на время чтения совсем про него забыла. Все мальчишки в зале вдруг стали для меня одинаково важными, и у меня

кружилась голова от мысли, что в своих строчках я отдаю им что-то жизненно необходимое, как воздух при искусственном дыхании. Аплодисменты показались мне оглушительными, и это тоже было важно, потому что я знала, что больше никогда не буду писать стихов и выступать с ними на публике.

Капитана я заметила только в последний момент, когда уже возвращалась на свое место. Он действительно сидел в одном из задних рядов, но никакого потрясения его лицо не выдавало. Вернее, лица опять не было как следует видно, потому что всем телом он развернулся к своему соседу и что-то увлеченно ему рассказывал. Быть может, выступление прошло вообще мимо него, а значит, все напрасно?

Весь остаток концерта я не могла сосредоточиться. Помню только, что какой-то мальчик из старшей возрастной группы пел под гитару песню про Афганистан, про то, как парень ушел туда на своих ногах, а вернулся в цинковом гробу. Слышала, как тренеры у меня за спиной вполголоса обсуждали, не является ли песня антисоветской. А потом один из них опять завел разговор о Чернобыле: «Мы теперь все не застрахованы! Сейчас как рванет!»

А я вдруг подумала, что это было бы самым желанным выходом. Все лучшее у меня в жизни уже было: творчество, успех, любовь, надежда. А впереди только долгие годы, наполненные мучительными попытками научиться жить без этого. И случись здесь прямо сейчас какой-нибудь взрыв, моя любовь бы возликовала, обретая редкий шанс осуществиться. Ведь кто знает: еще теплые кусочки наших тел могли бы полететь друг другу навстречу. И я стала бы тогда чуть-чуть капитаном, а он, не подозревая об этом, стал бы немного мной.

Но ничего такого не произошло. Надо было возвращаться обратно в жизнь, в вечное разъединение.

До конца смены я видела его еще несколько раз — и всегда издали, всегда в ускользающем движении, которое невозможно остановить, как воду, бегущую в сток. Однажды я проходила совсем близко от лагерных ворот, когда он сидел на вахте, но опять ничего не разглядела под надвинутым на лицо капюшоном спортивной кофты, делавшим его похожим на монаха. А кто же он был еще, если не монах, стерегущий от меня свою обитель?

В день закрытия лагеря нас повезли в город на автобусах. Все хотели поскорее домой, но в пути произошла заминка. Водитель первого автобуса в колонне еще до выезда на шоссе резко затормозил, заметив, что натянутые на столбах электропровода в одном месте сорвались с крепления и нависали над дорогой на уровне лобового стекла. Объехать их не было никакой возможности, поэтому самому высокому тренеру пришлось

взять деревянную палку и стоять с вытянутой рукой, придерживая упавшую проводку, пока все автобусы не миновали зону опасности.

Дальше ехали весело и даже с песнями, как будто пребывание на волоске от смерти подействовало особенно ободряюще. Когда выходили из автобусов, я в последний раз увидела взъерошенный капитанский затылок и специально заговорила громко о чем-то очень интересном, чтобы он оглянулся. Но он шел не оборачиваясь, заложив руки в карманы и оставляя на асфальте ровную строчку из мелких плевков.

Наступила осень. Заусенец давно затянулся, но другая рана, оставшаяся с лета, никак не заживала.

Особенно грустно было по воскресеньям, когда шел дождь и мама запрещала мне гулять, опасаясь радиоактивных туч из Чернобыля. Я сидела на подоконнике и смотрела, как эстрадная афиша на доме напротив идет пузырями, шелушится и наконец совсем облезает, оборачиваясь то ли фреской из Помпей, то ли средневековой иконой. И вдруг сквозь эту пробойну в очевидном начинают просвечивать никогда толком не виденные черты моего капитана. Они больше афиши, больше дома, больше даже улицы и деревьев. Потому что он — это и есть дождь, в котором мир смягчается, как кусок печенья, опущенный в чай.

В начале зимы к нам неожиданно напросилась в гости музыкальная руководительница. На ней была ее обычная кружевная блузка, только под юбкой обрисовывалось что-то круглое, похожее на футбольный мяч.

— Вы не знали? — спросила она, уловив мамин удивленный взгляд. — Теперь шестой месяц пошел.

Потом, когда уже сидели на кухне за столом, музыкантша вполголоса рассказывала:

— Мы как увидели друг друга, перестали совсем себя контролировать... Ни о чем совершенно не жалею... Но у него жена и, кажется, дети... В следующем году в лагерь не поеду — стыдно...

Немного погодя она снова заговорила о том, что меня надо обязательно показать поэту-песеннику. Но я напонила ей о решении стать режиссером, и тема быстро иссякла.

Конфеты на столе давно закончились, а музыкантша почему-то продолжала у нас сидеть. Мама с трудом подавляла зеवоту и не спешила включать верхний свет, надеясь, что гостя скоро сама засобирается. Но та вдруг сказала:

— Так получилось, что мне сейчас совсем некуда идти. Можно я у вас переночую?

Мама молча выдала ей постельное белье и так же молча сняла его наутро с моего дивана, который мне пришлось освободить в эту ночь для

чужих свидений. Я знала, что мама очень переживает, но понимала, что медицина здесь абсолютно бессильна.

Завернувшись как следует в пуховый платок, музыкантша вышла из квартиры. Я была уверена, что вижу ее в последний раз, поэтому сразу побежала к окну, чтобы лучше запомнить все детали. Мне казалось, что из этого мог бы выйти интересный кадр для моего будущего фильма: закутанная в платок женщина осторожно, чтобы не поскользнуться, идет по тротуару, унося, как спортивный трофей, свой мяч. А дождь, окрепший за осень и почти уже повышенный в чине до снега, презрительно сплевывает ей вслед.

Илья Кочергин

Лендлорд

Запах старого дуба встречал в подъезде. Этот запах не могли выветрить ни время, ни даже капитальный ремонт двадцать лет назад, во время которого в доме произошли большие изменения. Когда долго не бываешь здесь, а потомходишь в парадное и поднимаешься по ступенькам к лифту, особенно как сегодня, когда на улице жарко пахнут осенние листья в скверике, тебя охватывает полумрак, прохлада и этот запах.

Таня называла подъезд *парадным*, потому что его всегда так называли, наверное, с тех самых пор, когда в начале тридцатых дом заселили те, кто еще не отвык от таких слов, а потом слово перешло по наследству. Некоторые архаизмы ушли на Таниной памяти — например, гардины стали занавесками в самом начале семидесятых, когда они с Колей и Егоркой въехали сюда, а мама переселилась в их квартирку на «Юго-Западную». Тяжелые светло-серые гардины пошли на антресоли, а на окнах появился югославский тюль. Тогда же закончилось время хрустальных графинов на хрустальных подносах, чехлов на мебели, придававших комнатам нежилкой, музейный вид. Оставались, правда, еще некоторое время, до капитального ремонта, вытяжная труба для самовара в кухонной стене, дверь грузового лифта на кухне, дубовый паркет во всех комнатах (его заменили современным буковым) и тяжелые, крашенные белой краской двери с тугими металлическими ручками.

В парадном Таня остановилась рядом с почтовыми ящиками и набрала побольше оставленных соседями бесплатных газет с объявлениями — окна мыть. Современными моющими средствами она не пользовалась. Во-первых, они денег стоят, а во-вторых — ничем не лучше. Мама в свое время говорила, что когда с мылом вымоешь, а потом насухо газетками протрешь, то стекла блестят из-за свинцовой краски, которой в типографиях пользуются. Может, конечно, уже и не пользуются. Таня глянула на цветные страницы.

В квартире достала из сумки рабочую одежду, переделалась, набрала в тазик теплой воды — первым делом, как всегда, окна. В спальне и кухне по окну, в большой комнате два, небольшие в ванной и в туалете, балкон в библиотеке (вот и еще одно слово-долгожитель).

Тане нравилось мыть окна. Стоя в оконном проеме седьмого этажа, над пропастью, отважно дотягиваясь газетным комком до мокрых форточек, обдуваемая последним теплым ветерком сентября, она даже начала потихоньку напевать. Пела «Полюшко-поле», немного вытягивая вверх подбородок, как делают девочки на уроках музыки. Запах сырой газетной бумаги всегда был запахом весны и осени, уходящих и приходящих времен года, новых радостей и проблем, — запах времени, когда моют окна. Один раз, в большой комнате, ее качнуло, но она сразу схватилась за раму и даже не испугалась.

Окна заняли четыре часа, потом Таня заварила себе кофейку, чуть отдохнула и перекусила. Но все это недолго, больших перерывов делать нельзя, она это знала. Сразу мысли ненужные начинают в голову лезть, ноги болеть. Все эти мысли и боли оставим на ночь, долгую и, как всегда, бессонную. Сполоснула чашку и пошла в маленькую комнату, в спальню. По одной выволокла из-за двери части разобранных супружеских кроватей, поставила у окна, прислонив к стене, сняла с них полиэтиленовую пленку. Принесла влажную тряпку с кухни и протерла от пыли.

Теперь дверь могла открываться в полную ширину.

Снятую пленку расправила, сложила и убрала в старую соломенную сумку с верблюдом и арабскими буквами по краям, всегда служившую для хранения пакетов, кулчков, авосек, всякого упаковочного материала, еще годного к использованию. Место этой сумки было под кухонным столиком.

Теперь предстояло, пожалуй, самое трудное.

Под ножки дивана подложила полиэтиленовые крышки от банок, они облегчали скольжение по паркету и предотвращали появление царапин. Этот совет ей запомнился из раздела «Домашние хитрости» журнала «Наука и жизнь».

— Ну что ж, все готово, — сказала она вслух.

Потом бодро вздохнула.

— Да, давай толкать, — ответила.

Диван легко доехал до двери через всю спальню. Потом она навалилась на спинку плечом и завела одну сторону правее. Диван встал точно против проема. От такого быстрого и легко достигнутого результата даже сил прибавилось.

Теперь следовало поставить диван на бок.

Готово. Только немного задохнулась, в лицо прилила тяжелая кровь. Диван из желтого на несколько секунд стал то ли черным, то ли синим.

Начала проталкивать в проем, диван вдруг стал заваливаться обратно на свои четыре ножки, Таня попыталась его удержать, напряглась.

Он все равно упал, издав гулкий, животный звук. Она села на него, согнувшись, держась за живот ладонью, пытаясь отогнать тоску.

— Подожди, подожди, подожди. Сейчас. Ничего.

Врачи же говорили больше пяти килограммов не поднимать. Никогда в жизни не слушалась, гордилась, что не слушалась. В семьдесят первом волокля коляску с полугодовальным Егорушкой и с продуктами на седьмой этаж, когда лифт сломался, а Коля потом рассказывал об этом друзьям — с восхищением и наигранным неудовольствием. В восьмидесятых таскала рюкзаками продукты для Егорки с мамой на дачу, когда Коля работал в выходные. А уж про девяностые и говорить нечего — всякое было. Вот и сейчас непокорная Таня не слушается, даже после операции.

Поморщилась еще, посидела минутки три и встала.

Поскребла ногтем черное пятнышко на диване. Прожгли, что ли? Точно, прожгли сигаретой. Ну и не жалко, диван все равно не родной, а венгерский, венгры купили себе пять лет назад, да еще и деньги за него взять хотели. Нескладный какой-то, некрасивый и ломаться стал уже.

Венгры больше всего ей не понравились за эти десять лет. Натерпелась она с ними и зареклась пускать. Опыт у Тани теперь был богатый. Да и русские тоже не очень. Лучше всех показались англичане. Ей еще на последней работе Валюша, сотрудница (она тоже в свое время сдавала квартиру, пока за границей жила с мужем), говорила, что у англичан, мол, уважение к лендлорду в крови. Исторически так сложилось.

Таня заторопилась, времени до вечера оставалось все меньше. Диван уже встал на свое место под гвоздем от картины в большой комнате — она на этот раз была осторожней и тщательно выверяла усилия, пока проталкивала его через дверной проем. Клетчатое покрывало скрыло дырку от сигареты, в углу заняла свое место на журнальном столике большая лампа с тряпичным абажуром. Из кухонного стенного шкафа появилась картина и была повешена опять на гвоздь, на котором висела еще в ту пору, когда диван был не венгерский, а настоящий, кожаный.

Так, теперь на место дивана в спальне нужно поставить кровати. Сначала пропылесосить все там (господи, как же люди умудряются так грязно жить?), потом собрать каркасы кроватей, из-за шкафа вытащить матрасы и сверху все покрывалками укрыть. Развернуть и постелить на пол старый туркменский ковер, подаренный Колиным папой на свадьбу.

Разгладила потертую бахромку ковра, опершись рукой о пол, встала с колен. Поправила волосы.

— Ффу-ф.

С маленькой комнатой вроде все.

В большой осталось разобраться со столом. Стол должен стоять посередине, с задвинутыми под него стульями. Сейчас он разобранный лежит в библиотеке на антресолях. Придется эквилибристикой заниматься. Кухонный столик тащим в библиотеку, на него ставим деревянную стремянку (еще дедушка делал, своими руками), теперь до антресолей достанешь. Связанные ножки легко удалось спустить, а вот с досками столешницы пошло труднее. Тяжелющие, связанные бечевкой и тоже завернутые в полиэтилен от пыли, ухватиться не за что, да еще стремянка вся — ходуном. Поэтому и упали. Бечевкой обожгло ладошку, да еще во рту что-то — хрусть. Ощупала языком коренные и поняла, что опять вылетела пломба. Последний раз доктор обещала попробовать как-то спасти этот зуб, сказала, что все равно долго не протянет. Теперь уже точно выдирать.

Таня и сейчас не дала себе раскваситься. Да уже и не так долго осталось. Просто достала из сумки отвертку, пассатижи, соединила болтами четыре ножки, сверху легли доски столешницы. Таня давно научилась управляться с инструментами. Уж считай пятнадцать лет, как Коли нет, Егорушка тоже отдельно живет. Сначала она приглашала его помочь, но уже на второй раз Егорушка явно стал раздражаться от «нелогичности» этого дела. «Мам, да они же все равно по-своему переставят!» Они, то есть новые жильцы, вселяющиеся в квартиру, действительно каждый раз разбирали и убирали за шкаф старые супружеские кровати, ставили туда более удобный раскладной диван, просили разместить где-нибудь стол, занимавший центр большой комнаты, скатывали ковры и забрасывали на шкаф или на антресоли. И после их отъезда приходилось приводить все в порядок.

Но вот уже вокруг стола встали стулья, принесенные из кухни и из библиотеки. В самой кухне заняли свое нормальное, изначальное место табуретки из шкафа, которым были привинчены немного шатающиеся, ненадежно укрепленные клеем «Момент» ножки.

Отнесла обратно в кухню столик, накрыла красной клеенкой, стремянку — в стенной шкаф. Теперь чуть-чуть в библиотеке прибраться. Вот комод, например, для постельного белья, совсем не на месте. Хоть и маленький, но такой тяжелый! Таня развернула кусок старого ковролина, который всегда использовала в этом случае, и перекантовала комод на него, потом взялась за углы и потащила на себя. Потихоньку, по десять сантиметров, с перерывами, от одной стены до другой, до самого его комодового места.

Ковролин обратно к стремянке в шкаф, пылесос в руки, и вот — последнее, почти последнее усилие по всем комнатам. Шум машин, часа два назад усилившийся за окнами, сейчас даже потихоньку уменьшаться

стал, час пик спадает. Сегодня еще ничего, за день управилась, да и ремонта никакого не требовалось — обои свежие, ни одна из четырех конфорок электроплиты не перегорела, мастера вызывать не нужно, сантехника тоже в порядке. Жильцы последние вроде более-менее аккуратные были — чилийцы. Молодая девчонка с ребенком, из посольства.

За плинтусом в том месте, где стоял комодик, дырку, что ли, в обоях заклеили снизу? Прищурилась, провела рукой — долларовая бумажка застряла, сто долларов. Убрала на полочку в коридоре, допылесосила, достала из сумки записную книжку и уселась с телефоном на диван под картиной.

— Алло, Карлос? Добрый день, это вас беспокоит хозяйка квартиры, где жила Майя. Татьяна Андреевна, да. Спасибо. Нет, нет, что вы, никаких проблем, все хорошо.

Голос самой себе показался чужим. У Тани это бывало часто, когда после долгого дня вдруг заговоришь с кем-то. Егорушка тоже часто спрашивает, когда наберешь ему, мол, мам, ты что, у тебя голос какой-то странный?

— Карлос, вы знаете, я сейчас в квартире убираюсь, и мне кажется, что Майя потеряла здесь деньги. За шкафом, и когда я его передвинула... Ну, это, в общем-то, достаточно крупная сумма. Сто долларов. Да что вы, это неудобно, нет-нет. Карлос, вы понимаете... Я бы могла подвезти в любое...

Карлос ей тоже нравился, как и Майя. Он помогал с переводом, в общем, все общение шло через него. Молодой, улыбчивый, какой-то благополучный и при этом доброжелательный.

— Нет, Карлос, мне просто неудобно... Спасибо. Да? Нет, нет, ничего. Спасибо еще раз, но вы обязательно уведомите Майю. До свидания. Да, удачи вам тоже.

Ну ладно, сделала то, что должна была сделать. А теперь можно подождать месяц-другой, если Майя не откликнется, то пустить эту находку на подарки. Или просто Егорушке отдать, у него вечно не хватает, он и так жалуется, что Таня очень дешево сдает квартиру. Она ведь для него сдавала, и деньги все ему уходили. Себе-то ничего не брала, только чтобы коммунальные оплатить.

От этого небольшого вынужденного перерыва вдруг начала наваливаться усталость. Пока разговаривала с Карлосом, сидела на диване — и вот уже ноги загудели, спина. После антресолей, пылесосов и пыльных ковров пересохло в горле, хотелось пить. Таня поставила чайничек и, пока он вскипал, достала из своего рюкзака свежие занавески. Старые нужно будет отвезти домой, на «Юго-Западную», где она сейчас живет вслед за мамой, и постирать в машинке.

Ой, растяпа, ведь только столик на кухню отнесла, а теперь опять назад волоочь, чтобы стремянку на него ставить. Иначе до карнизов не дотянешься. Но зато это действительно последнее на сегодня. Еще полчаса — и все.

Конечно, это было не все. Вспомнила про балкон, хотя там оказалось вроде чисто, потом протерла пыль на люстрах (раз уж все равно стремянку со столиком таскала по комнатам), потом выбросила в мусоропровод несколько пакетов со старыми газетами и журналами на испанском языке (остались от Майи), потом помыла унитаз и раковину. На ванну сил не хватило, но она вроде бы и чистая была. Сервант в большой комнате и так никто никогда не сдвигал — слишком он старинный и громоздкий, так же и шкаф в спальне — они на своих местах.

Все. Теперь действительно все.

Переделась, сполоснула голову под душем — волосы от пыли совсем неживые сделались, как солома старая. Чайник успел остыть, пришлось заново ставить. Отнесла заварник, чашку, купленный утром маленький торт «Медовик» и баночку йогурта в большую комнату, поставила все на журнальном столике. Ой, таблетки дома забыла! Ну ладно, теперь уж поздно.

Достала из сумки обернутый в полиэтиленовую школьную обложку томик Костомарова, положила рядом. Набрала Егорушке — никто не взял, а потом у них автоответчик включился. Никого нет, хотя вроде укладывать ребенка пора, или, может, просто не слышат.

Мебель, все вещи в доме, заняв свои настоящие, присущие им места, как будто и перестали замечаться, стали частью квартиры, дома, между ними снова пролегли невидимые дорожки, натоптаннные тысячами дней и ночей, так что Таня могла бы пройти, не задев ни одной вещи, даже в полной темноте. Дух чужих людей исчез, осталось только ощущение, что здесь слишком долго жили гости, успевшие порядочно надоесть хозяевам. А уж к гостям за свою жизнь Таня привыкла — ко всяким разным. Каких только не было — Колины, Егорушкины, их сотрудники и одноклассники, друзья родственников и родственники друзей, наши и иностранцы, русские и нерусские, на ночь и на месяц. Самые частые и любимые оставляли в шкафу свои тапочки, чтобы каждый раз не возить.

Только какая-то тишина нехорошая. Давит как будто.

Часы, от них все. Встала, скинув шлепки, на стул перед часами, открыла легкую, стеклянную, в деревянной раме створку, завела ключом обе пружины — справа от оси стрелок (и от полустершейся, нечитаемой немецкой надписи) и слева — одну для хода и другую для боя. Потом выровняла корпус по карандашной рисочке на обоях, подвела, выжидая каждые пол-оборота минутной стрелки, для того чтобы часы успели отбить положенное количество ударов. Пустила маятник.

И стало действительно тихо. Время потекло. Красноватая от тряпичного абажура настольной лампы темнота большой комнаты стала уютной, семейной, какой и должна быть вечером, после полного рабочего дня. Таня еще несколько минут тревожно поглядывала на часы, беспокоясь, что они остановятся с непривычки, но маятник шагал ровно. За минуту до половины десятого послышалось тихое шипение и стихло, а когда длинная ажурная стрелка указала ровно вниз, шипение раздалось вновь, и сразу вслед за ним невидимый молоточек ударил по такой же невидимой бронзовой спирали, которая еще долго дрожала, наполняя комнату мягким гулом.

Таня наконец уселась на диване, налила себе чаю, включила телевизор, убавила звук, перецелкнула несколько программ. Сначала изображение отвлекало, но скоро превратилось в обычный вечерний семейный фон. Приглушенная речь телевизора, привычно стоящего прямо под часами, чуть развернутого в сторону круглого семейного стола в большой комнате, смешалась с размеренным ходом часов, шумом машин на улице, гудением лифта за входной дверью, звяканьем чашки, когда ее ставишь на блюдце. «Резкую реакцию в парламенте вызвало сообщение о планах расширения НАТО на восток. Алла Пугачева вынуждена сесть на огуречную диету перед свадьбой».

Таня скинула тапочки, подобрала под себя гудевшие ноги и накрыла их пледом, подлила чая. Начался вечер. Таня развернула Костомарова на заложенном месте, устроила на коленях, взяла блюдечко с куском торта и погрузилась в жизнеописание Мазепы, радуясь солидной, надежной толщине книги.

Переворачивая очередную страницу, слышала, как лифт остановился на седьмом, двери с жужжанием разъехались. Окутанная ароматом давно прошедших событий, с неохотой заложила пальцем книгу, сняла плед с ног, поправила волосы и посмотрела на часы — опять задерживаются, уже так поздно, почти половина одиннадцатого.

И вдруг осталась сидеть, опустив голову.

Хлопнула соседская дверь. Потом, за минуту до половины, часы аккуратно прошипели и затихли. Таня подняла голову, привычно дала себе команду, собралась с силами и встала — предстоял еще неблизкий путь на «Юго-Западную». Троллейбус, потом метро, потом пешком еще топать. А завтра на кладбище собиралась, тоже все в порядок привести, оградку перед зимой покрасить, пока сухая погода стоит.

Еще раз автоматически глянула на наручные часы. Господи, как поздно уже. Как поздно.

Евгений Сулес

Мыши

1 декабря

Они появились сегодня. А может быть, и раньше. Но обнаружить и заметить их мне удалось именно сегодня.

Я зашел в кухню и увидел, как нечто серое, смутное очень быстро (будто его и не было вовсе) шмыгнуло с угла раковины под плиту.

Сердце мое яростно и шумно забилося. Я сразу все понял.

Это была мышь!

Маленькая, серая, гнусная, гадкая мышь! Мышь, пришедшая из подвала!

Я боюсь мышей. Во всяком случае, испытываю к ним бо-о-ольшую неприязнь. Эти маленькие твари способны испортить даже самую удавшуюся жизнь!

Итак, у меня в квартире завелась мышь или, возможно, мыши... Зима начинается с неприятностей.

3 декабря

Сегодня наконец-то удалось купить две блестящих металлических мышеловки.

Заряжать мышеловку не так-то просто. Если неправильно ее поставить, она может не сработать когда нужно, или, наоборот, сработать раньше, чем нужно, и заехать тебе по пальцу.

Пока я заряжал мышеловку, мне казалось, что я совершаю обряд черной магии. Я был дома один. Было тихо и стало еще тише. Мертвенно тихо. Своими руками я тщательно и осторожно сооружал чью-то смерть.

Мышеловка сработала быстро. Минут через семь.

Под раковиной сидел маленький мышонок. Очень маленький. Ему прищемило хвост. У самого основания. Он непонимающе хлопал глазками.

(Или мне показалось?) Глаза были как две черных бусинки. Рядом с зажатым хвостом налилась ярко-красная, будто нарисованная краской, капля.

Я взял палку и постарался ударить его точно по голове. Мышонок яростно задергался и закричал. (Или мне показалось?) Я ударил еще раз. Его лапы два раза монотонно сжались и разжались, и он успокоился.

В этих рефлексорных движениях уже не было жизни, а только какой-то неведомый живым ритуал. Взмах руки, прощальный — и одновременно приветствующий смерть. Так курица продолжает бежать без головы по деревенскому двору и уже убитый фашист успевает отдать честь: «Я помню тебя, Адольф, возлюбленный мой!..»

Палка, пол и металлический край мышеловки оказались испачканы кровью.

Я выкинул труп мышонка в пакет для мусора и снова зарядил мышеловку.

За вечер и ночь я убил еще трех мышей! (Одно из заблуждений русского языка и сознания, будто в мышеловку ловят. На самом деле ею убивают.)

Странное чувство. Я возбужден. Меня немного трясет и знобит. Ощущение холода проникает под кожу.

Я вершу чью-то судьбу! Решаю, жить им или нет. Пусть это касается всего лишь мышей и происходит только в моей квартире. Но все-таки здесь я превратился в Бога! Пускай в мышиного, но в Бога! Захочу — уберу мышеловку, захочу — нет. Я лично принимаю решение! На колени, серые твари!

4 декабря

Еще две!

5 декабря

Мыши все не кончаются, и мне это все больше нравится. Если в мышеловку долгое время никто не попадает, я немного нервничаю.

Правильно говорят, убивать — это как с женщиной, первый раз страшно, а потом ничего, даже приятно.

6 декабря

О, этот сладостный звук сработавшей мышеловки! Я слышу тебя сквозь густую тишину ночи.

Я иду принять ваши души, дети мои!

9 декабря

Мышеловка пуста уже три дня. Я больше никогда не услышу лязга пружины, не положу застывший мягкий серый трупик в пакет для мусора!.. Это конец.

10 декабря

Положил в мышеловку палец. Было больно.

11 декабря

Сегодня самый важный день моей жизни. Я сделал невероятное открытие! Я осознал и понял себя. Понял, кто я такой!

Я — мышь! И я осознал это с ясной отчетливостью. Я — мышь...

Но я не простая мышь. Я мышь, осознающая себя мышью! В этом мое отличие и мое достоинство.

Итак, я мышь, и где-то неподалеку спрятана мышеловка. Теперь надо срочно выяснить, где и в чем она сокрыта.

Логично предположить, что она там, где хорошо. Где лучше всего и легче всего это лучшее достается, там и кроется смерть.

Также логично предположить, что, пока мы живы, она там, где нас нет. Потому что как только мы окажемся там, где мышеловка, нас самих уже не станет. Хотя в редких случаях, угодив в мышеловку, выживаешь. Например, если чудом тебе прищемило только хвост. Это бывает с самыми маленькими. Но это хуже всего. Потому что очень больно. А надежды выжить никакой. Уж лучше мгновенная смерть!

Отныне мой девиз: живи или умри мгновенно! Будто тебя и не было. Пропади в серых, как вся твоя жизнь, пакетах для мусора, сгний (или как правильно сказать нужный глагол?) на свалках, окружающих город, вместе с другими отходами!

P. S. Для начала буду избегать всего приятного и хорошего, особенно того, что само плывет в руки.

12 декабря, день Проституции

Сегодня, в международный день Проституции, все шлюхи должны давать бесплатно. Согласитесь, это логично. Как же еще отметить этот замечательный праздник?!

13 декабря

Очнулся в ванной комнате. В полной темноте. В руках — свеча. Стою смотрю на свое отражение в зеркале и не узнаю его. Как попал сюда, не помню.

14 декабря

Племянников. Надо опасаться племянников. Они обожают загонять своих дядей в мышеловки.

Стоп. Но у меня нет племянников... У меня нет племянников? Нет! У меня нет никаких племянников! Это очень, очень, **ОЧЕНЬ** хорошо!!!

P. S. Отныне племянников уничтожать при самом появлении на свет. Всех до единого. Жалость неуместна. Сегодня пожалел племянника, завтра — попал в мышеловку!

15 декабря

Что значит быть мышью? Не знаю.

Но знаю, что значит осознавать себя мышью. Это значит постоянно ощущать скрытую, ничем не проявляющую себя опасность. По-сто-ян-но *ощущать* самой кожей, всем сердцем, подкоркой своего мышино мозга, ощущать смерть. Ее притаившееся присутствие. Ее металлическое дыхание.

И понимать, что твоя жизнь сводится только к одному условию и смыслу: выжить! Выжить во что бы то ни стало. Выжить всему вопреки, выстоять, остаться живым, обмануть тех, кто объявил на тебя безжалостную охоту. Объявил не потому, что ты в чем-то виноват или что-то преступил, нет, — только лишь потому, что ты есть! Ты есть, но тебя не должно быть! Вот что они решили, эти таинственные хозяева жизни. Тебя не должно быть! Ты понял?

Но мышь, осознавшая себя мышью, признавая всю никчемность, убогость и серость своего существования, вместе с тем признает, а точнее объявляет за собой право существовать! Право быть.

Я есть! — говорит она гордо. — Я есть...

И я объявляю вам войну, желающие моего уничтожения. Победить в моей войне — значит остаться живым. Пока я жив, я побеждаю вас, невидимые вершители судеб!

16 декабря

Сегодня мышь увидел женщину. Она ему очень понравилась. Она была прекрасна.

Потом он увидел другую женщину. Она была нарисована на плакате и подвешена над проходящими мимо мышами, не осознающими себя мышами.

Она тоже понравилась мышу и тоже была прекрасна.

Но между двумя женщинами была разница. Мышь это чувствовал и даже понимал, но не мог определить, какая и в чем именно она заключается.

Мышь пришел домой, поставил вариться макароны и написал на запотевшем окне: *«Любовь мыша...»*

Когда он лег спать, ему приснилась женщина-мышеловка о двух головах.

Мышь проснулся среди ночи и долго слушал, как стучит его испуганное сердце.

17 декабря

А что если сама моя квартира и есть мышеловка? Я уже попал в нее, и мне никогда не уйти отсюда... Во всяком случае, живым. Она заведена на определенный день и час. Время придет — она сработает. Оглушительный лязг прервет мое гнетущее существование.

Или мышеловка — весь этот город? Серый, наглый, похожий на устаревший механизм...

Или весь мир?! А мы в нем — мыши. Мы уже давно пойманы. За нами наблюдают и ждут какого-то знака, чтобы нажать на кнопку и... ЛЯЗГ! Нет больше мыша.

Да и всех остальных мышей тоже нет.

Но чего же они ждут? У них что там, эксперимент?

А вдруг в мышеловке что-то заржавело? Такое тоже может быть. Мышеловка сломалась! Гуляй себе, мышь, спокойно и привольно, вдыхай запах серого города, освещенного по вечерам призрачным светом неоновых огней, преображающих его в лживую сказку.

А если они ее починят?

Да, они обязательно ее починят, такими вещами не шутят. Такие вещи чинят очень быстро. Такие вещи если и выходят из строя, то крайне редко и ненадолго. Большое счастье и удача жить на свете во времена сломанной мышеловки! Но не успеешь оглянуться — она снова работает с жадностью изголодавшегося художника. И, увы, ты заметишь, что она снова в строю, только...

В общем, это будет последнее, что ты заметишь.

18 декабря

Меня продолжают мучить вопросы! Сплю я или сижу в туалете — неважно! Всюду меня преследует невыносимая тяжесть философских размышлений!

Что происходит с мышем, когда он умирает? Что следует за оглушительным лязгом сработавшей мышеловки? Что дальше? Тишина, пустота и абсолютное ничто? Или он снова рождается мышью и влачит свое мышье существование до следующей мышеловки? Или рождается крысой? Тараканом, деревом, сыром? Как много разнообразных возможностей!

Или он пребывает в каком-то неизвестном нам пространстве, о существовании которого мы можем только догадываться?

Не знаю...

А что происходит с мышем, осознавшим себя мышью? Получает ли он благодаря своему осознанию какую-то награду или нет? Достаточно ли этого осознания для преодоления цепи мышьиных перерождений?

Вопросы без ответов!

19 декабря

А может быть, где-то там, далеко, кто-то большой и добрый... любит мыша, а? Может же такое быть! Какому-нибудь полубезумному старику наплевать на то, что я мышь, как всем наплевать на мои убогие записи?

И он меня ждет. Среди белоснежных новогодних комнат? Среди зеркал и свечей? Он один меня понимает. Он... мой мышьиный Бог. Он...

Я теряю слова и нить размышлений. Все рвется, выскальзывает из рук, уходит из-под ног, исчезает, предает...

Нависла тень над мышем. Тень судьбы. Тень воина и смысла. Три тени, как одна. Вот-вот все разрешится, грядущее проявится и овеществится. Мышь тропой теней обречена спуститься вниз по тем следам, что оставляли предки...

Что я говорю?..

Возмутись! Взыграй! И разорви все цепи! Встань и выйди вон! Там, у дверей, отец, в его руках судьба и меч. Пора в дорогу. Осень прекратилась и застыла. Листва гниет красиво, мыши — нет...

Что я говорю?!

Пришла пора чудес и страхов. Все разрешится в срок. Услышишь смех трех дев, увидишь старика, забор, дорогу и — дары волхвов, читающих по звездам...

Что я несу?!

Спи. Рано утром в темноте тебя разбудит тишина и вырвет с корнем.

Спи. Ты здесь в последний раз!

Я говорю!

20 декабря

Сегодня ночью, уже под зарождающееся, но еще невидимое утро мне явился Мышиный Король.

Он возник неожиданно, шурша длинным подолом рваной королевской мантии. Остановился передо мной и долго смотрел в упор, будто потерял на дне моих глаз ключи от квартиры.

— Хорош-ш, — прошипел Мышиный Король на манер старой выжившей из ума змеи. — Хорош-ш... Отныне нарекаю тебя Нареченным и Преданным. Ты Преданный и Нареченный. Ты ищешь. Но не кусок сыра, подобно другим мышам, мнящим себя победителями вселенской лотереи. Они ищут сыр, но находят — смерть. Ибо сыр приколот, как щит великого князя, к самому сердцу мышеловки.

Ты ищешь саму мышеловку. Но что же ты найдешь?

Тут Мышиный Король залился довольным смехом, будто рассказал похабный анекдот. Смех все нарастал, слюна брызгала фонтаном. Король закашлялся, подавись своим смехом, и... умер.

23 декабря

Спустя три дня по смерти Короля явилась Королева.

Она была молода и печальна. Она печально смотрела, сидя на подоконнике, в окно на ночной умерший город. Печально курила и печально раздевалась. Печально отдавалась маленькому мышу, как госпожа шуту в старинной картавой песне, печально стонала.

Печально одевалась под утро среди помятой травы и мертвых кузнечиков. Печально смотрела в окно на воскресающий из тьмы и пустоты город.

— Теперь ты Король, — печально сказала Королева и впервые улыбнулась.

На ее щеках появилось по ямочке. В ее улыбке затеплилась жизнь.

— Теперь ты Король, — повторила она. — Король в изгнании. Куда поведешь ты свой бедный народ? Народ, не признающий тебя. Народ, которому ты не нужен...

Она ушла, и мышь заснул. Чтобы проснуться в третьем часу дня с головной болью и мукой на сердце. Чтобы встать и пить горько-сладкий чай с черным хлебом и думать о ней.

24 декабря

И все-таки должен быть хоть какой-то смысл! В моих размышлениях и записях, в моих прогулках по городу, в том, как я пытаюсь избежать мышеловки, во всей моей мышиной жизни — должен быть смысл.

Но вряд ли мне удастся его узнать, понять и тем более выразить словами.

Жизнь скоротечна. А жизнь мыши еще скоротечнее. К тому же она обрывается предвиденным заранее обстоятельством.

Так может быть, сама мышеловка — это и есть смысл мышиной жизни? Конец, венец, пи...

Ну где же ведущий этой дурацкой викторины?! Когда же он оборвет цепь моих размышлений своим властным возгласом: *«Господа, время истекло (время из стекла, ха!), а теперь, внимание, правильный ответ!»*

Я не узнаю (или не узнаю?) смысла, но он есть. Он заложен, как часовая мина. Рассыпан во всем, как бисер, как мозаика, как осколки, как слезы.

Сегодня мне снилась ослепительно белая, сияющая ярчайшим неземным светом мышеловка. Играла тихая умиротворяющая и вместе с тем торжественная музыка. Я входил в мышеловку под негромкие приглушенные аплодисменты. И она медленно и нежно опускалась на мою жадно дышащую грудь.

25 декабря

Сегодня мыши-католики празднуют Рождество.

Королева больше не приходила, будто ее не было вовсе. Наверное, ее и не было, а просто хотелось, чтобы была. И Короля не было. И меня тоже — не было.

Кто-то меня выдумал, сидя за компьютером и сильно от чего-то устав. Убивал мной свое одиночество и свой страх. Изживал в себе мышшь, серость своих будней и неудовлетворенность порывов...

Брр, придет же в голову такая белиберда! Это ж надо до чего додумался — теперь уже и меня нет! Пойду вылью на себя таз холодной воды. Может, полегчает.

26 декабря

Мыши-католики закончили праздновать в кругу своих семей Рождество, и у них болит голова. Они пьют, уставясь в телевизор и ничего там не видя, горячий бульон и таблетки.

27 декабря

Я так долго боялся мышеловки, что начинаю хотеть ее. Хотеть, чтобы *это* поскорее произошло.

Но я ищу мышеловку и нигде не нахожу. Где она, где? Я призываю тебя, мышеловка! Я вызываю тебя на бой! Я — новый Мышиный Король, не нужный своим подданным!

28 декабря

Порыв ветра... кружит обрывки любовных записок... Раздувает платья, поднимает мышей в воздух и снова опускает на землю.

Земля... кружится... И на ней вращаются многие земли и воды... Плы-вет среди космической ночи корабль. *И корабль плывет...*

Приземляются души и отрываются... Поток жизни, круговорот душ и мышей в природе.

Мгла... проясняется... Майское солнце, все цветет, и девушки едут в трамваях города и смотрят сквозь грязные стекла трамвайных окон на свет.

Я снова пойду в школу, снова сугробы станут белыми и большими. Помойки наполнятся сокровищами, а дома — людьми. Все снова будет в первый раз.

29 декабря

Я узнал свое отражение в зеркале. Это — я. Я — это. Я — эхо, отголосок чьей-то жизни и какого-то призыва.

— Я — призыв. Я зову вас, а вы не идете, — говорит призыв.

В моих глазах одна любовь. Так много любви. И она истекает слезами. Слезы и любовь заволокли мои глаза, и я ничего больше не вижу. Я просто наматываю круги по своей комнате, открываю окно и смотрю на город.

Но мне не страшно. Я больше не боюсь мышеловки и не ищу ее. Она сама найдет меня, когда ей очень захочется или когда придет время.

Время... я целую твоё время.

Имя — я шепчу его и складываю

Из буквочек и снов.

Будет еще много хорошего. Время... еще есть, еще остается.

Я беру бережно тебя в руки,

Выхожу навстречу из берегов.

Песчаный берег, обрыв земли... Река холодная и брода нет. Но тут плывут и те, кто плавать раньше не умел. Кто не сумел найти дорогу, кому не доставало сил, теперь осияют новый путь.

Я бегу, я убегая...
По траве и снегу,
По земле.

30 декабря

У меня нет больше слов. Они закончились, слова иссякли. Я принимаю к молчанию. Я устал от всего, что у слов. В этой стороне нет ничего.

Я устал быть мышью.

31 декабря

.....

1 января нового года

Наступил Новый год.

Накануне тут и там сновали мыши в запоздалых поисках подарков и чего-нибудь вкусенького к праздничному столу. Многие мужские особи были уже пьяны и счастливы. Земля уходила у них из-под ног. Казалось, они двигались сразу в нескольких направлениях, качаясь из стороны в сторону, как корабли во время непогоды.

О, это пьяное белое дешевое мышинное счастье! Как легко на тебя наскрести, когда уже вроде бы ничего не осталось. И купить в любом ларьке или с рук у бабки круглые сутки круглого года... Ты последний причал и умильная пристань всех проигравших мышей. Последний лукавый друг их. Не будь тебя — пришла бы кровавая беда. А так половина мышинной страны тихо спивается, незаметно живет и незаметно погибает. Но не ропщет на свои скорби! Будь с нами, пьяное счастье, раз другого нам не дано! Будь с нами, заклиная тебя!

В сумерках засветились гигантские ели, загорелись, подмигивая проходящим мимо мышам, украшенные витрины.

Мышь весь день просидел дома. Было тихо. Только с улицы и из соседних квартир доносились голоса и шумы.

В этот день у мыша что-то случилось со слухом. Он обострился, и мышь слышал вещи, которых раньше не замечал.

В квартире наверху двигали мебель. Через этаж, справа, — занимались любовью. А на последнем, под самой крышей, на скрипящем магнитофоне проникновенный голос допел песню:

...Да, Королева, это Новый год.

Когда часы пробили полночь, все мыши серого города издали некогда грозный боевой клич: «УРА!»

Мышь тоже крикнул: «Ура!»

Через полчаса мыши дружною гурьбой высыпали на улицу. Грохнули хлопущки, брызнули фейерверки, послышались пьяные песни.

Мышь подошел к своей украшенной старыми игрушками елке.

Рядом с выцветшим от времени Дедом Морозом лежал небольшой упакованный сверток. На нем было аккуратно выведено: «Подарок мышу».

Мышь взял в руки сверток, сел с ним, застыв на несколько минут. И только потом, не спеша, развернул и увидел прямоугольную коробку. Мышь раскрыл коробку.

На дне ее, уложенном белой ватой, лежал уменьшенный скукоженный трупик мыша.

Никакой записки или инструкции к подарку не прилагалось.

Мышь вышел на улицу, сел у подъезда посреди московской стихающей ночи и поднял голову вверх.

Дмитрий Калмыков

Зов

— Митька! Опять туда забрался! Зову, зову, а он, гаденыш, сидит себе! А ну слезай, кому говорю! Суп остынет. Не слышит, поскребыш худосочный! И зачем только я вас нарожала?! Одна шалава малолетняя и этот малахольный! Чего ты лазаешь-то туда?! Уж скорее б шею себе свернул! Нет, он не слышит, мерзавец! Я кому говорю-то?! Сидит как тетерев, как глухарь на суку, хоть бы что ему! Мать целыми днями надрывается, а ему-то что?! Лишь бы на дерево забраться и сидеть целый день! Медом там тебе намазано, что ли? А ну спускайся, гаденыш! Даже не шевелится! Ну я тебя камнем сейчас! А, дошло теперь! Чего глазами-то хлопаешь, слезай быстро, суп стынет!

Я помню минуты потрясающей ясности. Вернее, это были не минуты, даже не знаю, как описать эти отрезки времени, поскольку собственно времени-то в них не было. Оно словно проваливалось в бездонную яму, теряло границы и меры. Это случалось, когда я залезал на березу, росшую во дворе нашего деревенского дома под Ржевом. Утром, выйдя из дома, я бросался к дереву и карабкался на него. Стоило мне встать на первый сук и посмотреть вверх, как небо опрокидывалось на меня. Я лез дальше. Сквозь редкую листву и черно-белые сучья на меня смотрело пространство, и с каждым следующим шагом к вершине я падал в него все быстрее. Все исчезало, оставалась только синева. Я становился глух, терял способность осязать, я замирал и растворялся. Казалось, легкое дуновение ветра могло унести меня, как верхушку песчаного бархана. Кроме ощущения беспредельного счастья, ничто не связывало меня с миром. И зов, я постоянно слышал зов.

Бес

Входная дверь шумно распахнулась. Бес промчался по коридору в свою комнату. Там раскрыл шкаф, схватил со дна рюкзак, стал пихать в него вещи, почти не глядя, что берет. В дверях бесшумно появилась мать. Она испуганно и молча следила за сыном.

— Миша, собираешься куда-то? — все-таки решилась спросить она.

Бес обернулся на голос матери. Шагнул к двери и захлопнул ее, не ответив. Он вдруг остановился среди комнаты. Чувствовал, опять начинает мутить. Да это и не прекращалось, просто утихло немного, пока бежал. Бес сел на диван. Надо было думать, неважно что, главное не поддаваться мути, иначе сделает еще хуже. Куда уж хуже? И как это получилось? Все из-за Рябчика! С этой тварью всегда подставы. При мысли о Рябчике замутило с новой силой. Бес тупо переводил взгляд с одного предмета на другой, ища, за что зацепиться. Прямо напротив он видел собственное отражение в лакированной дверце секретера. Маленькая, темная, искаженная фигурка. Он впервые увидел себя таким. Воспоминания. Когда это началось? Миша Бесонов в девятом классе средней школы: длинные патлы, ярко-красные прыщи, глубокие темные подглазины, косуха из кожзама. Стоит в школьном туалете в компании таких же тощих угловатых подростков, они курят первые сигаретки. К ним подходят одноклассники, плотные румяные гопнички, что-то говорят, пихают одного, бьют под дых другого. Никто не сопротивляется. Гопнички забирают сигареты, деньги. Миша не отдает и выхватывает по щам, в первый раз по-взрослому. Кровь из носа, Миша как баран смотрит на своего обидчика, и его начинает мутить. Бьет в ответ, его сминают толпой. Через два года Миша коротко стрижен, в олимпийке и джинсах. Старые приятели боязливо косятся на него. Гопнички уважают, но к себе принимать не торопятся. А Мишу мутит и от тех, и от других. Страха больше нет. Когда подступает муть, все сливается, все теряет ценность, нужно лишь прорваться через туман. Миша гоняет на «мячик». За игрой почти не следит, даже правил до конца не знает. Его взгляд прикован к сектору болельщиков враждебной команды. Там всегда можно найти выход, туда выплеснуть черноту. Миша шизит на трибунах, прыгает на фанатов, на ментов, на «космонавтов»: как одержимый ищет драки. Миша в «фирме». Первый выезд в Питер. «Бомжи» накрывают прямо на перроне. Кое-как откусались. После матча гасилово с ОМОНОм. Мише вышибают два зуба и опускают почку. После выезда он — Бес.

Домой на «собаках». Едут вместе с Рябчиком. Рябчик сразу не понравился Бесу — мелкий, верткий, как уж, лицо чумазое от веснушек. В его

присутствии Бес всегда чувствовал мусть, но сопротивляться этому не хотелось. Рябчик — катализатор, он запускал реакцию, а Бес только выбирал направление, куда выплеснуться. Он стал чаще ходить в стенке. Всегда в первом ряду. Там он осознал мощь, которая скрывалась за мустью. Когда он видел противников, их ряд, кричащие рты, взлетающие руки, в нем что-то поднималось, мир терял краски, все сливалось в один мрачный поток, через который Бес рвался, не чувствуя ни боли, ни страха, ни угрызений совести. Даже когда прыгнул одному кенту на лицо. И всегда рядом с ним Рябчик, он словно создан был для того, чтобы держать Беса все время подогретым, готовым к взрыву. Бес ненавидел Рябчика — совершенно беспричинно, но страстно. Он лелеял эту ненависть, точно старая дева свою петунью, и с удовольствием ждал того дня, когда сорвется и размажет Рябчика. Рябчик был трусоват, но всегда мог извернуться так, что никто не мог упрекнуть его в трусости. И на подставы он был большой мастак. Тут Бес вспомнил, что случилось. Почему пистолет Рябчика оказался у него в руке? Они стояли на железнодорожной станции, на запасных путях, между двумя составами с мазутом. Рябчик вынул небольшой черный пистолет. Сказал, что возьмет его на следующую акцию и, если их погонят, вальнет кого-нибудь. Рябчик явно кривлялся, гаденько подхихикивал и шнырял глазками по сторонам, вдруг кто пойдет. Бес знал, что Рябчик никогда не возьмет пистолет на акцию. За такое свои же замочат. Это вызвало у него новый приступ мути.

— Дай посмотреть, — Бес протянул руку.

Рябчик сунул ему железо.

— Самопальный, что ли? — спросил Бес.

— Ага. Большого знаешь? Он сделал. Стартовый переточил.

Бес стоял и рассматривал пистолет, как вдруг метрах в десяти от них из-под цистерны вынырнули двое. Рябчик отошел на полшага. Бес уже не мог просто протянуть ему пистолет. Он даже усмехнулся про себя хитрости Рябчика. Двое замешкались, остановились. Бес смотрел на них. Два чурбана. Вообще Бесу было плевать на национальность, но сейчас, подогретый Рябчиком, он почувствовал ком в горле, он уже знал, что не даст им просто так уйти. Один из них тоже уставился на Беса и даже ослабил, сверкнув фиксами. Второй стал что-то быстро говорить ему на своем, но тот не слушал. Он принял вызов Беса и пошел на них с Рябчиком. Бес понял — этот непростой. Во взгляде его сквозило нечто, будто он уже перешел черту, попил крови. Бес испытал злобную радость: такого сломать вдвойне интересно. Он стоял в пол-оборота, и чурка не видел пистолет. Проходя, он слегка задел Беса плечом. Бес толкнул в ответ, тот выхватил нож — обоюдоострый, с ложбинкой кровостока. Не думая, Бес

пальнул в грудь сопернику. Тот отшатнулся и упал. Второй попытился, крутанулся, кинулся бежать, стуча по гравию. Бес шмальнул ему в спину. Этот зарылся носом в землю. Рябчик присел на корточки. В первый раз Бес видел оголенный страх в лице Рябчика. Ему вдруг стало смешно.

— Держи! Рабочая воляна, — Бес кинул Рябчику пистолет.

Рябчик отбросил его, словно головешку.

— Совсем чердак съехал... — прошептал Рябчик и бросился бежать.

Бес остался один с трупами. Теперь ему тоже стало страшно, но не так, как Рябчику. Он подобрал пистолет и побежал домой.

Сидя на диване, Бес сунул руку в карман куртки. Надо было выбросить пистолет. Почему он не выбросил? Бес вынул его и еще раз осмотрел, даже понюхал. Затем взвел боек. Ему снова припомнилось искривленное, зверское лицо человека с ножом. И снова замутило. Он аккуратно спустил боек, подхватил рюкзак и высочил из дома, в коридоре чуть не сбив мать, почти слившуюся со стеной.

Небо было серое и мутное. Вдоль дороги, по которой уходил Бес, стояли уродливо опиленные тополя.

Пять минут из жизни Ивана Ивановича

Двери лифта открылись, Иван Иванович сделал шаг и оказался на лестничной клетке. Его «однушка» была налево, совсем недалеко, всего-то и надо, что пять раз переставить ноги. Со вздохом Иван Иванович повернулся и зашагал к двери. Правое плечо тянул книзу тяжелый пластиковый пакет из магазина «Пятерочка». В пакете лежало 2 кг картошки, пакет молока Лианозовского молочного комбината, пакет кефира «Домик в деревне», 287 граммов сыра «Российский», нарезной батон «Красная цена» и бутылка пива «Моспиво». Ноша была столь же тяжела, сколь и необходима. Дошаркав до входной двери, Иван Иванович повернул голову и оглядел соседские: они стояли как глухо-слепые. Иван Иванович построже сдвинул брови и запустил свободную левую руку в карман старого пуховика-аляски, чтобы вынуть связку ключей. Дело это было не такое уж пустяковое, поскольку восемь лет назад, когда Иван Иванович еще работал токарем на заводе «Московский подшипник», он получил производственную травму — ему перерезало сухожилие на среднем пальце. С тех пор палец не гнулся и торчал до неприличия прямо. Сейчас палец цеплялся за край кармана и не пускал в его темные недра

остальные. Иван Иванович начал уже раздражаться, пакет в правой руке становился тяжелее с каждой секундой. Ставить его на пол Иван Иванович не хотел, потом за ним пришлось бы нагибаться. Ко всему добавилась еще новая беда: Иван Иванович почувствовал, что черные шерстяные брюки, некогда отлично дополнявшие его свадебный костюм, начинают сползать. Не далее чем вчера отлетела бляха от старого и единственного брючного ремешка из кожзама, а обзавестись новым Иван Иванович не имел ни средств, ни возможности — до пенсии каждая копейка у него была посчитана. На лбу Ивана Ивановича выступила испарина, он пошире расставил ноги, чтобы хоть как-то остановить неумолимый ход брюк, и продолжил прорываться к связке ключей. Он пыхтел, тупо глядя в коричневый дерматин, местами отставший от двери, кисть правой руки побелела от напряжения, наконец большой и безымянный пальцы поймали стальное колечко, на котором болтались ключи. Иван Иванович вытащил связку из кармана, держа ключи в руке, подтянул брюки и вставил ключ в замок. Дважды повернув ключ против часовой стрелки, он отпер дверь. Когда Иван Иванович делал шаг через порог, твердый уголок «Домика в деревне» пронзил полимерную плоть пакета и аккуратно выскользнул на бетонный пол лестничной клетки. Иван Иванович плюнул про себя, чуть замешкался, засеменил истертыми коричневыми башмаками по прорезиненному коврику, лежавшему у двери, повернулся направо, поставил пакет возле обувной тумбы, повернулся обратно, держась левой рукой за косяк, нагнулся к пакету кефира, чуть слышно побряхтывая, подобрал его, затем разогнулся. В спине Ивана Ивановича что-то щелкнуло, как будто механизм в старом диване-книжке. Иван Иванович дважды глубоко вздохнул и повернулся закрывать дверь. Оказалось, что распахнута она довольно широко. Иван Иванович опять схватился левой рукой за косяк, диагонально выставился в дверной проем и потянулся к крашеной черной ручке. Тут он почувствовал, что брюки спадают с него как-то чересчур стремительно. Позабыв о предосторожностях, Иван Иванович отпустил левую руку, чтобы подтянуть злосчастные брюки, и в тот же самый момент рухнул. Сгруппироваться он не успел — годы — и клюнул носом бетонный пол. Так его и нашли, распластавшегося на полу, лицом в кровавой луже, с ягодицами, обнаженными чуть меньше чем наполовину. Не мертвого, конечно, просто без сознания.

Евгения Доброва

Следы на муке

Телефон зазвонил в сумочке. Я долго нащупывала его среди дисконтных карт, расчесок, косметики и прочей дамской ерунды. Пока искала, думала, что не успею ответить. Но телефон все звонил, и звонил, и звонил...

— А помнишь, как мы с тобой куличики из песка пекли? — спросила бабушка.

Это была «мамина» бабушка, Валя, ее я любила.

— Пекли, дорогая, пекли.

— Ты маленькая была совсем, мы сидим во дворе перед домом... Любила ты эти куличики печь...

— Любила, дорогая, любила.

— Что случилось? — шепотом спросил Богдан; со стороны наш разговор, вернее, те реплики, что он слышал, и впрямь выглядели странно.

— Бабушка решила умереть, прощается.

— Твой Богдан, он мне нравится...

— Хорошо-хорошо, только не волнуйся...

Мы едем в маршрутке из Петергофа в город. Субботний вечер, садится солнце, шоссе почти пустое. Шофер включил музыкальную радиостанцию, опустил на глаза темные очки, гонит лихо, за сто километров в час. Женщина напротив слышит наш разговор, отводит глаза.

Никаких куличиков я не помню. Помню морячка. Это был штоф, фарфоровый, трофейный, о шести крючьях по рукам и ногам, на которых висели маленькие белые чарочки. В бескозырке у него была пробка, а в руках он держал бутылочку, наискось, как младенца, и из ее горлышка следовало наливать содержимое. Почему-то морячок не прижился в хозяйстве, и бабушка отдала его мне играть. Я помню, как сидела возле угольного сарая и пересыпала из чарочки в чарочку сырую землю. Удивительно, но ни одна из них не кокнулась, морячок о шести крючьях по рукам и ногам до сих пор стоит в серванте при полном параде.

Бабушка умерла в жару, в конце августа. Она ничем не болела. Как всегда, ухаживала за грядками в огороде. Вдруг стало плохо с сердцем, приехала скорая и забрала ее в больницу. Тут-то она мне и позвонила — на мобильный, за тысячу километров.

Когда я вошла в калитку, застала райскую картину: по всему участку буйно цвели астры и хризантемы, поспели наливные яблоки, то был особый сорт, бабушка ими гордилась. Над городком разливался колокольный звон. В доме хозяйничали родственники, все окна, двери были нараспашку.

Она умирала десять дней, в больнице, находясь в полном рассудке. Умерла с третьего раза: дважды останавливалось сердце, она уходила, а потом опять приходила. С бабушкой все это время сидела мама. Я спрашивала:

— Ну что, что *там*?

А бабушке в это время — когда она, в общем-то, была мертва — виделось, что она в городе своего детства, причем тоже в больнице, и ей плохо. («Это она там рождалась», — предположил Богдан.) И никакой черной дыры, ангелов, Господа Бога и тому подобной мифологии. Профессор Моуди был бы разочарован.

Меня тогда поразило то, что она уходила два раза — и ничего не обнулилось в сознании. Ничего!

На окне в вазе стояли цветы, ее собственными руками выращенные астры, в палату их приносила мама: красные, желтые и фиолетовые. В тот день у бабушки в первый раз остановилось сердце. Прибежали реаниматологи, приложили электрошок, сердце опять завелось.

Бабушка открывает глаза, видит букет в квадрате окна:

— А, цветочки... Помню... а что у меня грудь так болит?

— Тебе делали массаж, — отвечала мама и совала в халаты врачам сто-рублевки.

По-настоящему она умерла, когда до больницы наконец-то доехал сын. Я не знаю, что она ему сказала, наверное, то же, что и маме: «Я вами довольна...»

Мы поехали на кладбище, стояла жара, кладбище оказалось душистой лесной поляной километрах в десяти от городка. Кorteж остановился на обочине, и тут подошли они. Землекопы. Два молодых парня, не старше двадцати — двадцати двух. Я впервые видела таких людей в таком месте и за такой работой. Поразительно, это были красавцы, отборные человеческие экземпляры, раздетые по пояс. Мама передала им деньги, и парни стали подгонять могилу под гроб. Я стояла у самого края и видела, как иг-

рают их мускулы, как блестят на солнце загорелые торсы... Коричневые, броневойные. Лемуры из «Фауста». Но огулять их никак нельзя, можно только смотреть с близкого расстояния, возбуждаться и ужасаться.

Нашей стороной кладбище примыкало к еловому лесу, в чаще куковала кукушка. Долго уже, лет на сто накуковала точно, подумала я, а еще подумала, что хорошее кладбище, такое спокойное и лесное, что мне здесь нравится, я бы на такое согласилась.

Бабушку подхоранивали к деду. Он тоже умер в пору цветения и благоденствия — ровно три года назад. Тогда могильщики были самые обыкновенные, неудачливые пьющие мужики, местная протерть. Пока они копали, бабушка сидела на стульчике возле гроба и смотрела на деда. Мама подошла поправить складки на его костюме.

— Господи, какой холодный!

— Конечно, холодный, он же из холодильника, — сказала бабушка.

После погребения долго не расходились, сидели на могилке и поминали.

— А это твое местечко, — обратилась к бабушке тетя Нюра и указала на нескрытый участок земли внутри нашей ограды.

— Да-а, — с кокетливой интонацией, протянув это «а-а» на терцию вверх, ответила бабушка. В углах ее рта витала улыбка.

Парни дружно копали, работали словно под счет, как заводные. В общем-то, яма была давно готова, но этого требовал ритуал — еще немного подровнять при близких. Мы стояли и смотрели на влажную коричневую глину. Могила казалась маленькой и аккуратной.

— Норка, — сказала мама. — Ну вот, тебе будет уютно, как в норке.

Никто не ответил, родственники молчали. Тишину взрезала трель — у одного из могильщиков в кармане зазвонил мобильный. Он отложил лопату.

— Да, пап, — сказал он. — Зайдешь сегодня? Давай. Спасибо, пап. Я сейчас занят, я тебе перезвоню, пап.

И снова взялся за лопату. Совсем молодой и очень сильный. Наливное яблочко. «И эти плоды сгниют...» От таких мыслей мне стало не по себе. Встряхнула головой, чтобы отогнать дурман.

Норка тем временем углублялась и удлинялась.

— Готово, — сказал один из парней. — Все попрощались? Опускаем?

— Опускайте, — ответила мама.

В четыре руки парни быстро заколотили крышку. Покачиваясь, гроб плавно опустился на дно. «Как пианино, на ремнях...» — подумала я. Парни ловко выдернули стропы обратно. В разверстую могилу полетели комья земли. Однажды мне попалось сравнение: звук падающей на крышку гроба земли напоминает стук пересыпающейся картошки. Похоже.

Еще когда мы ждали на обочине и гроб стоял возле фургона на табуретках, дядя наклонился поцеловать бабушку в лоб, а потом долго тер платком губу, как будто испачкал ее чем-то несмывающимся. Теперь этот холод останется с ним на всю жизнь, а губа обретет особую чувствительность как точка *соприкосновения*. А я до сих пор жалею, что не решилась тогда потрогать ее. Не поцеловать, нет, — потрогать.

Поминки были в кафе «Лагманная», собрались все соседи. После первой перемены блюд мы с мамой пошли в уборную.

— Такие дела, — сказала мама, — такие дела...

— Еще неизвестно, как мы будем помирать.

— Да, — сказала она. — Да. *У нее все было.*

Она не дожила одного года до 60-летия Победы. Коробка с медалями и единственным орденом хранилась в серванте, нам, внукам, разрешалось с ними играть. Еще она очень любила шить платья. Каждую осень ездила на курорт в Кисловодск. В дни хорошего настроения пекла пироги с капустой и луком. Интересно, знает ли бабушка, что она умерла?

Пасха выдалась ранняя, седьмого апреля. Я стояла у окна и смотрела, как в церковь несут святить куличи.

У нас тоже был припасен большой, залитый глазурью изюмный кекс, только не освященный, а прямо с полки супермаркета.

Звонок раздался совершенно неожиданно. «Поздравлять будут», — подумала я и сняла трубку.

— Здравствуйте, техническая служба телефонной станции вас беспокоит. — Судя по голосу, молодой совсем мальчик. — Это номер xxx-xx-xx?

— Да, совершенно верно.

— У вас с аппаратом все в порядке? Вам не может дозвониться абонент.

— Все в порядке. Трубка лежит на базе... А какой абонент? Скажите кто, а мы перезвоним.

— Сейчас... — на том конце провода зашелестели бумаги. — Вот. Валентина Ивановна.

Единственная Валентина Ивановна, которую я знала в жизни, была моя бабушка.

— Конечно, не может дозвониться, — сказала я, — она же уже умерла.

И, не дожидаясь ответа, повесила трубку.

— Что ты людей пугаешь!

Это Богдан услышал из своей комнаты разговор.

— Я не пугаю, я говорю как есть.

Такой вот пасхальный звонок. Бабушка, если хочешь, приходи ко мне ночью во сне, я всегда рада тебя видеть.

...Бабушка стояла у плиты и жарила макароны с докторской колбасой. Я сидела за столом, на своем любимом месте слева от окна. На подоконнике выстроились чайные стаканы с прорастающим луком, в блюдец лежал начатый лимон. У порога из миски ела рыбное варено кошке Фроська. Бабушка сняла с плиты сковородку, поставила на стол, подложив под низ старую газету. За чем-то вышла в терраску, вернулась.

Я подумала: это в каком же мы времени? До или после?

Подхожу, трогаю за руку. Рука теплая. Значит, еще до.

Нет, она мне ничего не сказала. Вообще ничего. Я просто потрогала ее за теплую руку.

Посещают ли души умерших свои дома, проверяют, рассыпая на полу муку тонкого помола. Об этом я прочитала в одной старой книжке, посвященной народным суевериям. Мысль о муке, вернее о бабушке, занимала меня несколько дней.

В годовщину со дня ее смерти я сходила в маленькую булочную на соседней улице — пока шла, мне вдруг открылось, что тротуар на ней вымощен красным кирпичом, уложенным елочкой; раньше я этого почему-то не замечала, — и в бакалейном отделе купила пачку самой лучшей пшеничной муки. Родственники после поминок разъехались, мама спала на терраске, куда вел отдельный вход. Дождавшись, когда она уляжется, я обошла дом. Он состоял из двух смежных комнат, маленькой и очень большой. К маленькой примыкала кухня, а с большой граничила терраска.

Все вещи были на своих местах — часы, статуэтки, вазы. В углу большой комнаты мерцал резной витриной сервант, следом за ним стоял вместительный гардероб с зеркалом во всю створку. Швейная машинка «Чайка», круглый стол, три стула, диван-кровать, красно-синий ковер на стене... Ситцевые шторы выгорели от солнца, пора менять. «Схожу завтра в “Ткани” на станции», — подумала я. Переступила порог маленькой комнаты — при бабушке она выполняла роль гостиной. Мебели здесь тоже было немного: книжный шкаф, телевизор на покрытом плюшевой скатертью столике, тумбочка, кушетка — и еще одна, поменьше, для гостей. В окна смотрели кусты — в начале восьмидесятых, по моде тех лет, бабушка завела черноплодку и облепиху. Рябину я любила, особенно морс, а облепиху нет, да и никто из наших не пристрастился.

Зашуршала мышь за обоями. Я вспомнила, что держу в руках пачку муки. Зашла на кухню, выдвинула верхний ящик разделочной тумбы, среди столовых приборов отыскала ножницы. Какие тугие. Раздвинуть кольца удалось только двумя руками. Отогнула верхний уголок пакета, примерилась, клацнула, и он, кружась, как кленовая сережка, упал на пол. Ногой я отбросила его в угол.

На расстоянии нескольких сантиметров от пола я легонько хлопнула по пакету — из отверстия вылетело облачко муки и ровным слоем осело на половицы. Еще хлопок. Еще. Вскоре весь пол на кухне покрылся белой пылью. Я принялась за комнаты. Распыляя муку, я двигалась так, чтобы в итоге оказаться у своей кровати. Будильник я предусмотрительно завела на семь утра. Закончив с мукой, забралась в постель и легла. На шестьдесят пять квадратов не израсходовалось и половины пакета.

Солнце разбудило до звонка. В ту ночь мне ничего не снилось. Я открыла глаза, приподнялась на локте. В ярком утреннем свете половицы казались покрытыми инеем. Я села, свесила ноги с постели. Тапочки стояли у изножья, я аккуратно поставила их с вечера, чтобы не шарить, а сразу попасть ногами. Обувшись, набросила покрывало, взяла с подоконника будильник, нажала отбой и пошла смотреть.

Следов не было. Поверхность муки осталась абсолютно ровной. Метр за метром я внимательно изучала пространство. Зачем-то даже заглянула под стол, приподняв кисейную скатерть. Ничего. Ни в комнатах, ни в кухне. Только одинокая цепочка моих собственных отпечатков рассекала девственную мучную гладь.

Значит, она уже не здесь. Она улетела на небо.

Я в последний раз взглянула с порога на белые половицы и шагнула в сени за веником и совком.

Персики

В конце февраля в магазин рядом с домом завезли персики. Обычно в овощном отделе лежали только лук, морковь, картошка, капуста, бананы с апельсинами и сорта три-четыре яблок.

А тут вдруг — персики. Я заглянула в контейнер, пощупала парочку. Упругие, как теннисные мячи, с пушком и бордовым румянцем. На радостях купила два килограмма. Я ела их целую неделю, а может, и больше. Плоды хранились в холодильнике — в нижнем отсеке со специальным поддувом.

Я съедала две штуки утром, на завтрак, и одну перед сном.

Через несколько дней персики начали портиться, кожура подвяла и сморщилась. Я срезала шкурку там, где пожухло, и ела без шкурки.

Наконец остался последний персик.

Персик умирал.

По его плоти пошли синевато-серые пятна. Не коричневые, как обычно бывает, а именно сизые. Выглядело это совершенно несъедобно, даже отпугивающе.

Стоило, конечно, отправить его в помойку, но другой еды, которую можно было съесть на ночь, не нарушив диеты, в доме не было.

Я тщательно выковыряла больные места ножом для чистки картошки и даже помыла его, изувеченный, под краном.

Мякоть на вкус была пресной, как прошлогоднее сено.

Наутро по телу пошли синевато-серые пятна. «Как трупные», — подумала я, и в глазах потемнело от жути.

Я прямо чувствовала *ту же самую* их природу.

Плод содержал в себе смерть, я ее поглотила.

Я съела тлен.

Я приняла в себя некроз.

У меня кружилась голова, я едва держалась на ногах. Осторожно надавила на самое большое пятно. От нажатия оно посветлело, но через пару секунд потемнело опять. Я стиснула кожу еще раз. То же самое. И еще раз...

Боже мой, во мне завелась мертвечина. Я никогда не думала, что она такая *плотская*.

Я стояла раздетая перед зеркалом и рисовала йодную сетку по всему телу.

Флакон закончился, я откупорила второй.

Ватной палочкой наносила решетку на грудь и живот, на колени и бедра.

Руки дрожали, движения были неточными, сетка выходила кривой.

Я никогда не чувствовала тленность своего тела острее. Даже на опознании друга, утонувшего в ледяной дачной реке. Даже на похоронах бабушки и дяди.

Через неделю пятна сошли без следа.

Порой смерть трогает нас своей рукой, поясняя, что наше счастье, жизнь и этот мир — не более чем временная иллюзия.

Трагикомично, но я каждый раз вспоминаю об этом в овощном.

Евгений Коган

Ненужные вещи

Изе Молочнику везло почти всю войну, а в феврале 1944 года везение кончилось — в один момент. Его часть стояла под Житомиром, готовились к наступлению дальше на запад. Изя был при штабе — смешной, в круглых нелепых очках (запасные недавно разбил), уши оттопырены, как локаторы, большущий нос, веснушки круглый год и еще эти непослушные волосы — как бы коротко Изя ни был подстрижен, они все равно так сильно завивались, что торчали в разные стороны. Изя был штабным писарем, гвардии майор Валерий Игнатьевич Силантьев ласково называл его «мой еврейчик» и щелкал по носу, когда Изя вдруг задумывался о чем-то своем, но в обиду никому не давал. «Это, — говорил он, — мой еврейчик», — и к Изе никто не лез, потому что героя войны Силантьева уважали и даже немного побаивались. Ходили слухи, что в каком-то бою он собственноручно зарезал пятерых фрицев, а с таким шутить не стоило. Изя Силантьева обожал, и Силантьев это чувствовал, оттого не просто щелкал Молочника по носу, но в этот момент даже чуть краснел от удовольствия — «мой еврейчик». К февралю 1944 они были не разлей вода, куда Силантьев, туда и Молочник, только к генералу Валерий Игнатьевич своего писаря не брал, потому что военные секреты не для оттопыренных ушей местечкового жиденка, пусть и такого сообразительного.

Говорили, что семья Изи сгинула в Терезине — вроде обитателей его маленького украинского местечка вывезли именно туда. Чешский город смерти, чистенький и красивый; в неглубоком канале выдры какие-то, а рядом рельсы проложены, по ним евреев вывозили в Освенцим. Терезин во время войны превратился в гетто, и концлагерь — маленький по немецким меркам — был как бы частью этого городка, куда свозили евреев из разных мест. А Изе повезло — умел писать без ошибок, по-русски говорил почти без акцента, так что его еще в начале войны забрали в армию, и сразу — в штаб. А потом он попал к Силантьеву, и уже у него вроде бы узнал про Терезин. Говорили, что там многие выжили — немцы устроили

в Терезине показательное гетто для мировой общественности, привозили представителей Красного Креста, даже сняли фильм — дескать, окончательное решение еврейского вопроса продвигается цивилизованно, как и должно продвигаться решение любого вопроса в просвещенной Европе. Все остались довольны, кроме тех евреев, которых отправили прямою в печи Освенцима. Вроде бы семья Молочника была среди последних. Но подробностей никто не знал — еврейские местечки Украины опустели, и некому было рассказать, кому повезло, да и стоило ли говорить о везении в то время. Впрочем, Изе повезло — он находился под защитой штабного блиндажа и лично товарища Силантьева, героя войны и офицера, которого евреи как нация не интересовали.

Зимой 1944 года часть, которой командовал Силантьев, оказалась недалеко от Житомира. Медленно продвигаясь на запад, войска Красной Армии шаркали стоптанными сапогами как раз по той земле, которую Изя Молочник условно считал своей. Не умея ориентироваться и до войны ни разу не выбираясь из родного местечка — кривые улочки да низенькая белая синагога, — Изя просто знал, что где-то тут, очень приблизительно, но все-таки где-то тут он жил вместе со своей семьей, про которую уже года три ничего не слышал. И когда пошел пятый день с того момента, как движение на запад отчего-то застопорилось, Изя отпросился у Силантьева погулять — просто пройти, подышать воздухом детства. Силантьев вдруг расчувствовался, вспомнил родную Волгу-матушку, жену Марию Ивановну, рыбалку и прозрачный, словно слеза, самогон, который гнал старый сосед с седой бородой и хитринкой в глазах, — вспомнил да и отпустил своего еврейчика. Только велел до темноты не бродить, мало ли чего. Но до темноты бродить не пришлось, потому что везение, которое сопровождало Изю Молочника всю войну, иссякло — или Бог, про которого Изя иногда думал, отвлекся на что-то более важное, или просто так совпало, а только Изя нашел на свою беду мину, заложенную непонятно когда и неизвестно кем. Здесь уже отработали саперы, и не одна тысяча бойцов промаршировала тут по пути к Великой Победе, а мина лежала себе, словно ждала кого-то, и вот, поди ж ты, дождалась. Изя не успел ничего понять, а просто в момент исчез, расплылся на множество маленьких кусочков так, что от него ничего не осталось. Грохот разорвавшейся мины переполошил солдат и собак — собаки начали испуганно лаять, так и не успев за три с лишним года привыкнуть к войне, а солдаты забегали — кто по службе, а кто от удивления, потому что еще сегодня же тут ходили, вот буквально минут сорок назад. Но потом дым рассеялся, собаки замолчали, и выяснилось, что, кроме Изя, по счастью, никто вроде бы и не пострадал.

Стояли еще дня три. Силантьев, воспользовавшись случаем, запил — и оттого что жалко ему было нелепого еврейчика Изю Молочника, который не успел пожить и сгинул, как его семья, и ничего от этой семьи не осталось, а еще запил он просто от усталости, которая после взрыва вдруг навалилась неподъемной какой-то тяжестью. С первого дня войны в армии Силантьев сначала отступал, стирая кровь и пот с обветренного лица, не спал сутками, сидел и дрожащей рукой писал короткие записки домой, но держался, а тут вдруг сорвался, слезы потекли ручьем, все никак не мог успокоиться. А потом началось очередное наступление, и уже было не до Изи и не до усталости, а нужно было идти вперед, и где-то далеко даже был различим конец войны.

Гвардии майор Валерий Игнатьевич Силантьев до Берлина не дошел — в начале апреля 1945 года он был ранен при наступлении на Вену, месяц провалялся в госпитале, а там уже оказалось, что наши взяли Берлин и по радио объявили о безоговорочной капитуляции. Прямо из госпиталя Силантьев отправился домой, к своей пышнотелой Марии Ивановне, которая в письмах клялась, что ждала героического мужа-орденоносца, а как на самом деле — одному Богу известно. Но по пути отчего-то завернул под Житомир, в деревеньку Емильчино, одно из многочисленных еврейских местечек, опустевших за годы немецкой оккупации. Почему Силантьева понесло именно туда, сам гвардии майор объяснить не мог. А только оказалось, что из всех евреев, которые жили здесь до немцев, в живых осталось человек тридцать, и среди них — старуха по имени Ривка и по фамилии Молочник. Потому что в каком местечке не было семьи по фамилии Молочник? Силантьев как узнал о бабе Ривке, так и сел, где стоял, на пыльную мостовую. Сел, привалился к какой-то стене и заплакал — второй раз за все годы войны, и второй раз по Изе Молочнику, своему еврейчику, от которого после того взрыва ничего не осталось. Хотя ничего — не то слово. Когда баба Ривка подошла к Силантьеву и положила свою сухую ладонь на его седую голову, Валерий Игнатьевич вдруг перестал плакать. Ни слова не говоря, он развязал заплочный мешок, такой же потрепанный, как и сам Силантьев, достал оттуда коробочку, которую зачем-то хранил уже больше года, и протянул Ривке. «Все, что осталось», — сказал он, и у него перехватило дыхание. Но гвардии майор Силантьев взял себя в руки и поднял голову, встретившись с бесцветными глазами бабы Ривки: «Все, что осталось от Изи. Изи Молочника». И уже потом встал и пошел к вокзалу, надо было все-таки ехать домой.

Баба Ривка не знала, кто такой этот Изя, но спрашивать не стала. Она дошла до полуразвалившегося дома, где ютилась в углу, села на колченогий табурет и разложила на столе сокровища из коробки гвардии майора

Силантьева: круглые очки без одного стекла, мятый блокнот с неразборчивыми глупыми стишками, огрызок карандаша и фотографию очень красивой женщины с черными густыми волосами. А больше в коробке ничего не было. Ривка какое-то время смотрела на фотографию красивой женщины, а потом накрыла ее рукой и еще долго сидела над этими ненужными вещами, упершись взглядом в окно. Но не плакала, потому что слез у нее совсем не осталось.

Ишмахмад-богатырь

Ишмахмад стоял на одной ноге, обеими руками опершись о старую облезлую метлу. Вторую ногу Ишмахмад поджал и сам себе не мог объяснить зачем. Он стоял и смотрел, как на противоположной стороне улицы у подземного перехода красивая женщина с черными вьющимися волосами продавала симки. Она была очень красивой, Ишмахмад не способен был заставить себя отвернуться. Кому-то могло показаться, что она была полновата, но Ишмахмаду нравилось, он не умел ценить женственность, ему хотелось, чтобы было за что подержаться. У этой было за что подержаться, и Ишмахмад не мог оторвать от нее взгляда. Женщину звали Анжела, ей было тридцать два года, и у нее был парень, Сергей, сорокалетний охранник в форме с какой-то птицей на рукаве. Сергей не любил, когда Ишмахмад отирался где-то рядом или даже просто смотрел на Анжелу. Но сегодня Сергея не было, и Ишмахмад стоял на одной ноге и смотрел, но подойти ближе все равно опасался.

Сергей долго не думал, он был не из таких. Несколько дней назад на задворках торгового центра, в двух кварталах от того места, где сейчас стоял Ишмахмад, он избил старого Акобира. Акобиру было лет пятьдесят, он был весь седой и плохо понимал по-русски. Сергей бил его с каким-то остервенением, а вокруг на безопасном расстоянии стояли таджики в оранжевых робах и смотрели. Потом приехали менты, отвели Сергея в сторону и о чем-то с ним разговаривали. Ишмахмад не слышал, о чем именно шел разговор, но видел, как Сергей курил и все время сплевывал на грязную мостовую. Потом менты уехали, забрав окровавленного Акобира с собой. Больше его не видели.

А Анжела Ишмахмаду нравилась. У нее было смуглое загорелое лицо, черные вьющиеся волосы, ее соблазнительное тело переливалось через ремень джинсов, а груди, наверное, не помещались в ладонях. О такой

женщине Ишмахмад мог только мечтать, и поэтому он стоял на одной ноге, опершись на облезлую метлу.

Потом зазвонил телефон. «Азиз?» — спросил Ишмахмад. Телефон у него был старый, с треснутым экраном. Корпус тоже давно треснул, батарейка все время отходила, поэтому телефон был перетянут желтой резинкой — так по нему, с горем пополам, можно было разговаривать. «Азиз, — сказал в трубку Ишмахмад. — Ман гайри конун кор намекунам. Не, худжатҳои ман хамаш дуруст аст, ман дуonium мох бемалол мегардам. Не Азиз, намехоҳам, намекунам гуфтам. Бало бизанад, Азиз гуш кун — ба ин кор аралаш нашав. Азиз!..»¹ — «Ай!» — Ишмахмад спрятал телефон в карман оранжевой робы и встал наконец на обе ноги.

Ишмахмад жил здесь уже почти год. За это время он изучил все улицы и дворы на расстоянии пары километров от метро. Он знал здесь каждый закуток, каждый куст, каждую урну и каждую скамейку. Он знал расписание дня этого района, отличал каждый звук и каждый запах. Он узнавал машины, и он узнавал людей. А люди, которые каждое утро в одно и то же время вязкой толпой брели к метро и каждый вечер возвращались по своим квартирам, не узнавали Ишмахмада. Для людей все районные таджики были на одно лицо, вообще все таджики были на одно лицо — чурки, черные, зачем на них смотреть. Ишмахмад не обижался. Пару первых месяцев здесь он, словно школьник, попавший в незнакомый класс в середине учебного года, пытался войти в доверие к этим людям, завоевать их расположение. Улыбался, здоровался, лепетал что-то на своем плохом русском. Потом перестал — зачем?

Ишмахмад жил в десяти минутах ходьбы от метро, на седьмом этаже старой девятиэтажки. На лестнице пахло кошками и гнилью из мусоропровода. С мусоропроводом не могла справиться ни одна служба, а ленивые кошки жили в подвале и выходили несколько раз в день, чтобы поесть. Мусоропровод кишел мышами, они шуршали там с утра до вечера и с вечера до утра, пищали, иногда высовывали маленькие мордочки и внимательно осматривались, а потом снова исчезали за тяжелой зеленой дверцей. Ленивые кошки на мышей внимания не обращали — соседка Ишмахмада по лестничной площадке, одинокая усталая пятидесятилетняя Ирина Олеговна исправно кормила их разными кошачьими лакомствами, так что кошки жирели, точили когти о двери квартир первого этажа и без интереса смотрели на жильцов дома.

¹ «Азиз, мне вообще это неинтересно. Я не буду рисковать. Нет, у меня нормальная регистрация, еще два с половиной месяца вообще могу не беспокоиться. Нет, не хочу. Не буду, сказал. Черт возьми, Азиз, послушай — не лезь в это. Азиз!..» (тадж.)

Ирина Олеговна была неухоженной, но красивой женщиной с бледной кожей и бесцветными глазами. Ишмахмад ничего не знал про нее, только здоровался при встрече, когда ранним утром мел двор своей старой метлой, а она выходила с неизменной сеткой и, медленно ступая стоптанными ботинками по пыльному двору, шла к метро. Она уходила к метро, Ишмахмад провожал ее взглядом. Ирина Олеговна слегка горбилась, и в эти минуты Ишмахмад вспоминал свою мать. А потом Ирина Олеговна скрывалась за поворотом.

«Здравствуйте, — один раз осмелился заговорить с ней Ишмахмад. — Может быть, даже кошки, ну, чтобы мышь кушал, зачем кормишь?» Сказал ласково и смущенно улыбнулся. Тогда Ирина Олеговна подняла на него свои бесцветные глаза, и Ишмахмад еще больше смутился, поразившись спрятанной красоте этой немолодой женщины и ощущению полной потерянности, которое читалось в ее взгляде. Ишмахмад отступил, а Ирина Олеговна, снова опустив глаза, прошла мимо так же медленно, как делала это каждый день. Больше Ишмахмад с ней не заговаривал.

Жизнь Ишмахмада теперь проходила на этих нескольких километрах, среди дворов и детских площадок, между домом и дешевым продуктовым ларьком у метро. Когда почти год назад он искал работу, впервые оказавшись в большом городе, он даже не представлял, каким будет его существование. Помытая блондинка лет сорока, указав ему на стул, долго разговаривала по телефону. «Какой вы национальности, — спрашивала она в прижатую к уху трубку, — какой? А сколько вам лет? Тридцать шесть? Нет, вы не будете работать. Почему? Потому что. Ну, я знаю. Нет, пятидневка была, но уже все места заняты, осталось только без выходных. Конечно, двенадцать часов. Пятнадцать. Ну, я же говорила, до свидания». И только после этого посмотрела на Ишмахмада. «Ситора барин, — подумал Ишмахмад, — красивая...» А она уже объясняла ему условия работы. Он плохо понимал, но был согласен — ему нужна была работа. Тем более вместе с работой блондинка предлагала и жилье — за две с половиной тысячи можно было получить матрас в двухкомнатной квартире, в которой жили еще люди, такие же, как Ишмахмад, все на одно лицо. Зарплата была семнадцать тысяч рублей, он согласился, и следующим утром ему выдали оранжевую робу.

Через пару месяцев он купил плеер. Работать, заткнув уши и не слыша городского шума, было легче. Иногда даже удавалось проехаться на метро в центр, где Ишмахмад, не вынимая наушников, бродил по освещенным рекламой улицам, заглядывая в витрины. Он старался обходить людей, которые не замечали его. Они не замечали его, когда он, надев оранжевую робу, мел улицу облезлой метлой или собирал мусор в старую коробку,

установленную на ржавую четырехколесную тележку, и не замечали его, когда он, словно под плащом-невидимкой, бродил по центральным улицам, заглядываясь на витрины и короткие юбки проходящих мимо женщин.

Но в основном жизнь Ишмахада проходила в паре километров от метро, от круглосуточного продуктового ларька, от дома, в котором он делил убитую «двушку» с такими же, как он, на одно лицо.

Самая жизнь кипела у подземного перехода. Пару недель назад там рувались таксисты. Толстый Бахтиер что-то не поделил с более молодым Адолатом, начал кричать на своем непонятном языке, махать руками. Остальные стояли вокруг и не вмешивались. Ишмахад тоже стоял в стороне, это был чужой ему мир, с которым он пересекался ежедневно, но почти не соприкасался. Адолат сначала слушал, а потом размахнулся и кулаком ударил старого Бахтиера, да так, что тот сел на асфальт и из его носа потекла кровь. Тогда двое крепких парней, имен которых Ишмахад не знал, набросились на Адолата, схватили его за руки и оттащили ближе к машинам. Там Адолат быстро успокоился, даже улыбнулся чему-то, а потом Ишмахад отвлекся и не заметил, что там случилось, а только вдруг увидел, как Бахтиер, у которого кровь еще текла из носа, стучит пивной бутылкой в окно «шестерки», в которой сидит Адолат. Тут уже все бросились оттащить Бахтиера, продолжавшего кричать. Потом Ишмахад ушел.

А позади торгового центра, где были самые богатые мусорные баки в районе, — с той стороны, где не появлялись простые смертные, а только грузчики, служащие центра, охрана да местные дворники, — сумасшедший Эшонкул построил себе трон. Он собрал его из старых ящиков и коробок — огромный, почти в человеческий рост, этот трон возвышался в левом углу двора, если стоять лицом к центру. Сначала никто не понимал, чего Эшонкул там копается. Опустившийся, почти юродивый, худой, словно обтянутый кожей скелет, в любую погоду Эшонкул был замотан в какие-то тряпки. Он почти не говорил, только бормотал что-то себе под нос да чесался грязными пальцами. А потом в левом дальнем углу внутреннего двора торгового центра вырос гигантский трон. Со всех сторон Эшонкул обклеил его фантиками, этикетками, обрывками журналов. И, оглядев дело рук своих, удовлетворенно вздохнул и взгромоздился сверху. Теперь он редко покидал этот трон, даже спал на нем. Там его и нашли однажды, посиневшим и мертвым, — говорили, замерз или умер с голоду, версий было много. Трон еще какое-то время стоял, Ишмахад специально ходил смотреть, а потом, однажды ночью, куда-то исчез. Утром остались несколько отклеившихся фантиков, которые местные дворники сметали в мокрую кучу.

По большому счету, событий в жизни Ишмахмада не происходило. Целый день он находился на улице — мел, убирал или просто, когда работы не было, сидел на лавочке, слушал музыку в плеере и смотрел по сторонам. А вечером, когда темнело, перекусив чем-нибудь, что не нужно было готовить, ложился на матрас в комнате на седьмом этаже и тут же засыпал. Сны ему не снились. Только пару раз приснилась Анжела, но на утро Ишмахмад почти ничего не помнил.

Зима сменяла осень, время текло сквозь пальцы, Ишмахмад жил, не выключая плеера и почти не снимая оранжевой робы. Он не позволял себе думать, вспоминать, грустить, только иногда останавливался, чтобы посмотреть на Анжелу. «Ситора барин», — говорил он про себя, а потом снова отворачивался.

Но сегодня было еще очень рано. Ночью подморозило, и лужи затянулись первым робким льдом. Жители окрестных домов просыпались и зажигали первые утренние окна. Ишмахмад стоял на одной ноге, обеими руками опершись о старую облезлую метлу. Вторую ногу Ишмахмад поджал и сам себе не мог объяснить зачем. Он стоял и смотрел, как ночное небо начинает розоветь, сдаваясь на милость рассветному солнцу. Ишмахмад привычно гнал из головы любые мысли, любые воспоминания — все, что могло увлечь его в этом чужом неприветливом городе, который предпочитал не замечать его. Начинался новый день.

Тамерлан Тадтаев

Ополченец

Из книги «Полиэтиленовый город»

В геенне огненной брели по брови...

Эзра Паунд

Машина развернулась у леса, где нас поджидала группа проводников. Водитель открыл борт, и в числе прочих я спрыгнул на траву. Ого, сколько тут земляники. Солдатам нужны витамины, а не продохшие консервы. Моя пахнущая оружейным маслом ладонь мгновенно наполняется ягодками, лихорадочным движением руки я отправляю их в пересохший рот. Очень, очень вкусно. Командир роты приказывает собираться в путь. Мне это не нравится, потому что дальше придется карабкаться на своих двоих. Подъем крутой, а выше еще круче, три километра надо идти по тропинке, чтобы до поста добраться. Сто шагов сделал, не больше, и уже не чувствую тяжести пулемета и ящиков с патронами. Плохой признак: загнусь по дороге. Перед тем как залезть в кузов «ГАЗ-66», комбат мне еще запасной ствол пытался всучить и патроны. Спасибо, не надо. По морде ему чуть не съездил, но потом раздумал. Сам же виноват. На кой черт мне все это сдалось? Кого я из себя корчу? Не наигрался еще в войну? Эй, герой, тебе сорок будет скоро, а ты все еще носишься с оружием как мальчишка. Подумай, с кем идешь на высоту? Не стоило тащиться с юнцами, которые годятся мне в сыновья. Позор их отцам-пустобрехам, пустившим детей на убой. Теперь ясно, почему нарты смеялись над стариками, ибо, по понятиям наших предков, мужик должен был встретить свою смерть в бою, а доживший до седин — трус и его место в жизни у параша... Черт, это и меня касается. Волосы, что ли, перекрасить? Нет, уж лучше побрить голову. Опять бандана развязалась, надо было взять черную, на липучках. Если честно, я форму натовскую мечтаю купить, но она, слышал, бешеных денег стоит, а вот на кепку

у меня уже есть. Завтра, если получится, поеду во Владик¹. Проведаю семью, кстати и в магазин «Комбат» на Хольцмана заскочу, там, говорят, продаются всякие...

Идущий за мной ополченец — сынок Ниночки. В седьмом классе я воспыпал к ней страстью. На перемене в буфете столовой всегда собиралась очередь, и я, бывало, пристроюсь к ней сзади, учащенно вдыхая запах жареных котлет и чебуреков. А она опустит голову и теснее прижимается задком к моему затвердевшему переду. Но как-то раз Ниночка так завертела попкой, что у меня потекли слезы от кайфа и боли. Вдруг она охнула и, развернувшись, влепила мне пощечину. Ее братишка, уминавший в углу булочку с повидлом, набросился на меня. Славная вышла драчка: близняшки против несчастного влюбленного. Обжора до того был похож на свою сестру, что я повалил его на пол и трахнул бы, кабы не толпа вокруг. А моя любовь долбила меня по голове каблучком босоножки, так что пришлось лягнуть ее в грудь, довольно-таки выпуклую, и дать стрелка из столовой — с циркулем в спине.

На следующий день я даже разбираться не стал, кто воткнул в меня железку. Просто отлупил первого попавшегося под руку подозреваемого, отца вон того, с гранатометом... Чего это он ко мне повернулся? Так, изображаем улыбочку: здорово, братишка. И не трудно на себе этакую трубу тащить? А папа твой чем занимается? Гриппом, говоришь, болеет? Как же он умудрился подхватить заразу посреди лета? Ай, ай, тц, тц, приветы ему передавай... Что? Помочь мне хочешь? Спасибо, не надо, ты иди, я медленно, по-стариковски. Да, кстати, где ты купил свою форму? Во Владике на Хольцмана? Хорошая, я тоже хочу себе взять такую. Ну давай, удачи.

Скверно, скверно, в этой роте я один из самых старших. По годам, правда, не по чину. Вечный увечный солдат. Нет, не одолеть мне этот склон, реально сдохну. А толстым в этой жизни лафа, вижу, повернули обратно. И всем понятно почему: свинообразным не дотащить свои туши до места, где присские ребята ждут не дождутся смены. А с меня будет спрос: худой, опытный и все еще живой.

Мать твою, никак не нагуляю подкожного жирка и своей худобой привлекая внимание легавых — за наркомана, видать, принимают. Во Владике менты на меня все время пялятся, останавливают и требуют документы. Устал от них, честное слово. Однажды отказался показать им свой помятый паспорт. Достали уже, говорю, там, где надо, вас не бывает, а во время войны так и вовсе за спины ребят прячетесь... Так они будто с цепи сорвались, обработали меня по полной. Дубинками резиновыми

¹ Владикавказ (прим. автора).

орудовали, суки. Зуб передний мне выбили и в обезьянник заперли на ночь. То ли от сотрясения мозгов, то ли от боли я высказал все, что о них думал. Менты сначала внимательно слушали, а после взбеленились. На бутылку меня хотели посадить. На мое счастье, явился их хмурый спросонья начальник и спросил, какого черта я тут делаю. Выяснилось, что мы вместе воевали, только я не мог вспомнить где.

Как же мне плохо, но еще не сдаюсь и тащу свой крест на Голгофу.

Ангел в образе маленького рыжего Хюрика пришел мне на выручку.

— Давай я понесу пулемет, — предлагает он.

— Спасибо, — говорю. — Знаешь, как из него стрелять?

— Наверху разберемся.

— Дойду ли?

— Куда ты денешься.

Он закинул пулемет на плечо и рванул, только его и видели.

Да, таких, как Хюрик, в нашем городе раз-два и обчелся. Самый веселый и честный вулканизатор в Цхинвале. По утрам бегают трусцой по парку, затем ныряет в Лиахву, даже зимой, когда минус пятнадцать. Такой у него допинг. Зато выносливый и не болеет.

Конечно, младший брат Заура. С обоими я когда-то служил на таможне, был в числе проводников. Он подождал меня и пошел рядом.

— Вижу, хреново тебе, — говорит Конечный. — Может, домой пойдешь? Все поймут.

— Далеко еще? — спрашиваю я, готовый срыгнуть застрявшее в горле сердце.

— Неблизко. Дай-ка сюда бачок, помогу.

— Спасибо. Давно не видел твоего брата. Где он?

— Наверху, с присскими.

— Привет ему передавай.

— Сам передашь.

— А, ну да, конечно. Хорошая на тебе форма. Где купил?

— Ребята прислали.

Мы подходим к желтому пахнущему керосином трактору. Он в центре внимания ополченцев — хотят завести и на нем добраться до места. Отличная идея, я тоже с вами. Вот уж повезло, где не ждал. Пробираюсь вперед и слежу за парнем в кабине: суетливый он какой-то, ненадежный, мне такие не нравятся. И форма у него уродская. Поковырявшись, он спрыгивает на развороченную гусеницами землю и кроет матом хозяина трактора, который из вредности (а по-моему, из предосторожности) прихватил с собой какую-то запчасть. Ребята признают смекалку тракториста и делают перекур. Надежда моя распята. Я не знаю, как быть, и опускаю свою

потную задницу на вывороченное с корнями дерево. Отчаяние овладевает мной. Впрочем, это мое обычное состояние. Даже во время секса не могу расслабиться полностью. Боюсь, как бы мое истасканное сердце не лопнуло во время оргазма, но тем не менее кончаю, а после минут десять лежу в ожидании инфаркта, слушая бред очередной подруги.

— Ты идешь? — спрашивает Коне, глядя вслед ребятам. — Бледный ты какой-то.

Его слова действуют на меня как рвотное. Я бросаюсь в сторону и вешаю на ветки дикого фундука гирлянды блевотины. Проводник смотрит сочувственно и вновь советует вернуться домой. Но мне намного легче, и уж теперь-то я точно никуда не сверну, — и мою мать, если не дойду до конца, может, даже выше. Нет, серьезно, это ведь дубовый лес? Ну вот, на вершине я вскарабкаюсь на самое большое дерево и буду сидеть на нем, как Соловей-разбойник, а свистеть я умею. Хочешь послушать?

Конe не хочет, и мы трогаемся в путь. По дороге к нам присоединяется священник с бородой до пояса. На нем большой крест и автомат. Дорога трудная, хочется поговорить по душам. Беседуем. Оказывается, мы с батюшкой учились в одной школе, он младше меня на три года, я его вспоминал, и мне смешно. Я прошу святого отца простить меня.

— За что? — удивляется тот.

— За мелочь, которую я отбирал у тебя в буфете.

Ура — я все-таки взобрался на эту чертову высоту. Ей-богу, даже зауважал себя, хотя осталось меня совсем немного. Еще бы, после такого дикого насилия над собой. Пар от тела так и клубится над головой. Все на мне влажное от пота, даже телефон в нагрудном кармане камуфляжа промок. Но больше, конечно, я расстроился из-за подмоченной тысячерублевой бумажки. Продавцы даже на хрустящую банкноту смотрят с подозрением, а такую и подавно не возьмут. Эх, плакала моя натовская кепка... хотя нет, мать на днях пенсию должна получить. На коленях да вымолю у нее копеечку. А может, мне посчастливится убить грузинского солдата? Лучше, конечно, троих. Они, я слышал, вооружены автоматами М-16 и у каждого по пистолету «Беретта», не говоря уже о красивой форме и «зелени» в карманах. Но где с ними встретиться-то? Сюда грузины вряд ли полезут, а спускаться к ним неохота.

Однако тут холодно, не простудиться бы. Жалко, бушлат не захватил, хотя комбат советовал. Но внизу такая жара была, в кустах все прятались от зноя. А здесь смотри какие дубы гнутся под ветром. Сейчас сдует палатку, вместе с командиром. Чего это он говорит по рации? Слышу: «Мы уже на месте, занимаем позиции... как поняли... прием...»

Ребята, проводившие здесь три ночи, — знакомые все лица. Они рады меня видеть, я их тоже. Обнимаемся. Мать твою, так недолго и голубым стать. Встречаю своего вооруженного до зубов родственника, форма ему не по размеру, слишком велика.

— Как дома? — спрашивает он. — Мама не болеет?

— Жить, — говорю, — без лекарств не может. А твои как?

— Нормально.

Разговор не клеится, но родственник считает своим долгом сказать еще несколько слов и морщит лоб, отыскивая нужные. Лицо его вдруг прорясняется:

— А ты помирился с женой?

— С которой?

— С этой, как ее... А, ну ладно, береги себя.

— Постараюсь.

Вижу небольшую каменную часовню. Подхожу к ней и целую побеленную известкой стену. Ополченцы входят туда со свечками. А я забыл. У святого отца их, должно быть, навалом, но неудобно просить, он там внутри уборку затеял. Перед входом сталкиваюсь с Хюриком, в руке у него бутылка «Багиаты».

— И ты здесь! А оружие куда дел?

— На позиции, — говорит, — оставил. Молись скорей, пока не стемнело, я тебя тут подожду.

— У меня свечек нет. Где ты, говоришь, пулемет оставил?

Мы спускаемся к навесу из шифера, под ним длинный накрытый полиэтиленом стол. Чуть дальше, у оврага, небольшой окопчик, напоминающий свежеврытую могилу. Я лезу туда за Хюриком. Ветер крепчает, тьма становится непроглядной. Признаться, я впервые в ночном лесу и не привык к крикам диких животных. Рядом рычит какой-то зверь.

— По-моему, это барс, — говорю я, делая приседания, чтобы согреться. — Щас замочу его.

— Ты спятил, — шепотом возмущается Хюрик. — Нельзя светиться, грузины засекут нас и накроют минами. И вообще это рысь.

— Ты уверен?

— Конечно.

— Она сожрет нас?

— Не знаю.

Кроме холода, я ничего уже не чувствую. Ветер, что ли, выдул из меня остальные чувства. Вылезаю из ямы и, подсвечивая себе телефоном, ползу к навесу. Слышу за спиной шорох. Барс или рысь? Окликаю:

— Хюрик, ты?

— Да.

— Там на столе под навесом пленка, накроемся ею, и будет у нас с тобой парниковый эффект, хе-хе.

Мы долго не можем выбрать позу под полиэтиленом. Наконец садимся спина к спине. Я еще под себя толстый, пахнущий гнилью сук подложил.

— Хорошо, — говорю, — сидим.

— Неплохо, — смеется Хюрик. — Как бы нас за педиков не приняли.

— Наплевать, главное согреться. Ну как ты?

— Жарко даже.

— И мне. Опять эта рысь, — беспокоюсь я. — За нами, что ли, охотится? Эй, киса, отвали, пока я тебе в пасть гранату не засунул!

— Ты поосторожней с лимонкой-то, — остерегает Хюрик. — Черт, она и вправду рядом, я даже шаги ее слышу...

— Попробую к пулемету прорваться...

— Тсс, сиди тихо, еще в овраг свалишься.

Мимо, не переставая рычать, пробежал какой-то зверь.

— Почему рысь не загрызла нас? — спрашиваю. — И вообще, чем тут воняет?

— Напугал я, — хихикает Хюрик. — Защитная реакция организма на опасность.

— Ладно, давай спать. Кстати, я тоже пердел.

Утром перебираемся обратно в окоп. Темно в лесу, сыро и зябко. Я снова принимаюсь за гребаные приседания, потом делаю упор лежа и нюхаю гнилую листву, отжимаясь. Хюрик откуда-то притащил топор, после фитнеса по очереди швыряем его в дерево. Я ни разу не всадил, зато сломал топорнице. Да, сегодня не мой день. Все чертовски плохо. Ни воды, ни еды, мать твою, да что же это такое? Пойду спрошу командира, когда мы отсюда на хрен свалим. Напарник лезет в окоп и смотрит на тропу, ведущую в глубь леса. Стыдно признаться, но я могу заблудиться даже в городском парке в сумерках, а тут настоящий темный лес, где по ночам бродит не то барс, не то рысь. Этак небрежно задаю Хюрику вопрос:

— Мы по этой тропинке, что ли, вчера поднимались?

Тот очумело на меня смотрит.

— Это грузинская дорога, — говорит он. — Ты скоро?

— Мигом.

Чего это он трусит, думаю, грузины сюда не поднимутся, у меня нюх на жареное, а здесь таким и не пахнет. Поднимаюсь на горку и у палатки начальника вижу нашу роту. Все угрюмо молчат. Командир приветствует меня кивком головы и сообщает, что мы остаемся на вторые сутки. «Так вот где таилась погибель моя, — бормочу я. — Нет ли у кого воды?»

Дурацкий вопрос, мог бы и не задавать. На нет, как говорится, и суда нет. Ладно, пойду грехи свои замаливать. Вхожу в пахнущую дымом часовню и молю Богородицу простить меня и вернуть подорванное на войнах и пьянках здоровье. Еще прошу у нее немного денег. Как странно, четверть века назад я стоял тут рядом с Мананой, дальней моей родственницей из Тбилиси. Ее мама, толстая тетя Кетино, с тремя пирогами в одной руке и зажженными свечками в другой то и дело поглядывала на дочку, меж тем как древний старец, подняв полный араки рог, молил святых дать разум бедной девушке. Все надеялись на могущество здешнего жуара, который исцелил кучу безнадежно больных. Я тоже хотел, чтобы Манана вышла отсюда умницей, хотя ничего ненормального в ней не было заметно: лицо спокойное, взгляд вполне осмысленный, нормальная грудь, красивые ножки... Старик все еще молился, как вдруг Манана, обнажив лошадиные зубы, залилась смехом.

Выхожу из часовни, смотрю — ополченцы радуются, будто родниковой воды напились. Командир подходит и хлопает меня по плечу.

— Собирайся, — говорит он. — Смена идет.

Радостный спускаюсь к Хюрику, но по дороге решаю разыграть его и делаю злое лицо.

— Что говорят наверху? — спрашивает напарник.

— Крысы внизу, — говорю, — приказали нам остаться на вторые сутки.

— Ты шутишь? А как же вода?

— Друг у друга будем отсасывать.

— Давай я спущусь в Прис за водой.

Запиликал телефон. Ага, жена. «Алло, привет. Ну как вы там? Он ходит на тренировки? Вот молодец. Нет, с баблом пока туго... Послушай, я сейчас на посту... Мать твою, меня в любой момент могут убить, а ты говоришь о каких-то деньгах... Нет, не работаю... Потому что сократили... Ну, началось... Я на войне, ты можешь это понять? На развод подашь? Обещаю тебя сделать вдовой... Сейчас перезвоню...»

— Чего тебе?

— Пригнись, грузины, — шепчет напарник.

— Какие еще грузины? Это смена. Ладно, сваливаем, я возьму пулемет, а ты бачки не забудь.

Я выскочил из окопа и пошел навстречу ребятам. У них и вода свежая, напьюсь. Разговор с женой, конечно, расстроил меня и не выходил из головы. Все из-за проклятых денег, но где их взять, у кого попросить? Лес между тем заметно оживился, кругом суетились, кричали, — должно быть, радовались смене. За кустами я заметил пригнувшихся парней в

чудной форме и хотел подойти к ним, спросить, в каком магазине они купили такой камуфляж, но страшная догадка лишила меня дара речи. Я пригляделся: люди в чудной форме были всюду, прятались за деревьями, сидели на корточках с гранатометами. Я остановился, не зная, что делать, и прислушался.

— Эй! — кричали наши с горки. — Стойте на месте! Кто такие?!

Один из парней выпрямился и, сняв кепку, вытер заросшее лицо; на боку у него болтался АКСУ с длинным магазином.

— Ми миротворци! — крикнул он с таким жестоким грузинским акцентом, что меня залихорадило и потянуло блевать. — А ви кто?!

— Это не твое дело! Зачем пришли сюда?

— Ми миротворци, — повторил небритый, снова вытирая лоб. — Осматриваем посты!

За убийство миротворца, даже грузинского, дают немалый срок, тем не менее моя рука осторожно потянулась к рычажку предохранителя. Ствол я направил на переговорщика — он был такой же миротворец, как я балерина.

С горки опять закричали:

— Бросайте оружие и поднимайтесь сюда по одному! Вы поняли, вашу мать, ткуени деда?!¹

— Твою мат! — раздалось в лесу, как эхо. — Ткуени деда!..

— Даицхот, магати деда...² — сказал один из пригнувшихся.

— Беги обратно в окоп! — кричал Хюрик сзади.

Такой шанс — убить сразу нескольких — у меня вряд ли когда еще будет, подумал я и нажал на спуск. Затвор громко щелкнул, осечка, все, конец... Переговорщик посмотрел в мою сторону и чему-то улыбнулся — я уверен, что жуар сделал меня невидимым. Я попятился, затем повернулся и дал деру. Пока бежал, начался бой. Пятьдесят стволов, не меньше, работало одновременно. Взрывы трясли лес. Спрыгнув в окоп, я поставил пулемет на ножки и взял под прицел кусты, поправил очки, спуск, снова осечка. Мать твою, какой урод подсунул мне эту рухлядь?!

— Давай жарь, чего ты ждешь! — орет Хюрик.

— Заело! — кричу и перезаряжаю. На этот раз я услышал голос своего пулемета — красиво поет, ничего не скажешь.

Длинной очередью стригу кусты и все, что за ними, потом прочесываю местность. Не могу остановиться, до того мне хорошо, только бы сердце выдержало такой кайф. Щупаю пульс: нормально. В пристегнутом бачке

¹ Мать вашу! (*груз.*)

² Начнем, мать их... (*груз.*)

кончаются патроны. Напарник помогает ставить другой. Кажется, за той порослью трепещет жизнь, гашу ее, враждебную. Солнечный свет пробивается и к нам. Что за хрень, и так жарко. Смотрю вверх: над головами порядочная прореха, а ветки сыплются не переставая. Интересно, это наши косят макушки деревьев или грузины? Хюрик, как встревоженная ящерка, выглядывает из окопа и кричит:

— Не стреляй, ствол раскалился! Патроны береги!

С горки тоже орут:

— Остынь, не стреляй! Мы уже их трахнули!

Какие герои, думаю, а я во время боя онанизмом, что ли, занимался?

Второй бачок тоже опустел. Жалко, не взял запасной ствол с боеприпасами. Сколько же патронов я потратил? Сто пятьдесят было в пристегнутом, двести в ящичке — всего триста пятьдесят. Неплохо, рифленый ствол раскалился докрасна. Вдруг правая линза вдребезги. Хватаюсь за глаз, ладонь в крови. Сердце забило тахикардию. Я лег на пустые ленты и гильзы рядом с пулеметом и прошу напарника:

— Посмотри, что с моим глазом.

— Ты ранен? — тревожится тот. — Под бровью у тебя что-то блестит, кажется, стеклышко. Не дергайся, сейчас я его вытащу. Ну вот.. А хорошо мы вздрючили кеклов...¹

Приступ проходит, но я все еще лежу, боясь рецидива. Телефон начинает звонить. Смотрю на дисплей: жена... Опять будет мучить. Прошу Хюрика сказать ей, что меня убили.

— Нет, ты что! — восклицает он. — Даже думать не хочу о том, что будет с моей женой, когда ей скажут такое...

— А ничего не будет, все они шлюхи.

— Не смей так говорить! И вообще поднимайся, кажется, смена пришла...

¹ Кеклы — грузины (*осет. жарг.*).

Наринэ Абгарян

Шушик

На краю пропасти замирают все привычные звуки: умолкают птицы, не слышно людских голосов, лая собак. Лишь ветер, капризно теребя за край рукава и путаясь в волосах, разговаривает с тобой напевами потусторонья. Внизу, под ногами, — синяя бездна. Змеится, поблескивая серебряным, узкая беспокойная речка. Шаг — и тебя уже нет. Шаг — и, разлетаясь на тысячи мелких осколков, ты навсегда растворишься в каменном сердце ущелья.

Она была средней из сестер. Старшей была моя Тата, средней Шушик, а младшей Кнарик.

Бабушка Шушик варила айвовое варенье. Ветер колыхал тонкие простенькие занавески на кухонных окнах, тихо позвякивали кольца на металлическом карнизе. Бабушка открывала дверцы шкафчика, поднималась на цыпочки, доставала коробочки со специями. Половина чайной ложки корицы. Лимонные корочки. Ваниль.

Потом она разливала варенье по банкам, каждый раз, зачерпывая, тщательно размешивала, чтобы равномерно распределить гущу. А когда закатывала банки и ставила их на полку у окна, сквозь айвовые багряные дольки просвечивали густым золотом солнечные лучи.

— Казим? Ай Казим! — раздается во дворе скрипучий голос соседки Анико. — Ты когда забор в порядок приведешь? Смотри, совсем на боку лежит.

— А толку его в порядок приводить? От первого же урагана обратно повалится, — отзывается дед Казим.

Дед Казим — муж бабушки Шушик. Вообще-то у него другое имя — Сергей. Но все его зовут Казимом.

Дом бабушки Шушик стоит к обрыву каменным боком. Последний приутившийся у самого края дом принадлежит старому часовщику. Я к нему боюсь подходить, он нависает ажурным деревянным балконом над ущельем, кажется: еще чуть — и улетит в пропасть, увлекая за собой своего одинокого хозяина. Когда над обрывом случаются грозы и молнии беспощадно

стегают небеса огненными хлыстами, сквозь завывания ветра слышно, как горестно скрипит балкон в том доме — хшшш-шшш, хшшш-шшш...

— Бабушка Шушик, — я откусываю кусочек терпкой ароматной айвы — она сладкая, хрустящая и немного вяжет рот, — а почему деда Сергея все зовут Казим? И даже ты?

— Он в детстве сильно болел, был при смерти, — будничным голосом рассказывает бабушка, снимая ложкой пенку с варенья. — А в народе есть поверье: хочешь обмануть судьбу умирающего ребенка, назови его именем врага своего. И тогда он будет жить. Поэтому дома стали звать его Казимом. И болезнь отступила.

— Именем врага своего, — повторяю я, принаравливаясь к словам так и эдак. Пенка в блюдечке высится воздушной горкой, вокруг, жужжа, летает пчела. Я не боюсь пчел. Пчелы умные и никогда первыми жалить не станут. Если не двигаться, они покружат вокруг тебя, поймут, что ты не цветок, и улетят дальше собирать сладкую пыльцу.

— А кто наш враг? — спрашиваю я. Аккуратно спрашиваю, потому что чувствую — вопрос этот задавать нельзя. Рано мне еще такие вещи знать. Бабушка поворачивается ко мне и глядит прямо в глаза. У бабушки тонко вылепленное лицо — высокие скулы, глубокие темные глаза, узкий чистый лоб. Она какое-то время молчит, словно взвешивает каждое слово, потом со вздохом отводит глаза:

— Никто. Теперь уже никто. А имя у деда турецкое.

Я тихонечко охаю, так, чтобы бабушка не слышала. Нашариваю рукой стул, сажусь. *Хочешь обмануть смерть — назови ребенка именем врага своего.* Взрослые очень наивные. Они думают, что дети не умеют читать между строк. Они думают, что дети не чувствуют, когда им недоговаривают.

Нужно сделать так, чтобы бабушка не заметила моего смятения. Я поднимаюсь со стула, подхожу к окну. Дед Казим задумчиво ходит вокруг покосившегося забора. Закрепить его можно, но это до первого ливня со шквальным ветром. Случится такой ветрище — и забор снова опрокинется набок. И будет лежать, обиженно вывесив губу.

— Наринэ, — бабушка подходит, обнимает меня за плечи. Гладит маленькой ладонью по щеке. — Наринэ, — оборачивает к себе, смотрит в глаза.

— Да? — одними губами спрашиваю я.

Она не говорит ничего, она прижимает меня к себе, крепко-крепко, и целует в волосы.

— Что ты хочешь мне сказать, — повторяю я. — Что ты хочешь мне сказать? — А сама боюсь того, что она может мне сказать.

Она чувствует мой страх. Ничего не говорит. Берет сухую веточку майорана, вкладывает в мою руку.

— Если растереть стебелек, то ладони очень долго будут пахнуть горными склонами. Запомнишь?

Я молчу. Мне немного обидно. Ну зачем со мной как с маленькой? И при чем здесь горные склоны? Я их каждый день вижу, нашла, чем меня удивлять! Откуда мне знать, что спустя много лет эти склоны будут снится мне в каком-то глухом, отчаянном бреду, и я буду скатываться с постели, норовя улечься горячим сухим телом на пол, отпустите меня туда, буду молить и исходить бессильными слезами. И тогда муж принесет веточку сухого майорана, — я вам не рассказывала, у меня теперь дома всегда хранится горный майоран, — он принесет эту сухую веточку майорана, разотрет ее в руках и накроет ладонями мое лицо...

Через год бабушки не стало. Помню, как я наблюдала за толпой, скорбно окружившей простенький гроб. К полудню все вдруг вышли, тяжело ступала моя Жено, ее вели под руки, и она тихонечко приговаривала: «Мамочка, мамочка».

И когда в комнате не стало никого, я подошла, привстала на цыпочки и поцеловала ее в лоб. Да так и целовала, пока кто-то не взял меня за руку. — Пора.

Ее обступили, а у меня словно ком в горле застрял, и я не смогла сказать, что не успела утереть ей лицо, так ее и унесли, с залитым моими слезами лицом, так ее и похоронили, с залитым моими слезами лицом.

И в каждой веточке горного майорана осталась частичка ее души.

Кнарик

Фундук был молодой, сладко-молочный. Скорлупа, если подержать ее во рту, отдавала нежной кислинкой. Можно было постоять в обнимку с деревом и, закрыв глаза, слушать его шершавое дыхание. Или улечься в траву и, слегка прищурившись, глядеть сквозь ресницы в небеса. Там, наверху, кто-то раскидал удивительной красоты облака и неосторожно ушел. И облака, поддев крылом ветер, перетекали из одних очертаний в другие и невозвратно уходили за горизонт.

Она была младшей из сестер. Старшей была моя Тата, средней Шушик, а младшей Кнарик.

Бабушка Кнарик ткала ковры. Я могла часами сидеть рядом и, затаив дыхание, наблюдать за ее руками. Ковры получались пестрые и легкие, с бесконечным петляющим узором по краю полотна. Иногда бабушка впле-

тала в эти узоры символы и слова, об этих символах и словах знала только она.

— Наринэ, я здесь где-то буквы спрятала, можешь найти?

Я водила пальчиком по светлому полю ковра, по тонкой вязи гранатовой ветви, по крутым бокам узкогорлых кувшинов. Казалось, толкни такой кувшин, и он изольется тысячей винных рек.

и крови моей не волнуя

Мне нравилось лежать на свежесотканном ковре и, уткнувшись носом в ворс, вдыхать его запах. Ковер пах брынзой, ветром, полем, пастухом дядей Суреном, который приносил нам свежего молока. Я гладила ладошкой шелковую изнанку гранатовых листьев, ууууу, прижавшись губами, гудела в ковер, ууууу, гудел он мне в ответ. На дворе было белым-бело, туманы всегда приходили незваными гостями и долго стояли, прижавшись лицом к оконному стеклу. Я спокойно заглядывала им в опрокинутые глаза. Мне было совсем не страшно, ковер не просто защищал, он был продолжением меня.

как детский рисунок просты

Она ложилась рядом и прижимала меня к груди. Ууууу, гудела мне в макушку, ууууу, гудела я в ответ.

— Видишь? — она водила пальцем по крутому боку кувшина.

— Вижу! — вскрикивала я. Из-под указательного пальца бабушки выныривал ковш армянской буквы Ї.

— Что это за буква?

— И.

— А теперь смотри сюда, — она закрывала ладонью гранатовую ветвь, — что у меня под ладонью?

— Гранатовая ветвь.

— А так? — она медленно отодвигала руку, открывая одну за другой запутавшиеся в листьях буквы.

— Это мое имя!

— Это твое имя, милая.

Читать я научилась по коврам бабушки Кнарик.

здесь жены проходят даруя

Знаешь, как я ее любил? Надышаться не мог. Маленькая была, невероятно хрупкая. Всю жизнь в детской обуви ходила. Детей рожала молча. Ни крика, ни стона. С Виктором двое суток промучилась, а в доме такая тишина стояла, что слышно было, как ветер по комнатам ходит. А потом случилось это горе. Она сильная была, сильнее меня. Терпела боль до последнего. Обнимет, прижмется лбом к груди. Ничего не вижу, шепчет.

Умерла под утро, у меня на руках. Я умер вместе с ней. Там, в дальней комнате, ковер. Иди посмотри, дочка. Она не успела его закончить.

На темном фоне два кроваво-красных граната. Ни символа, ни слова. Ничего не оставила мне, ушла молча.

от львиной своей красоты

Фундук был молодой, сладко-молочный. Скорлупа, если подержать ее во рту, отдавала нежной кислинкой. Я сорвала зеленый воздушный бутон, осторожно раскрыла кружевные листики. Долго перекатывала теплый, пахнувший солнцем орех на ладони.

В моем доме никогда не будет ковров, обещала кому-то в пространство.

Это был последний раз, когда я переступила порог ее дома. Больше я туда не возвращалась.

Тата

Иногда дождь лил непроглядной стеной. Исходил тяжелыми, тугими струями. Стучал по черепичным крышам, выводил жестяную дробь на плечах старых ворот. Перекипал на шершавых стволах и сгибах деревьев медной патиной. Размывал в матовую податливость скучную каменистую землю. Иногда дождь лил густой стеной. Цеплялся низким краем облаков за колючие кусты, обращал в рваную кружевную зыбь мутную гладь воды. Застилал молочно-белым, неразумным прозрачные дали. О чем-то бесцеремонно плакал и просил.

Она была старшей из сестер. Средней была Шушик, младшей Кнарик. Тата пела «Ануш».

По вечерам на меня нападал жар. Беспричинный, душный. Наваливался всей тяжестью, не давал дышать. Тата сразу делалась беспомощной, суежилась, не находила себе места. Укладывала меня в постель, подтыкала со всех сторон одеяло. Гладила по волосам, по рукам. Я зарывалась в ее прохладные ладони лицом, дышала часто-часто.

В бреду приходили жар-птицы, обступали меня со всех сторон — золотистые, огнеклювые, с пронзительными глазами. Молча глядели. Улетали между явью и сном, тяжело взмахивая длинными крыльями.

Тата чувствовала мой страх.

— Я буду рядом, — шептала. — Я буду рядом и никуда не уйду.

— Поклянись, что не уйдешь, — просила я.

— Клянусь твоим солнышком и моим солнышком! — она прикладывала руку сначала к моей груди, потом к своей и повторяла: — Клянусь твоим солнышком и моим солнышком.

Я ей верила беспрекословно.

Если жар не отпускал, она садилась на край кровати, заводила тихим голосом «Ануш»:

Запах трав смешав
С песней молодой,
Девушки бегут
Пестрою толпой,
Роем мотыльков
Реют меж цветов.
«Амбарцум, яйла,
Яйла-джан, яйла,
Вешний день, яйла,
Яйла-джан, яйла!» —

заговаривала болезнь.

По субботам она пекла хлеб.

Мне доверяли самое важное — маленький глиняный горшочек с опарой, я его извлекала с верхней полки в погребке и торжественно несла через весь двор.

Иногда Тата просила убрать выбившуюся прядь волос под гребень, цвета слоновой кости легкий гребень, я помню, какой он был гладкий, пах простеньким мылом и ее волосами. Когда я неловко поправляла его, она улыбалась. «Ай-ай-ай, — говорила, — что бы я без тебя делала, цавд танем?¹» Мне хотелось уткнуться мордочкой ей в ладони, но они были перепачканы тестом, и я целовала Тату в предплечье.

Потом хлеб доходил под чистым полотенцем на большом кухонном столе, и я бережно несла горшочек с опарой обратно в погреб.

В дальнем конце яблоневого сада стояла большая каменная печь. Когда Тата отодвигала тяжелую заслонку, нас обдавало таким жаром, что приходилось задерживать дыхание. Иначе можно было опалиться на вдохе. Я отбегала в сторону и с замиранием сердца наблюдала, как она вытаскивает разом взошедшие, легкие хлебные круги.

Тата рвала обжигающий первый хлеб на большие куски, разрезала вдоль, обмазывала маслом — оно мгновенно таяло и впитывалось в мякоть. Я стояла рядом и, затаив дыхание, следила за ее руками.

¹ Возьму твою боль (арм.).

До сих пор помню ее тонкие, сухие пальцы. Тата не носила украшений, говорила, что они мешают ей оставаться собой.

Она любила распахивать окна в дождь. Подолгу стояла, прислушиваясь к шуму, думала о чем-то своем. У Таты были золотисто-медовые глаза, но в дождь они темнели, становились непроницаемыми. Казалось — она отдаляется от меня, запирается на тысячи замков.

— Тат, — дергала я ее за рукав, — может, ты споешь мне «Ануш»?

— Потом, — говорила Тата.

— Мне нужно подумать, — говорила Тата.

— Пойди пока порисуй, — говорила Тата.

И смотрела в дождь.

Однажды я видела Тату плачущей. Она спряталась за домом, там, где забор, вильнув боком, огибал старый кипарис и упирался в стену погребка. Тата стояла под этим кипарисом и плакала. Говорила иногда: «Нет-нет-нет». Качала головой, водила рукой в воздухе. Вытирала тыльной стороной ладони слезы. Потом обхватила себя крест-накрест руками, резко согнулась. Сказала себе: «Ш-ш-ш».

Я закричала, кинулась к ней. Зацепилась ногой за что-то, упала. Ударилась головой. Тата бежала ко мне целую вечность. Расстояние между нами не сокращалось, а росло, дыбилось страшными дугами. Тата то проваливалась в эти дуги, то взбиралась на самый верх, снова проваливалась. Потом она добежала до меня, рухнула на колени, и я увидела, что у нее носом идет кровь.

И когда я это увидела, и когда я все поняла, кто-то выключил свет.

Ей было пятьдесят шесть, моей Тате.

Она любила дождь, моя Тата.

Она пела «Ануш», моя Тата.

Она была моей.

Кировабад. Исход

Из-за далеких каменистых холмов всегда надвигалась палящая жара. словно кто-то невидимый шел на восток, поднимая шершавые клубы пыли, и гнал перед собой знойный, беспощадный ветер.

— Шшшш, — шептал, извиваясь тысячами ядовитых колец, ветер. — Шшшшш.

За теми холмами простиралась сухая, испещренная трещинами чужая земля. Там пахло зирой и куркумой, и ветер теребил над порогами связки веревочек. Каждая веревочка увенчана кусочком почерневшей крайней плоти: сколько мужчин в семье, столько и веревочек.

Там, среди каменистых петляющих дорог, лежал одинокий, уставленный невысокими надгробиями холм. Ветер, бесконечный ветер придавил крылом эти покинутые надгробия, и они, подавшись макушками вперед, навсегда замерли в коленопреклоненной молитве Всевышнему.

— Шшшшшш, — выжигал шрамы на душе ветер, — шшшшш.

На базаре, сразу за длинными рядами зеленчиков, торгует сладкой воздушной кукурузой пожилая азербайджанка. Из-под цветастого платка выбились крашенные хной тонкие пряди волос, на запястье переливаются золотом два широких узорчатых браслета.

— Тебе один? — глядит улыбаясь, заслонив ладонью от солнца глаза.

— Один.

Она выбирает самый большой, туго слеplенный розовым сиропом ком воздушной кукурузы — ади-буди — и протягивает тебе:

— На, гезал эрмени¹.

Ты неловко тянешься за ади-буди, монетки выскальзывают из ладонки и катятся куда-то в сторону. Стремительно наклоняешься, подбираешь деньги и цепляешь краем глаза что-то сморщенное и даже шевелящееся, свисающее в глубокой глубине ее раздвинутых дряблых ляжек.

— Аааа, — захлебываешься от ужаса и, отшвырнув деньги, несешься на другой конец рынка, — Тата-а-а-а, ТАТА!!!

Тата оборачивается и распахивает объятия, она не удивляется и не пугается, она крепко-накрепко обнимает тебя и прижимает к своей груди, а ты только и делаешь, что всхлипываешь да выдыхаешь одними губами:

— Там... там... там...

— Что там? — говорит Тата и смотрит так, словно давно уже все про тебя знает, и нет в этом мире такого, чего она не смогла бы объяснить.

— Что там? — говорит Тата и глядит так, словно все видела своими глазами и ничего страшного в том, что случилось, нет.

— Что там? — говорит Тата и запечатывает взглядом тебе рот.

— Ничего, — запинаешься ты, — ничего. Я деньги потеряла.

— Ну и ладно, — улыбается Тата, — ну и ладно. Хочешь персиков?

— Хочу.

И Тата покупает тебе золотистых персиков, и прозрачного винограда, а потом еще кулечек хрусткой кисленькой антоновки. Когда вы прохо-

¹ Красивая армянка (азерб.).

дите мимо ряда зеленщиков, ты цепляешь ладошкой подол ее платья, потому что боишься, что торговка тебя окликнет, но торговка тебя не замечает, она отвлеклась на другого покупателя, и вы идете дальше, ты и твоя бабушка Тата, и несете в бумажном кулечке алычу, а в авоське — персики и виноград, у Таты каштановые вьющиеся волосы, и тонкие запястья, и родинка сердечком чуть выше щиколотки.

Потом, когда наступит черное безвременье, старая торговка сорвет с головы платок и кинет под ноги своим односельчанам, чтобы остановить кровопролитие. И пока толпа будут бесноваться на том берегу платка, ее сын вывезет из села две армянские семьи, высадит недалеко от границы и уедет, оставив им небольшой сверток. В свертке будут какие-то деньги, и даже монеты, словно выгребали последнее из карманов, и два узорчатых золотых браслета.

А в Кировабаде, пока твой дядя через горящий город будет прорываться к своей семье, одни соседи, рискуя жизнью, выдернут через балконные перила двух его дочерей и спрячут в подвале, а пятилетнего сына укроют у себя другие соседи. И жена дяди останется поджидать толпу погромщиков на пороге своего дома, потому что откуда-то будет точно знать, что прятаться ей ни в коем случае нельзя, ведь Молох обязательно должен заполучить свою жертву, иначе, не насытившись кровью, он пойдет дальше рыскать по дворам и квартирам, и тогда неизбежно доберется до ее напуганных и беспомощных детей.

Моя война

Я не помню, когда она началась, моя война.

Может, в тот день, когда двоюродная сестра Лусинэ перестала выходить из подвала. Подвал был единственным местом, где можно было укрыться от бомбежек. Случись прямое попадание в дом, никому бы не удалось спастись. Но прятаться было негде, и семья моего дяди, услышав первые взрывы, бежала в подвал. Вдоль стен тянулись большие глиняные карасы¹, эти карасы помнили прикосновение рук моей Таты. На широких полках созревал золотистый прозрачный инжир, дотронься — и он истекает сладкими тягучими слезами. В углу стояла старая деревянная тахта —

¹ Большие глиняные кувшины.

широкая, с резной ажурной спинкой, с облупленной на локтях темной краской. Лусинэ забиралась с ногами на тахту и сидела, обхватив себя за колени. Иногда беззвучно плакала.

Когда снаряды падали совсем близко, дом стонал как живой. Качался с боку на бок, тяжело вздыхал. Исходил каменной крошкой и пылью.

Может, в тот день, когда моя Лусинэ навсегда отказалась выходить из подвала, а если ее уговаривали хотя бы выглянуть во двор, начинала сидеть, задыхаться и падать в обморок, может, именно в тот день и началась моя война?

Или в тот день, когда я возвращалась с очередной сессии из Еревана? Десять бесконечно долгих часов по бездорожью — единственное шоссе осталось по ту сторону границы, и огромный «икарус» увязал по колено в непролазной грязи узкого горного серпантина. По обочине, опасно нависая гусеницами над бездной, сновал крохотный раздолбанный трактор, тянул на себе наш беспомощный автобус.

А потом начался обстрел. Спрятаться было негде, склон, на котором мы застряли, просматривался с той стороны как на ладони. В ожидании смерти мужчины замерли, заслонив своими спинами женщин и детей. И лишь трактор, не обращая внимания на выстрелы, упрямо тянул тяжеленный «икарус».

— Бросай, — кричали ему, — бросай!!!

Но трактор не сдавался. Отчаянно тарахтя, он пробивался все вверх и вверх, и люди какое-то время заворуженно наблюдали за ним, а потом пошли следом, и даже дети перестали кричать, а только тихо плакали, да скорбно причитали женщины.

Обстрел скоро захлебнулся, потому что озверело заработали наши пушки, прикрывая людей огнем.

— На ходу смерть не так страшна, — крикнул нам на прощание тракторист, седой маленький мужичок в засаленном пиджаке и заправленных в кирзовые сапоги мятых штанах, махнул рукой и поехал вниз по серпантину — вызволять из слякотного плена очередной рейсовый автобус. У героев всегда очень простые лица, это только в фильмах они поигрывают мускулами и желваками, спасая мир. У настоящих героев всегда очень простые лица.

— Он на этом участке дороги пятые сутки один работает, — рассказывал потом водитель, вырывая на бешеной скорости к водохранилищу, — днюет и ночует на перевале.

— Некому его подменить?

— Некому. Сменщика на той неделе убило.

— На ходу смерть не так страшна, — повторил кто-то слова тракториста.

— Сменщика как раз на ходу убило, — покачал головой водитель. — Хотя он прав, конечно. Лучше что-то делать, чем смиренно ждать.

Может, в тот день и началась моя война? В ту унижительную минуту абсолютной беззащитности, когда ощущаешь себя живой мишенью и ничем более. НИЧЕМ более.

Или в тот день, когда бомба угодила в палисадник нашего дома?

Была глухая ночь, взрывной волной выбило стекла, моих спящих сестер швырнуло на пол, сверху посыпались осколки, в воздухе кружились ошметки посеченных в хлам пуховых одеял и разом обуглившихся штор. Гаянэ потом несколько недель не спала ночами и глядела испуганными золотистыми глазами так, что хотелось прижать ее к своей груди и никогда не отпускать. Сонечке было всего десять, и я сравнивала себя десятилетнюю с ней и выла от боли, какие мы разные и какое трудное на ее долю выпало детство...

Папы никогда не было дома. А если он приезжал, то укладывался возле порога. Чтобы при первом же вое скорой мчаться в больницу — скорые гудели только в одном случае, когда везли раненых, это было такое негласное правило, чтобы зазывать врачей. Папе часто приходилось уезжать под бомбежкой. И мы не знали, доехал он благополучно или нет, потому что не дозвониться и не спросить — телефоны молчат.

Однажды он подобрал смертельно раненного юношу — тому осколком перебило позвоночник, и он истекал кровью посреди улицы.

— Доктор, — простонал он, когда папа загрузил его на заднее сиденье машины, — доктор, я ведь выживу, да?

— Мы еще погуляем на твоей свадьбе, — ответил ему папа.

До больницы живым он его не довез. Страшно напился в тот день, говорил, что спиной почувствовал, как смерть забрала мальчика. Вымытая хлоркой машина целую неделю стояла с распахнутыми дверцами, но тяжелый запах обожженной плоти так и не выветрился. Салон пришлось обтягивать новой материей, а потом папа машину продал. Не смог больше на ней ездить.

Я не знаю, когда началась моя война.

Помню, что в самый ее разгар на дворе стояло позднее лето — жаркое, томно-прекрасное, с низкими гроздьями налитых звезд. Людям такая красота казалась насмешкой. Наблюдать буйство красок, когда твоя жизнь превратилась в муку, особенно тяжело. Война делает людей атеистами или истово верующими. Третьего не дано. Война делает людей хорошими или плохими. Третьего не дано. Война вообще не терпит полутонов и полунамеков. Она ненавидит тебя всей душой и не требует к себе снисходительного отношения. Нечеловечески сильный и мерзкий противник.

Я думала, что похоронила войну там, в горах. Но если ты хоть раз заглядывал ей в глаза, она тебя уже не отпустит. Война станет возвращаться к тебе липким мороком во снах, странными видениями, неконтролируемыми приступами страха, беспричинными слезами...

И каждый раз, как за спасением, ты будешь убегать в комнату сына, ползать на коленях возле его кровати, кривить в беззвучном плаче рот, целовать его в мягкие кудри, гладить по рукам и шептать: «Господи, никогда, Господи, никогда, Господи, больше никогда...»

Емельян Марков

Омнибус

Мы летим в нашем «Омнибусе» уже... Хороший вопрос — сколько. Сказать: всю жизнь? Этого будет мало. Всю жизнь — само собой. И родители наши летели всю жизнь. Бабушки и дедушки наши оставили родную планету малышами. Прадедушки и прабабушки вылетели впопыхах, в спешке, короче, уносили ноги. Бежали от революции. Что такое революция, мы не знаем, мы вообще толком ничего не знаем. То, что наши бабушки с дедушками смутно ли или более-менее ясно помнили и рассказали нам, мы и то плохо усвоили. А база данных слетела еще у наших мам и пап во время очередного праздника, когда они решили завести какой-то убойный музон. Они хотя бы знали, что такое праздник, мы уже не очень-то. Мы подражаем им чисто внешне, так же смеемся и поем, говорим о мирах, тем более о мирах-то мы знаем не понаслышке, но чего-то главного в наших суррогатных праздниках не хватает, чего-то основного. Мой папа объяснял это тем, что в празднике необходим верх и низ, потому что праздник все переворачивает с ног на голову. А мы, молодое поколение из семи человек, ничего не переворачиваем с ног на голову, разве что притягиваем за уши, но мы не виноваты, потому что в космосе нет верха и низа, а наш обшарпанный «Омнибус» так себе мера всех вещей. Я, например, жену свою люблю... Но, как знать, если б я выбирал не из трех девушек, а из миллиона, я бы выбрал ее? Иногда закрадываются сомнения. Иногда всякие сомнения отпадают. Но время от времени мне вздорно кажется, что ходит по той планете, с которой мы улетели и которую ищем, другая, с распущенными волосами, она не поднимает глаз, потому что отчаялась их поднимать, и надо встать перед ней на колени, чтобы она тебя увидела. Это все, наверное, бредни... Хотя мы, новое поколение «Омнибуса», не различаем, где у нас бредни, где что. Мы ведь с рождения живем в выдуманном мире, в поисках нашей голубой, а может быть и розовой, точно не помним, планеты.

База у нас полетела, но осталась кое-какая библиотека. Правда, ни в одной книге нет ни одной внятной фотографии. На картинах в альбомах

нарисована наша планета, но всякий раз по-разному, прекрасно, но — по-разному. Я бы хотел устроиться в мире Леонардо да Винчи, а мой сосед Гоша — в мире Рубенса, таких мощных полнотелых женщин в нашем экипаже нет, а он мечтает о такой, хотя живет с женой щуплой Ирккой; моя жена мечтает о ветреном и туманном мире Коре, хотя имеет представление лишь о звездных ветрах и газовой космической туманности. Мама любит Рембрандта. Тут я ее не очень понимаю — ведь это темный, бурый мир, и только незнакомые и одновременно родные с детства человеческие лица тускло светятся в нем. Папа мой сам был художником, рисовал нас и космические пейзажи. У папы кончились краски, он и не писал почти в последнее время в страхе, что краски кончатся, но они все-таки кончились, и папа стал очень рассеянным, таким рассеянным, что однажды по рассеянности вышел в космос во время метеоритного дождя, ну и, сами понимаете.

Напрямую с Землей нас роднят наши куры и козы. Хотя бабушка говорила, что на Земле они не такие, что это специально выведенные породы, а садик наш и огородик тоже слабо смахивают на земные.

«Омнибус» наш молодчага, когда вылетели, он был последним словом техники, его называли еще *Perpetuum mobile*. Питается он внешней радиацией и светом звезд, всю влагу на корабле собирает до последней капли и возвращает ее чистой в меру минерализованной водой. Да, славный наш «Омнибус»! Но ведь и ему когда-нибудь придет конец, и он когда-нибудь сломается, поэтому нам надо найти нашу планету во что бы то ни стало!

Мы заблудились в космосе. Наш «Омнибус» имеет способность перелистывать галактики, как страницы книги. Говорят в нашей семье, что раньше люди ломали голову, как можно преодолеть миллиарды километров, планировали столетние экспедиции. Мы же так долго летим не потому, что наша цель далека, а потому что наша цель: вернуться, но мы — заблудились. А перенырнуть в другую галактику оказалось делом очень простым. Грубо говоря, «Омнибус» очень резко меняет цвет. Настолько резко, что проваливается в образовавшуюся между цветами прореху в измерение другой галактики. Еще он может скользить по просторам одной галактики, как по ледяной горке, что такое ледяная горка, я толком не знаю, дедушка говорил, что она похожа на хвост кометы. У всякой галактики есть угол наклона всех ее элементарных частиц, наш «Омнибус» умеет поймать этот угол и лететь по полярной плоскости галактики гораздо быстрее скорости света, а чтобы медлительный свет не тормозил его движение, «Омнибус» становится невидимым, для чего свои заборники света и радиации закрывает, как цветы на ночлег. Тормозить в таком

скатывании легче простого, достаточно чуть изменить угол движения, и пространство тебя мягко тормозит, как вода.

Снаружи наш «Омнибус» сущий призрак, а внутри — захламленная многоквартирная квартира с «зимним» садиком, таким же огородиком и яслями для скота.

Когда наши бабушки и дедушки поняли, что заблудились, они пришли в ужас. С годами ужас не прошел, но как-то вошел в обиход и был передан нам как одна из черт характера. Ужас хорош тем, что он родной брат восторга. Не познав ужаса, не познаешь высокого восторга. Правда, мы слишком уж восторженные, и дедушка Гоши говорил нам, что с нашим восторгом на Земле над нами смеяться бы стали.

Сегодня я поссорился с женой. Она сказала, что уйдет от меня. Но, помилуйте, куда? Куда ей, бедняжке, идти? Вот мой папа решил уйти за красками, и что? Впрочем, может, он и нашел краски, другое дело, что в «Омнибус» он с ними не вернется. Даже если б мог. Я подозреваю, что «Омнибус» наш не такой уж райский уголок. Знаете, какая эта мука, когда вокруг тебя отверсты сверкающие бездны, когда яркие созвездия вращаются, словно в Пальцах Бога, но ты можешь только жадно припадать к иллюминатору. И мечтать, мечтать. О чем? Человеческий организм не совместим с открытым космосом.

— Куда ты пойдешь, некуда тебе идти. Я, может быть, и сам был бы рад, если бы ты ушла, но это невозможно, — поэтому сказал я жене.

— Ничего, я еще молодая красивая женщина, — отвечает она, — могу устроить свою жизнь.

— Ну, иди устраивай, — соглашаюсь я.

— Хочешь от меня избавиться и найти себе помоложе? — уличает она.

— Кого? Где? — вздыхаю я.

— Ничего, я найду тебе бабу. Отдохну хотя бы от тебя.

— Ну, иди ищи. Ты хотя бы можешь уйти к Паше, он один у нас свободный человек, но женщин у нас, к несчастью, три на четверых.

— Ничего! Я видела, как ты целовался с Соней, — дальше уличает жена.

— У Сони есть Артем. А целовался я по-дружески, в щеку.

— Я видела, как вы сосались возле иллюминатора, я как раз вышла в космос и видела вас снаружи, не надо мне врать!

— Это было четыре года назад. А ты спала в каюте у Паши. Что вы там делали?

— Не знаю, что он там делал, я ничего не делала. Я именно спала, просто не хотела спать с тобой в одной комнате, чтобы ты мог спокойно устроиться там с Соней. А что Паша делал, не знаю. Он смотрел на меня всю ночь... Как тебе не стыдно, я верная жена, никогда тебе не изменяла.

— С кем? С кем тебе мне изменять?

— Ничего, я найду себе настоящего человека!

Жена надевает скафандр, выходит в открытый космос, плавает там обиженно вокруг «Омнибуса». Раньше и я за ней вылетал. Кричал на нее, как будто она могла меня слышать, радиосвязь она отключала. Обнимал ее через скафандры, возвращал. А потом перестал бегать за ней вокруг «Омнибуса». Какой смысл? Все равно ей некуда деваться.

Но сегодня я опять вышел за ней. Не для того чтобы ее вернуть, и не из страха, что метеоритом ее шарахнет. Мне захотелось побыть с ней наедине. У нас отдельная каюта, все так. Но не дает она того уединения, какого мне вдруг захотелось. Я залез в скафандр, вышел в космос. Что-то важное должно сейчас произойти, понял я. Раньше я толком не знал, что такое интуиция, потому что — что нам предчувствовать? Я даже не волновался, когда папа последний раз выходил в космос. А тут какая-то уверенность непонятно в чем. Выхожу.

И — странное дело. Жена моя, как обычно, надменно плавает вокруг «Омнибуса». Но внизу, именно внизу, — огромный голубой шар. Я много видел планет, но эта была облачена в любовь, исполнена любовью. Это было так зримо. Я читал в наших книгах о любви, многие там, в книгах, сомневались в ее существовании, особенно этот, как его, Лев Толстой. Хотя, казалось бы, ему ли в ней сомневаться? Но тут любовь была зрима, осязаема, если бы можно было дотянуться. «Омнибус» пошел по орбите этой планеты.

Жена опять отключила связь. Я размахивал руками, указывал ей на планету, но она надменно смотрела на звезды. «Омнибус» шел по орбите этой Любви. По-другому я эту планету назвать не могу. «А вдруг это и есть наша планета?» — подумалось мне. Гневно я поплыл к жене, чтобы она хотя бы увидела то, что под нами. Жена спешила от меня. Мне хотелось убить ее от досады и негодования. Наконец я все-таки схватил ее за ногу и потащил к себе, она сопротивлялась. Я притянул ее к себе и насильно повернул стеклом скафандра к неизвестной планете. Жена посмотрела на нее утомленно, со скукой. Но когда осмыслила то, что увидела, заплакала. Она плакала как ребенок. Я же знаю ее с детства, я помню, как она тогда плакала, растягивала верхнюю губку. И уже она схватилась за мой скафандр, опять как ребенок. Она включила радиосвязь: «Пошли в “Омнибус”, я боюсь. Я боюсь высоты, я боюсь упасть!» Что она говорила? Мы ведь не знали, что такое высота, мы не знали, что такое упасть. «Это она, — сказал я, — это она, наша планета, я точно знаю». «А вдруг ты прав, вдруг ты опять прав? — задумалась моя жена, — надо быстрее возвращаться». Мы спешно поплыли к входному люку. Я машинально глянул на часы и моментально весь взмок

в своем скафандре. Жена проследила мой взгляд и уже не плакала: ее глаза наполнились черным космическим ужасом. Никто не знал, что мы за бортом. Мы не зафиксировали в бортовом журнале наш выход. А через две минуты «Омнибус» должен был переходить в измерение другой случайной галактики. У пульта управления сегодня дежурил Паша. Паша был разгильдяй, любой другой проверил бы присутствие всего личного состава, но Паша вполне мог и не проверить, нажать с зевком на кнопку — и все.

Войти в «Омнибус» мы не успевали. Мы потянулись друг к другу, я хотел прижать тело жены к своему, хотелось сейчас же избавиться от скафандров, ведь все равно гибель. Свою жену я ненавижу, но всегда мечтал умереть в ее объятиях. И вот — секунда спектропортации...

«Омнибус» почему-то не исчез.

Мы забрались в него, вылезли из скафандров, пошли в кабину управления. Там сидел Паша и смотрел через иллюминатор на ласково сияющую планету.

— Это она! — сказал я.

— Может быть, — почти безучастно ответил Паша.

— Мы нашли ее. Ты что, идиот? Даже это оставляет тебя равнодушным?

— Да! — просто ответил Паша и зевнул. — Мы все равно не сможем на ней выйти. «Омнибус» не сдюжит. Тут слишком сильная гравитация, наш старичок не выдержит ее. И потом, сопротивление атмосферы...

— Но мы-то выдержим, мы ведь делаем специальную зарядку, крутимся в центрифугах.

— Не факт... Кто его знает, как оно на практике. Короче, мы можем и не сесть. «Омнибус» прогорит в атмосфере — и хана, там же водичка, а он от водички отвык. А если мы вдруг сядем, «Омнибус» уж точно больше не взлетит. А что на этой планете, еще неизвестно, какая там эра? Людей там, скорее всего, по теории вероятности, еще нет, вряд ли мы попали тютелька в тютельку в четвертичный период. Может быть, там динозаврики разгуливают.

— Нет, там есть люди, я чувствую, слышу, вижу!

— Чувствуешь? Ну-ну. Я вообще не понимаю, на кой нам это надо. Наша родина — Космос, а Земля нам по-любому уже чужая. Предлагаю валить отсюда. Сам подумай, ты больше не увидишь новых галактик, созвездий. А жена у тебя и так симпатичная, зачем тебе другая?

— Ты о чем?

— Знаю я, зачем тебе на Землю...

— Это тебе для этого надо на Землю.

— Нет, мне не надо, моя невеста — Вселенная, и приданое ее бесконечно. Вы со своими женами в своих семейных дразгах так и не оторва-

лись от Земли, хоть и не были на ней никогда. А я — человек свободный. В каждой галактике мне быстро становится скучно, и я лечу в другую.

Паша положил палец на клавишу ввода программы спектропортации.

— Ты не сможешь этого сделать! — ринулся я к нему.

— Почему? Смогу.

— Мы должны собрать совет.

— А чего собирать? И так все понятно, что вы решите. Восторг замечает вам воображение.

— Ты разочаровался в жизни. Ты хочешь отомстить всем нам, ты хочешь стать властителем нашей судьбы, ты хочешь, чтобы мы в негодовании выкинули тебя в открытый космос. Чтобы произошла казнь.

— Так, во всяком случае, будет забавнее.

— Ты — самоубийца. Моя жена, когда увидела Землю, поняла, что боится высоты. А ты понял, что хочешь умереть, что ты самоубийца, понял, что ты ищешь самоуничтожения. Но ты не понял, что желание умереть — это и есть желание жить земной жизнью.

— А ты что понял?

— Какая разница? Главное, что я ее нашел. Я понял, что это — она, я узнал ее. Разве этого мало?

— Когда ты ее заметил?

— Полчаса назад.

— Ага, а я уже два часа ее разглядываю.

— Значит, это ты ее нашел! Разве тебе этого мало? Не лишай нас ее.

— Ладно, как хочешь. Ради нашей прошлой дружбы.

— Почему прошлой?

— Да так, не бери в голову... Но мы все равно все погибнем, рано или поздно. Не от гравитации, так от каких-нибудь болезней. На Землю можно выйти только из утробы матери и никак иначе.

— А вдруг случится чудо? Ведь на Земле постоянно случаются чудеса.

— Разве что чудо, — иронично возвел глаза Паша.

— Так поверь в него, и оно свершится. Слушай, давай не будем собирать совет, давай сделаем остальным сюрприз. Ведь они защищены перед спектропортацией. Они проснутся на Земле, как будто вся наша прошлая жизнь была сном.

— Ты хочешь убить их во сне, очень гуманно, тут я с тобой солидарен. Ты не такой дурак, как я думал. Хотя мне кажется, ты просто боишься, что совет все-таки не решится на посадку. А осознал ты, когда увидел Землю, что ты — трус, если тебе это, конечно, интересно.

— Не знаю, может быть, я и боюсь отрицательного решения совета. Хотя правильней сказать: я точно знаю, что или сейчас, или никогда.

«Омнибус» того гляди сорвется с земной орбиты, включатся защитные системы, он нестабилен, посмотри на датчики, он сейчас спектропортируется автоматически. Жми на посадку!

Паша нажал с мечтательной улыбкой.

— Ты рада? — спросил я жену.

Она слушала наш разговор молча. А быть может, и не слушала, она пристально смотрела на сияющую голубую зыбь за иллюминатором.

— Конечно, рада, — ответила она, — мне надоело сидеть на одном месте и смотреть на твою рожу.

«Омнибус» катастрофически задрожал.

Мы погружались в любовь.

Елена Сафронова

Свадьба в благородном семействе

— Мария! Машка! Марья-а! — кричала через плечо, разминая клоеное тесто, Влада Эдуардовна младшей дочери с кухни. — Мария, зараза такая! Ты поможешь матери или нет?! Скоро молодые из Горуправы вернутся, а у нас конь не валялся!

Мария — синтетический начес на одной стороне головы, недоклеенные зеленые ногти — появилась в дверях кухни:

— Чего орешь?

— Как ты с матерью разговариваешь? — полыхнула Влада Эдуардовна. — Кто собирался мне помочь торт печь? Кто вообще упросил, чтобы я, точно бабка Настя, этой ерундой занялась?! Спокойно могли бы клорт купить, как все люди! А теперь, с твоим тортом, я в день дочкиной свадьбы как та лошадь, что бабка Настя моя поминала, — шея в ленточках, а жопа в мыле! Живо ставь клолоко на крем! — она гневно обернулась на Марию и схватилась за сердце. Мария в этот момент флегматично отлепила от мизинца изумрудный коготь и примеривалась, как его присобачить половчее.

— Ты... ты это что?! В таком виде сестру с новобрачным встретишь?! Быстро умываться! — заорала Влада Эдуардовна так, что голос сорвался на ультразвук. — И гриву пригладь! Дубина стоеросовая, пятнадцать лет, а ни ума ни фантазии!

— Так мне крем делать или умываться? — хладнокровно спросила Мария, не оставляя возни с ногтем.

— Только и можешь матери работы добавлять! Умываться, конечно! В таком виде я тебя за стол не посажу! Ой, мамочки, кто ж мне-то поможет?! Лучше б не тебя я родила, а Верку клонировала! Старшая дочь — ну такая умница, а младшая... эх ты...

Мария пожалала плечами и ушла с кухни — но вовсе не в ванную.

Зато, привлеченная раскатом децибелов хозяйки, в кухню втянулась дальняя родственница Анна Сергеевна. Приехав в числе первых гостей, она тихо и немногословно избавила Владу Эдуардовну от лвиной доли

хлопот — подмела полы, не доверяя приходящему менеджеру по ведению домашнего хозяйства (на языке тетушки, уборщице), раздвинула и накрыла большой «торжественный» стол из техновудса, приготовила привезенную с собой фарфоровую тарелку, чтобы разбить ее под ногами новобрачных. Тетушка с непонятым упорством цеплялась за архаичный обычай, хотя Влада Эдуардовна раз десять сказала ей, что бить посуду нынче не модно, никто уж не помнит допотопного обычая и не просекает, при чем осколки — и счастье. Тетушка, обычно покладистая, стояла на своем упрямо, как последние живые ковыли в заповеднике Танаис. Туда Седовы ездили в летний день Всемирного Обновления, ибо этот заповедник считался местом престижного отдыха со времен Двоевластия — ценилось то, что он остался единственным заповедником, поражало воображение, что тамошние сорняки пять тысячелетий цеплялись за потрескавшуюся почву, не вырождались и не меняли доисторического своего обличия. Нарочно, исторической достоверности ради, землю Танаиса не обогащали нанохимикатами. Хотя все прочие заповедники в Державе были упразднены — сначала запаханы, потом, когда пашни не дали ожидаемых результатов, застроены. Ковыльный стебель явственно напомнила Владе Эдуардовне хрупкая, седая, тихоголосая Анна Сергеевна. Как ковыль под ветром, под напором племянницы, озабоченной «достойной» свадьбой, она шелестела — мол, забавная свадебная традиция непопулярна потому, что вся посуда небьющаяся теперь, нет того удовольствия. А у нее, мол, сохранилось в буфете несколько еще бабушкиных тарелочек, и одну из них тетя с дорогой душой жертвует для свадьбы любимой внучатой племянницы! Это будет так мило!

Да, это будет так оригинально, — подумала Влада Эдуардовна и сдалась. Не забыть сказать паршивке Марии, чтобы написала о разбитой на счастье тарелке в блог, пусть соседи обзавидуются!

И теперь, когда мужская половина гостей объединилась вокруг хозяина в курительной и разливала синтикат — искусственно синтезированный аналог виноградного спирта, добытый отцом семейства Седовых по великому благу, — непьющая Анна Сергеевна маялась бездельем. Ее забыли в гостиной.

— Владочка, ты что шумишь? Тебе помочь? — мягко спросила тетушка.

— Да, тетя Ань, ты меня очень выручишь! — сердито говорила Влада Эдуардовна, мечась по кухне. — Помоги мне крем сделать к этому чертовому торту! Последний раз иду на поводу у мерзавки! Испеки да испеки, хочу попробовать настоящий печеный торт, а того не понимает, что у меня не десять рук. У меня вон еще клорик маринуется в клофире — жарить пора, и торт этот, слоеный, в книге кулинарной вычитала, надо печь

сразу, как тесто вымесишь, и крем. Да еще заливное хотела приготовить. Хорошо, что вовремя одумалась! Желатина костного давно уже не делают. А синтетический мне почему-то не нравится. Вкус у него химический какой-то. Вот надо же, все, кажется, научились искусственно изготавливать, а желатин — никак. Придется без заливного.

— А могли бы стокловую арендовать на свадьбу, и все бы за тебя приготовили! Если сама не умеешь! Даже у нас в школьном буфете через день заливное! — ехидно подала голос откуда-то из лабиринтов квартиры Мария.

— Что ты сказала?! — задохнулась Влада Эдуардовна, схватила полотенце и рванулась хлестать непутевую дочь, словно в городской жительнице конца XXI века, искренне считающей себя культурной и высокообразованной, пробудилась ее пра-пра... — неграмотная, тяжелая на руку крестьянка. Анна Сергеевна перехватила взбешенную мать на самом пороге кухни.

— Владочка, не надо, у вас же сегодня праздник...

— Умная слишком! — орала Влада Эдуардовна, позволяя, впрочем, скромнейшей тетушке удерживать себя на месте. — Ты денег заработала, чтобы ими распоряжаться? Ты хоть клопейку свою собственную когда-нибудь в руках держала? То-то и оно, что нет! Иначе понимала бы, как деньги достаются! Нет у нас лишних, чтобы стокловые да банкетные залы снимать!

В глубине квартиры громко стукнула какая-то дверь.

— Спряталась! — горестно вздохнула Влада Эдуардовна, кидая полотенце. — Что за характер! Правду, что ли, тот ученый по телевизору говорил, что живой человек, ну, в смысле, как мы, от папы с мамой, а не заводской сборки, даже не индивидуальной комплектации, — это сплошные проблемы? Мол, человеческая психика неуравновешенная, способна на сюрпризы. А заводская сборка — надежная, державно-стандартная... и еще просил таких людей клонами не называть, это, мол, некорректно. Зачем я эту стервозину только родила?! Толку-то, что во всемирном списке матерей-героинь, последних рожениц. Пособия мизерные, а девка нервы мотает. Клон... тьфу!.. ну, как его назвать?.. ну, ты поняла, тетя Ань? — куда лучше!

— Как сказать, Владочка, — смиренно отозвалась Анна Сергеевна, глядя в сторону со странным выражением, которого Влада Эдуардовна не заметила, — мы ведь с тобой тоже от папы с мамой...

— Я же о присутствующих не говорила, — отмахнулась Влада Эдуардовна. — И потом, человечество не стоит на месте, все должно совершенствоваться. Займись, пожалуйста, тортом! Ты, надеюсь, помнишь, как «Наполеон» печь? А то я совсем забыла... если честно, то и не знала...

когда мы с Димкой маленькие были, мать готовые покупала торты, а потом появилась клонизия.

— Раскатанные коржи надо поддержать в холодильнике хотя бы полчаса, а не сразу на противень, — прошелестела тетя Аня, склоняясь над столом. — Ты, Владочка, иди отдохни, я все сделаю. Пока коржи морозятся, крем приготовлю, да и кролика поставлю жарить.

— Теть Ань, он не кролик, а клорик, искусственно выращенный! — наставительно поправила племянница. — Кролик, как любой натурпродукт, — это был фактор риска, потому что мясо могло быть заражено, и вообще. А клорик выведен специально для диетпитания! Мясо грамотно сбалансированное, сочетающее все ферменты и все такое прочее, что человеку надо. Я кроликов живых и не помню на вкус, вроде в детстве пару раз ела. Но клорчатина мне лично очень нравится. Ах да, в хоклодильнике клокуруза и клолбаса для салата.

— Прости, Владочка. Не бойся, я все сделаю как надо, — еще тише прошуршала Анна Сергеевна. Руки ее плавно парили над кухонным столом, и, глядя на теткино спокойное священнодействие, хозяйка дома сочла, что имеет право на минутку перекура и одну электронную сигарету.

В курительную была превращена одна из семи комнат квартиры Седовых. Там стоял бар, диваны, гордость отца семейства — допотопная офисная пепельница на мощной ножке (для антуража, разумеется, давно уже не было надобности выбрасывать окурки, ибо какие «бычки» у электронных сигарет), всю стену занимал экран хоумвижна. Там же мужская часть общества проводила встречу «без галстуков», разминаясь перед застольем.

Перешагнув порог герметичной (как и в прочих комнатах) двери «курилки», Влада Эдуардовна закашлялась. В воздухе отчетливо и душно пахло... даже воняло. Щекочущий ноздри серый запах живо напомнил Владе Эдуардовне детские годы и закуток за гаражами во дворе, где они с братом Димкой впервые выкурили одну на двоих.

— Вы что?! — возмутилась хозяйка, разгоняя рукой самый натуральный дым. — У кого настоящие сигареты? Кто решил нас под монастырь подвести? Они же запрещены! Хотите, чтобы соседи настучали в экологическую полицию? Соскучились по принудработам?

— Да не переживай, Владушка, — добродушно ответил Седов, не вставая с дивана. — Небось, соседи — тоже люди, все понимают! Можем мы в день дочкиной свадьбы позволить себе чуть-чуть лишнего?

— Михаил, это ты себе позволил лишнего?! — от возмущения Влада Эдуардовна забыла закурить электронную.

— Да нет, Владушка, не шуми, это не я.

Влада Эдуардовна гневно озиралась вокруг. Мужчины прятали глаза, негромко пересмеиваясь. Виновник подлинного курения был обнаружен бдительной Владой Седовой почти сразу. Ее родной брат Дмитрий Эдуардович Воронин валялся поперек кресла, свесив ноги с одного подлокотника, руки с другого и закатив глаза на запрокинутом, точно в обмороке, лице. В его изголовье торчала любимая пепельница Седова, ошестинившаяся окурками.

— Ну конечно, — зловеще протянула Влада Эдуардовна. — Как я сразу не догадалась? Конечно, Дима!

— Ко-неч-но, Ва-ся! Ко-неч-но, Ди-ма! — замычал брат, не меняя позы. На мотив песенки, которую Влада Эдуардовна когда-то, девочкой, слышала у отца на старом CD.

— Напился! До застолья! — угрожающе констатировала сестра. — И курит! Впрочем, он один бы столько не накурил. Мужики, вы что?! Мало вас ловят на черном рынке с табаком?

— Я не так уж пьян, и вообще, пошла ты в жопу со своими замечаниями! — ответил Дмитрий Эдуардович, не открывая глаз. Влада Эдуардовна захлебнулась возмущением, но муж, наконец-то отклеившись от дивана, мягко взял ее за руку и повел к своему месту, мимикой и жестами призывая отстать от парии (каковым традиционно считался Дмитрий Эдуардович в благородном семействе). Остальные гости тоже почувствовали себя обязанными сгладить конфликт.

— Владочка, как мы тебе благодарны за приглашение! — замурлыкал сытым баском коллега Михаила Павловича Юрий Тарасов. — Сейчас семейные торжества — такая редкость! Ты нас просто в детство возвращаешь. Как машина времени. Скажи, пожалуйста, кто еще ожидается?

Влада Эдуардовна подбоченилась, наконец-то прикурила и стала перечислять фамилии, на каждую из которых Тарасов отвечал одобрительным гудением. Впрочем, фамилии скоро кончились. И Влада Эдуардовна сочла нужным пояснить:

— Да, немного, но ведь у нас семейное торжество, мы приглашаем только самых близких...

— И самых нужных! — брякнул с кресла ее скандальный братец.

— А Култаева будет? — поспешно спросил Тарасов, желая, как лучше. Но промахнулся.

— Култаева?! — загремела Влада Эдуардовна, в ярости вдавливая электронную сигарету в пол. — Эта Култаева, как я только с ней могла дружить! Пустая, заносчивая, вечно только и знает, что людей опускать ниже уровня подземного гаража! Знаете, что она мне заявила, узнав о Верочкиной свадьбе? Что надо арендовать клофе, потому что все достойные

люди празднуют свои события только публично! А домашние, как она выразилась, «посиделки» хороши только для старух в вымирающих моногородах!

— Влада, ну кто же на кухне говорит о моногородах! — влез Михаил Павлович.

— Да Култаева ваша! — саркастически ответила ему жена. — Вечно хочет свою образованность показать. Подумаешь, у нее зарубежный университет, она какой-то заштатный магистр! Всем тычет в нос своей правильной речью! Она еще добавила так ядовито: «Я, конечно, понимаю, что у вас денег на это не хватит...»

— Да-а! — с ужасом выдохнули все мужчины, кроме Дмитрия Эдуардовича.

— После таких слов ноги ее в моем доме не будет! — подвела итог Влада Эдуардовна. — Пусть идет в свое клофе и сидит там до посинения! Жаль только, что она моей младшей голову задурила красивой жизнью. Вы, наверное, слышали, как мне Марья сейчас заявила — надо было, мол, стокловую арендовать?!

— Да она ребенок, мамочка, не бранись на нее в такой день! — вступился папа Седов.

— Я не бранюсь! Я девке объясняю, что деньги не в банкомате растут! Их зарабатывают! — раскраснелась Влада Эдуардовна. — Конечно, мы не бедные, как эта паршивка Култаева мне намекнула. Но свои кровные на всякую пустоту швырять я лично не намерена! И Верочка тоже! Она, к счастью, в меня пошла, практичная девочка, ей будет легко жить с такими принципами.

— А муж ее? — опасно, не затронет ли опять болезную тему, спросил Тарасов.

— А что муж? Хороший у нее будет муж. Рабочий парень с профильным образованием, деньги считать привык, сам себя сделал, можно сказать, — готовно повернула поток своего красноречия в другое русло Влада Эдуардовна. — Он уже сейчас работает на Останкинской клоцефабрике. Начальник смены, а ему всего 25 лет! Зато выпускает лучших птиц в Москве — это даже в интернете сообщали, в рубрике «Наши рейтингаты». Они специализируются на изготовлении городских птиц: воробьев, галок... кого еще... голубей, кажется, ворон...

— Это не вороны, а мутанты! — заревел внезапно, подсказывая верхней частью туловища, Дмитрий Эдуардович. — Настоящая ворона — это я! Ворона осталась только в моей фамилии! Владка фамилию сменила, а я Воронин, как отец и дед. Короче, я последняя ворона... то есть ворон.

— Замолчи! — испуганно косясь на жену, зашептал Седов шурина. — Не зли Владу, она и так с утра как сумасшедшая.

— Почему «как»? — буркнул тот, укладываясь. — Почему с утра? Она всю жизнь сумасшедшая.

Влада Эдуардовна раздула ноздри, глубоко подышала и с презрением отвернулась от брата к Тарасову.

— Так вот, Юрий Петрович, мой зять — парень с перспективой, в ближайшем будущем ему обещано повышение. Он должен стать замначальника цеха. Уже решение принято. Их клоцефабрика на хорошем счету, им даже от городских властей предоставили собственный жилой фонд — сто квартир пятой категории.

— Это которые без газа? — уточнил Тарасов.

— Нет, что вы, это седьмая категория без газа! Пятая — без государственной воды, с домового кловодной. Так вот, нашему Степе из этого фонда обещали пятикомнатную квартиру. Железно! Только, сказали, пусть женится и, как молодой муж, обращается в совет учредителей — сразу предоставят жилье. Так что Степа у нас парень с приданым. Жаль, что квартира без воды. Но, с другой стороны, в 25 лет сразу свой дом, да такой большой. У них будет две индивидуальные спальни...

— С эроаппаратурой! — значительно прошипел Михаил Павлович собутыльникам, подмигивая. Физиономии мужиков выразили шаловливый восторг.

— Плюс у каждого по кабинету. И гостиная. Нет, Верочке повезло. Ой, мне, наверное, пора посмотреть, как там тетя Аня справляется! — со смаком заключила Влада Эдуардовна и уселась поудобнее, подняла электронную сигарету, которая ничуть не пострадала от того, что ее «гасили», и снова вставила в рот царственным жестом.

— Да, хорошая партия для вашей Верочки! — подольстился Тарасов. — А как же они познакомились?

— На семинаре молодых специалистов по имогенерации, — повернулась к нему горделивая мамаша. — Когда клонирование расширилось до понятия имогенерации — а у моей Верочки диплом клонатора-практика, — работа ее оказалась под угрозой, но папа подсуетился, он все же замдиректора комбината амфибий, и послали нашу девочку на семинар молодых специалистов с мастер-классами. Три месяца училась с небольшими перерывами. Фактически второе профильное получила. А там Степа квалификацию повышал. Ну вот и сладилось у них. Ой, как я рада, вы себе представить не можете!

— Дура! — это, конечно, снова пробудился Дмитрий Эдуардович. — Ее дочь с зятем работают на Апокалипсис, приближают конец света. А она

рада! И все, что ее щекочет, — это что детям квартиру дадут без воды! А за какие красивые глаза им жилье выделяют, соплякам? Об этом мамаша думать не хочет. А почему сложился этот общественный фонд — квартир пятой категории? А есть еще шестой, седьмой... десятой, факс ю! Почему такое количество пустующих домов? Тебя не волнует, нет? Идиотка! Мозги у тебя — как у курицы! Как у клонированной курицы! У клурицы, которую ты так любишь жарить!

— Ну вот что! — вознеслась над диваном Влада Эдуардовна. — Предупреждаю всех! Либо этот придурок заткнется... либо он сейчас выйдет отсюда и больше никогда не войдет в мой дом! Все! — она удалилась, слишком нервно, чтобы это выглядело достойно.

— Каблук не подверни! — не смутившись, кинул ей в спину брат. — Туфли из твоей драгоценной клоенки — сплошное дерьмо, разваливаются на ходу!

— Ну, тихо, Митя, тихо! — ринулся к шурина Седов. — Давай-ка мы с тобой лучше еще выпьем. И не порть нам день дочкиной свадьбы, честью тебя прошу.

Седов забулькал в бокал шурина ректификат из клофона. Трясущийся, пьяный Дмитрий Эдуардович отвел в сторону его руку.

— Эх, Мишка, глупый ты человек... Хотя — человек еще! Хоть за это хвалю! Да не хочу я твоей синтетики, сам ее лакай!

— Ты же сегодня уже пол-литра выхлестал! — обиделся Михаил Павлович. — Какая тебя муха укусила?

— Вот! — Дмитрий Эдуардович задрал корявый палец к самому толстому носу Седова. — Ты сказал фразу... Ты сказал: «Какая тебя муха укусила?» А ты видел муху, которая кусается? Ты помнишь вообще, что это такое — муха? Живая? Природная? А не на твоём апокалиптическом концерне сработанная для кормежки клонолягушек? Я помню! Смутно. Из детства. Когда мы с Владкой по двору родительского коттеджа гуляли. Они сидели на миске Руперта — это у нас был ротвейлер... Живой, настоящий. А не клотвейлер. Он дом сторожил! Наш Руперт! Его весь поселок боялся! Это было... пятьдесят пять лет прошло... еще эти двое у власти стояли, нас с Владкой в их честь назвали. Мир еще жил! А теперь — в тартарары летит! Все, блин! Отплясали стрекозы! Отползали мураши!

Обессиленный вспышкой, Дмитрий Эдуардович вяло сполз по спинке кресла, обмяк в его уютном технокожаном нутре и захныкал, словно превратившись в мальчика, гулявшего по двору коттеджа.

— Да что вы, Дмитрий Эдуардович, честное слово, кликушествуете! — мягко зажурчал Тарасов. — Какой конец света, опомнитесь? Молодые

любят друг друга, свадьбу вот играют. Детками обзаведутся со временем. А вы — конец, конец, заладили!

— Детками?! — Дмитрий Эдуардович сардонически загоготал. — Сто лет назад говорили: детки из клетки. Ха-xxx! Ой, не могу! А теперь детки из чего? Из салфетки? Из пипетки? Обзаведутся! Вот точное слово! Не зачнут! Не родят! А об-за-ве-дут-ся! Как этой... колбасой из таблицы Менделеева. Или этими... жабами, которых Мишка проектировал полжизни, пока его начальником не сделали. Теперь учит молодежь, как лягушек проектировать и технологии писать. В мире банальной лягушки родиться не может! Дождевого червя! А вы — не конец, не конец! А что же это?!

Мужчины, кляня в душе надоедливое брата хозяйки с его, черт бы драл, нестандартным умом, обступили кресло, в котором витийствовал Дмитрий Эдуардович, и стали наперебой объяснять ему то, что каждому казалось незыблемым, понятным и естественным, точно клоунада в хоклодильнике и клоробьи на уличных квазидеревьях — клонах, клипах, клерезах.

— Да ты что, Митя! Дмитрий Эдуардович, опомнитесь! Какой конец света? Мы с вами не согласны! Мы думаем по-разному. Попробуйте нас услышать и понять. Митя, никакой эсхатологии. Наша человеческая жизнь не под угрозой. Просто-напросто фауну, включая человека, делают на производстве. На Земле по-прежнему существует все, от китов до дрожжевых бактерий...

— Каких китов? — отбивался Дмитрий Эдуардович. — Которые клошало́ты называются? В задницу таких фальшивых китов!

— Да какая разница, как они называются? Ну да, их делают на китоверфях, по одному, как корабли. И что? Нет, ты вспомни — когда мы все были маленькими, фабрики дрожжей, и прочих пищевых добавок, и всякой синтетической еды реально существовали! И на них работали люди! И никто не видел в этом признаков конца света! Существовали тогда уже в США фабрики стерильных личинок мух, которых поставляют в больницы для лечения плохо заживающих гнойных болячек. А теперь человечество просто шагнуло вперед. Вернулось к старой — средневековой — идее, что живое может родиться из неживого. И развило ее. И доказало научно и практически. Только и всего....

— Дураки вы-и... — хрипел все тише и надрывнее Дмитрий Эдуардович, пряча лицо от своих разумных, румяных и спокойных оппонентов. — Дур-раки! Я вам не про науку и практику. Я про то, почему! Слышите, *почему* нам пришлось штамповать живое из неживого? А?

— Ну так! — хором сказали пятеро мужчин и запнулись, с разинутыми ртами поглядели друг на друга.

— Во-от! — прошептал с торжеством нарушитель спокойствия. — Дошло, а? Поняли?

Никто не понял. И Дмитрий Эдуардович не отказал себе в удовольствии разъяснить.

— Жизнь каждого вида есть непрерывная цепочка рождений, существований и смертей. Я помню, как мне это в школе преподавала биологичка, мир праху ее, вдумчивая женщина. Статистику давала. Всем было по барабану, я один записал и запомнил. Про цепочки жизни. По разным оценкам, до 98 процентов этих цепочек за время эволюции прервалось. Виды живого — вымерли. Пшик — и нету! Та жизнь, что существует сейчас — то есть в начале нашего века, — представляет... представляла... из себя два процента цепочек, которые по-всякому изменялись. Дарвина читали? Нет? Правильно! Куда вам! Это ж не про рынок, не про экономику. А я читал. У него — про исчезновение видов тоже есть. А если цепочки жизни все прервались? То как мы это назовем? Не конец света? Правильно, можно грубее. Помните, слово в ходу было, в нашей молодости?

Но Дмитрию Эдуардовичу не дали произнести эпатажного слова. Тарасов, успокаивающе глядя его по плечу, забормотал, что, мол, на птицефабриках выводят кур из яиц, а яйца получают из кур, и неизвестно с античных времен, кто из них первичен, потому что «куриная» цепочка в мире непрерывна, даже если ее формальный облик меняется. Ну, может, некоторые «цепочки жизни», как вы их называете, прервались в XXI веке. Ну, куры перестали нести яйца, лягушки — откладывать икру... Да, если ничего с этими процессами не делать, жизнь вымрет, так как все живое прекратит размножаться. Вот тут да, папахивает концом света. Но! Ведь мы же не в каменном веке! Даже не в средневековье! Человеческий разум побеждает все! И люди научились делать живое из неживого. Даже еще лучше, чем это когда-то делала природа!

— Ага! — буркнул спорщик, угасая. — Потому что люди вынуждены искусственно поддерживать существование фауны. Жрать-то хочется! Несмотря на всю хваленую мощь нашего разума! То-то дома пустые стоят! Люди-то отчего вымирают? От голода? От экологии хреновой?

— Не только, не только потому, что жрать, как вы это выразились, хочется! — чувствуя себя на гребне полемики, шутливо погрозил пальцем оппоненту благодушный Тарасов. — Дома пустые — это вообще из другой оперы. Мы с вами о биологии. Но и потому, что люди осознают свой долг перед природой, перед планетой... что надо поддерживать существующий баланс... баланс... комплект... комплекс... — Тарасова заклонило, он не смог придумать, баланс и комплекс чего имел в виду, но Дмитрий Эдуардович словно не услышал его заминки, и тот продолжил, стремясь с зыб-

кой почвы теории перейти на твердую основу практики. — В общем, человечеству под силу, если куры, допустим, не несут яиц, победить эту деструкцию! Вот люди и делают яйца из набора неживых составляющих: воды, белков, жиров, аминокислот, минеральных добавок, вроде кальция для костей. Эти яйца помещают в инкубатор и получают цыплят. Цыплята вырастают в кур и умирают, но человек опять делает яйца.

— Ага! — еще угрюмее отозвался Дмитрий Эдуардович. — Человек сварганил протез непрерывности жизни... и гордится им, как игрушкой... и не понимает, что этим — не играют... Да что с вами говорить! Думаете, вы бесстрашные?! Нет. Вы — тупые!

Но спору не суждено было закончиться победой одного из оппонентов. Ему не суждено было закончиться вообще. В прихожей внезапно вспыхнул, точно бенгальский огонь, многоголосый шум, в который тоненькой иголкой ввинтился жалобный краткий всхлип расколотой тарелки. Затем все звуки перекрыл трубный глас хозяйки дома:

— Дети мои, как я счастлива! Поздравляю вас, дорогие! Степушка! Верочка! Дайте я вас расцелую! — поцелуй сопровождался утробными водопроводными звуками. — Ну, дети, прошу к столу! Мы вас заждались! Гости дорогие! Все за стол! Миша! Веди мужчин!

Что пьяный Дмитрий Эдуардович сначала задремал (или притворился?) в своем глубоком кресле, а потом незаметно исчез, видимо, пройдя через черный ход на лестницу безопасности, всеми, кто это заметил, было воспринято с благодарностью судьбе.

Поздно вечером Вера и Степан сидели у разоренного свадебного стола, невнимательно слушая, как мать с тетей Аней на кухне перебивают посуду, а Влада Эдуардовна при этом пилит Марию, которая не желает помогать родителям. Молодые прощались перед первой брачной ночью (им предстояло провести ее в разных комнатах, и под спальное ложе Степана Михаил Павлович самоотверженно выделил собственный диван в кабинете, а сам решил лечь в курительной).

— Великолепная моя! — ласково говорил Степан, глядя Веру по волосам, украшенным неотличимыми от настоящих клонелиями. — Ты была сегодня прекрасна! Я так счастлив, что ты стала моей женой! Знаешь... я поймал себя на мысли, что если бы мы жили лет тридцать назад, наверное, у нас сейчас был бы бурный секс — так ты меня... поразила... нет, подожди, как тогда это называлось? А, возбудила!

— Что ты, Степашка, ты не шути так! — притворно строго отвечала Вера, отодвигаясь и шлепая мужа по руке. — Помнишь анекдот? Шутки шутками, но ведь могут быть дети! Так всегда мой дедушка говорил, мамин папа.

— Ну что ты, малыш, от прикосновений дети не рождаются! Я тебя понимаю, нам пока не нужен ребенок, правда ведь? Мне надо делать карьеру, тебе тоже не помешает дальнейшая учеба и рост по службе. И потом, живое чадо — это такая ответственность, такой геморрой...

— Конечно! — жарко подхватила Вера. — Недаром мама так страдает, что Машку родила. А Машка — ну такая странная. С ней так тяжело, ты не поверишь.

— Ничего, справимся! — оптимистически заявил Степан. — И с ней, и со своим... будущим... Через годик, пожалуй, можно будет заказать малыша. Как ты на это смотришь?

Вера потупилась, играя в дурочку:

— Степа... Это так стыдно... Порой мне хочется, чтобы наш ребеночек был не стандартный, заводской, все-таки на нас с тобой похож... Но не рожать... А как это сделать, ума не приложу.

— Очень просто! Надо всего лишь заказать ребенка индивидуальной сборки, с заданными параметрами! У меня есть связи в лучшем имонатальном центре, можно будет рассчитывать на скидку, — обнадежил Степан. Вера счастливо вспыхнула:

— Правда?! Мы это сделаем, Степа?

— Конечно, дорогая! Но, — в сладком голосе Степана прозвучали железные нотки, — тогда не через год, а через пять лет. Индивидуальный ребенок — предмет роскоши. Мы на него будем долго копить.

— Ничего страшного, Степа! — поддержала Вера. — Мы же вместе, у нас все получится!

— Тем временем и имонатальные технологии шагнут далеко вперед, нам сделают такого уникального ребенка, что все вокруг обзавидуются! Кстати, теща молодчина, знает толк в ведении хозяйства и в экономии. Сэкономленные на свадьбе деньги, вместе с теми, что нам подарили, можно положить на счет, в фонд ребенка, — мечтательно сказал молодой. Новобрачные потянулись губами друг к другу и жеманно поцеловались. Засмеялись, обменявшись влюбленными взглядами.

— А с кем ты будешь сегодня спать? — лукаво спросила Вера. — Я знаю, у тебя с собой портативный эроаппаратик!

— С Анджелиной Джоли, — признался Степан. Вера наморщила лобик, вспоминая. — Была такая ретроактриса. Я ее уважаю за то, что она одна из первых стала применять имплантаты для усиления своего аттрактива — в губы гель, в груди... Смелая женщина! И такая соблазнительная! Как-нибудь покажу ее тебе. А ты с кем?

— Степа... — Вера покраснела. — Если честно... я очень хочу... но если ты против, то не буду...

— Да ты скажи толком, с кем? — наиграл строгости в голосе молодой муж.

— Ну... в общем... у нас сегодня особенный день... и я его хочу завершить особенным эросом... Можно, я проведу эту ночь с президентом нашей Державы?

— Только-то? — облегченно рассмеялся Степан. — Своеобразный у тебя вкус, малыш, он ведь почти старик. Но раз ты так хочешь, твое желание — закон! Но только сегодня, договорились?

— Конечно! Спокойной ночи, дорогой! — нежно проворковала Вера, мимолетно погладила мужа по шевелюре и, осторожно поднявшись со стула, пошла в свою комнату.

Станислав Иванов

Боги антропоидов

Моя мать была обыкновенной собирательницей плодов и корней. По ее рассказам, я появился на свет в результате акта насилия со стороны воинов из соседней долины во время их очередного набега. Мое происхождение не рассматривалось как нечто из ряда вон выходящее, потому как половина детей в нашем поселении появлялась именно таким образом. К тому же подобные отношения между популяциями способствовали свободной миграции генов, предотвращая инбридинг.

Я и сам был очень удивлен, впервые услышав об этом. Я знал множество слов и сочетаний звуков, значения которых не понимал. Их сообщали мне голоса, вторгавшиеся в мои сны, а иногда застигавшие меня за поглощением пищи или купанием в ручье. Кое-что я запоминал и заучивал наизусть. Голоса говорили так: «В Идеальном Мире Идея водородной бомбы и Идея примитивного каменного орудия Олдувайской культуры существовали и существуют изначально и одновременно». Или: «Использование принципа неопределенности еще не означает краха причинности».

Мне исполнилось 11 лет по солнечному календарю, и я уже давно должен был овладевать первичными навыками охоты или земледелия. Вместо этого я ничего не делал и часами бесцельно бродил по лесу, размышляя о природе вещей. Я все реже заходил в деревню и старался никому не попадаться на глаза, потому что на меня стали показывать пальцем. Я боялся рассказывать о моих кошмарах даже матери. Она могла отвести меня к старейшинам, а я не хотел выглядеть глупо, пытаюсь неумело воспроизводить бессмысленные сообщения. Ко всему прочему некоторые старейшины вообще не умели говорить.

Как-то раз голоса поведали мне, что, возможно, у меня дурная наследственность и я болен шизофренией. Но посоветовали не расстраиваться, ибо шизофрения присуща человечеству как виду в целом и это всего лишь побочный эффект развития речевых центров в неокортексе. Это послание загнало меня еще дальше вглубь чащи, и там я набрел на какую-то стоянку.

Еще в далеком детстве я слышал историю о Ене Мухолове, который жил в нашей деревне, а затем стал отшельником и поселился неподалеку.

Вот что произошло с ним несколько лет назад.

Говорили, будто однажды антропoid Ен по прозвищу Мухолов пошел на водопой и встретил у реки странного человека в лохмотьях. Тот загадал Ену три загадки, пообещав, что, ежели он их отгадает, ему откроются тайны мироздания. Ен правильно ответил на одну, а две не осилил. Тогда человек в лохмотьях сказал Ену, чтобы он не переживал, дал сверток с картинками и закорючками и ушел. Ен показал сверток старейшинам, те нашли его бесполезным и посоветовали выбросить. Но Ен не послушался старейшин, закрылся в своей хижине и дни и ночи безмолвно сидел, склонившись над свертком. Он перестал ходить на охоту и спать со своей женщиной, а в конце концов бросил все и ушел из деревни. С тех пор наши женщины обвиняли его в сговоре с дикими зверями и в порче погоды.

Поэтому, увидев на стоянке в лесу бородатого мужчину с топором, я уточнил: «Ен Мухолов, как я полагаю?» — а он подтвердил: «Совершенно верно. Чем обязан?» И я поведал ему о своих хаотичных передвижениях по лесу, об аудиальных галлюцинациях, мучивших меня, и о стремлении вернуться домой и жить нормальной жизнью. «Видно, ты ниспослан мне свыше», — произнес бородатый мужчина и велел приходить завтра.

Следующим утром я появился на стоянке уже с восходом солнца.

— Пора попытаться хоть как-то систематизировать наши представления о мире и начать бороться с древними пластами суеверий, — сразу заявил Ен и показал следовать за ним.

Как видно, он тоже знал много непонятных слов. Скорее всего, он узнавал их из свертка, а возможно, у него была эта самая «шизофрения». Пока мы шли, Ен самозабвенно рассуждал о каких-то культах и обрядах и предъявил мне в итоге вырубленное из дерева «хтоническое» чудовище. Я испугался и спросил, что это за ужас? Заметив мое замешательство и страх, Ен спокойно пояснил: «Это бог, которому мы будем поклоняться».

С моей стороны последовал вопрос о целесообразности данного поклонения, и Ен уже с недовольством воскликнул:

— Ты еще хочешь вернуться домой?

— Конечно.

— Тогда послушай. Ты должен пойти в деревню и объявить, что завтра они обретут бога, который защитит их и пошлет на них благодать. И завтра мы убедим их в этом. И тогда мы будем на многое влиять, даже на вождя. Жителям нашего поселения откроется радость религиозного чувства, и они увидят, какими отсталыми особями были до этого.

Я, конечно же, ничего не понял, но вдруг в моей голове возникли голоса, и я их немедленно озвучил:

— Религия — опиум для народа!

Осознание полной неуместности этого замечания в сложившихся обстоятельствах пришло ко мне несколько позднее; тем временем Ен невозмутимо продолжил:

— А так как бог не в состоянии разъяснить простым человеческим языком вождю и остальному стаду, чего он хочет, ты обязан выступить проводником его воли. Тем более ты слышишь голоса.

Я посмотрел на чудовищное изваяние и осторожно высказал предположение, что, наверное, не смогу быть проводником его воли. Ен немного поник, и мне пришлось обнадежить его фактом существования моего двоюродного брата, который отлично подходил для этой роли. И я отправился его искать.

Мой брат был явно не из этого мира, и звали его все не иначе как Аари Голова. Была она у него очень большая, да внутри, видать, плескалась вода. Непонятно даже, как он вообще вылез с такой головой на свет. И вот я искал его и рассуждал сам с собой о божестве. По всему выходило, что бог был благо, меня только стесняли сомнения по поводу его ужасного вида. Я присел на корточки и стал слушать голоса, и они сказали мне, что бог являет себя в самой доступной форме, после чего я немного успокоился и пошел дальше искать моего брата.

Я вышел на одну поляну и застал Аари за его любимым занятием — сочинением песен для растений семейства злаковых. Он лежал на земле и что-то мычал себе под нос. Я сказал, чтобы он шел за мной, ибо на него возложена ответственная миссия. Впрочем, вряд ли бы он понял меня, скажи я ему что-нибудь другое. Аари продолжал лежать и мычать. Тогда я пообещал ему новую голову и жизнь вечную, и он встал и пошел со мной.

Когда мы вышли к стоянке в лесу, то обнаружили, что Ен чем-то напуган. Он отвел меня в сторону и спросил:

— Что это?

— Это мой двоюродный брат Аари Голова.

— А почему?

— Не знаю. Насколько я понял, он прекрасно вписывается в наши замыслы. Он совсем не опасен, если его не трогать.

— Хорошо, — вымолвил побледневший Ен Мухолов.

Вечером Ен подозвал меня и долго говорил непонятные слова, а я молча слушал и ковырял в зубах веткой. Закончив выступление, Ен достал сверток с картинками и закорючками и сказал, что все свои знания извлек именно из него. Чтобы добыть их, он потратил несколько лет

жизни в лесу, но так до конца и не разобрался во всем. «Возможно, это удастся тебе», — сказал Ен, похлопав меня по плечу. И я также выразил надежду когда-нибудь постигнуть мудрость, заключенную в этом свертке.

А потом он попросил подробнее рассказать, о чем разговариваю со мной голоса. И я попытался вспомнить все эти трудновывоживаемые сочетания звуков и обрывки фраз о «гравитации», «атомах», «нейросинаптических связях» и прочих кошмарах. А когда я устал и хотел пойти спать, он только и попросил:

— Расскажи мне еще об электромагнитных волнах.

Ен был одним из тех странных существ, которых слишком интересовали бессмысленные вещи.

Утром мы наспех поели и обернули бога звериными шкурами. Аари без лишних слов взвалил его на плечи, и мы выступили вперед, неся с собой покой и просветление.

Первое наше появление в родном поселении запомнилось мне плевками женщин в нашу сторону и эпизодом, в котором возвращавшиеся с охоты мужчины чуть не забили нас насмерть дубинами. Возглас Ена: «Мы пришли с миром!» еще больше разъярил воинов, и если бы кто-то из них случайно не сорвал шкуры с нашего божества, то никто уже не растолковал бы им его предназначения. А так — воины были слегка обескуражены и под стражей препроводили нас к вождю.

Вождь занимался тем, что громко орал на целую свору плачущих старух, детей и лающих собак. Когда мы были представлены ему в составе меня, Ена, Аари и деревянного пугала, он озадаченно рассмотрел нас, приказал всем замолчать и, очевидно, приготовился слушать.

Ен откашлялся и, не зная, как начать, выложил все начистоту. Вождь почесал живот и высказал желание все проверить лично. У нас оставалось время до захода солнца, иначе нас ожидало нечто экстравагантное, вроде сражения с дикими животными в специально вырытой для этого мероприятия яме. И если у Аари были хоть какие-то шансы, то мы с Еном решили уповать на волю божью.

Вечером Ен поставил свое чудище посреди деревни, перед этим внушив вождю и его приближенным, что ежели как следует попросить у него что-нибудь, то оно непременно услышит и воздаст. Посмотреть на такое чудо собрались все без исключения жители. Хотя все равно мало кто понимал речь моего брата, Ен дал ему для верности отвар лишайников, отчего тот сделался совсем невменяемым. А потом вождь неожиданно поинтересовался, как насчет предстоящей охоты? Тогда Ен встал перед идолом на колени и начал смотреть тому в клыкастую пасть; тем време-

нем Аари катался по земле и истошно визжал. Ен истолковал это как хорошее предзнаменование и пообещал на завтра обильную добычу.

На следующий день после удачной охоты вождь смотрел на идола с уважением, а женщины сразу падали перед ним ниц.

Вскоре и нас стали почитать так же, ведь мы всегда щедро обещали обильные урожаи, множество дичи и хорошую погоду. А если у нас и случались проколы, то мы списывали все на недостаточную почтительность поселян по отношению к богам.

Помню, как Ен изготовил еще одну деревянную скульптуру и у меня сразу же вырвался вопрос: «Разве бог не один?» Ен строго посмотрел на меня, и я понял глубокую ошибочность своей гипотезы. Он поставил мне в вину незнание основ метафизики, а затем добавил, что монотеизм возможен лишь в больном воображении одного племени семитов-скотоводов. И я пристыженно согласился, что, наверное, так оно и есть, а иначе как бы в одиночку бог за всем уследил.

Ен сделал еще несколько статуй и объяснил нам, кто есть кто и как следует кому поклоняться. Меня особенно поразила статуя большегрудой женщины с огромными бедрами, и я сказал Ену, что таких не бывает. Но он ответил: «На небе таких полно», — и я тотчас спросил, как туда попасть. Ен сказал: «Тебе рано об этом думать», — однако мне показалось, что он и сам толком не разобрался в этих вопросах.

Жить мы стали рядом с хижиной вождя, и всего у нас было в достатке. Каждый день мы объедались мясом и напивались отваром лишайников, а звериными шкурами был устлан весь пол. А все потому, что за свое снисходительное отношение боги требовали некоторой предоплаты и каждый член общины, в меру своих возможностей, стремился завоевать их расположение. Дары становились все щедрее, и мы не могли уже их съесть. Скоро мы стали совсем толстыми и пьяными — и еще более уважаемыми, чем раньше.

Как-то раз я спросил Ена, почему его прозвали Мухоловом. Он сказал, что в детстве ничего не умел, кроме как ловить мух. А сейчас? А сейчас он разговаривал с богами.

Однажды во время общения с богами Аари Голова вдруг совершенно отчетливо произнес, что божества требуют, чтобы с ним и Еном Мухоловом совокупились все женщины деревни. Ен признался мне, что целый лунный месяц специально учил моего брата этой фразе, чтобы тот произнес ее в нужное время. Однако Аари, по-видимому, никак не мог выкинуть ее из головы и постоянно повторял, изо дня в день. Ен продержался недолго и через пять дней выдохся. А Аари каждую ночь устраивал обряды с совсем еще юными девочками и тридцатилетними старухами.

Некоторые мужчины роптали, но из опасения вызвать гнев богов вынуждены были смириться. Ен объяснял поведение Аари тем, что он очень религиозен и нашел в отпавлении культа свое истинное призвание.

По вечерам мы часто пили отвар лишайников и беседовали о трансцендентном и иррациональном. Во время одной из таких бесед Ен обратился ко мне:

— Что-то не пойму я, юноша, на каких, собственно говоря, позициях стоит ваше мировоззрение. А? Изложите-ка мне основные тезисы, будьте любезны.

Видя мое стеснение, он налил еще отвара и воскликнул:

— Мы вот, например, с Аари — стихийные политеисты! Правда, Аари? — спросил Ен моего брата и уставился на него в упор. Аари только мотал своей огромной головой и бестолково ухмылялся.

— Вот! — изрек Ен. — Ну а ты... ты что такое?! — вопрошал он, тыча в меня пальцем.

— Ну а я, — говорю, — не знаю, о чем это вы, но думаю, что развитие Вселенной подчинено антропному принципу.

— Чего?! Что это за чушь? Кто тебя этому научил?

— Никто. А ты вот говоришь, что вы стихийные политеисты, а по мне — вы обычные бабники и пьяницы. И почему вы не берете меня с собой, когда совершаете церемонии с голыми женщинами?

— Мы думали, ты не интересуешься ритуалами.

— Интересуюсь! Мне уже 11 лет по солнечному календарю.

— Ну хорошо, хорошо. В следующий раз возьмем и тебя. Правда, Аари?

— У-у, — с воодушевлением мотал головой Аари.

— Видишь, Аари не против. Скажем, что ты будешь символизировать силы обновления в природе, так, мол, распорядилась богиня плодородия.

Внезапно Аари начал мотать головой в другую сторону. Ен удивленно поднял брови:

— Аари, я, конечно, склонен прислушиваться к твоему мнению, но разве это имеет принципиальное значение?

Аари продолжал мотать в том же направлении.

— Аари, хочешь выпить?

Аари сигнализировал: «Нет».

— Слушай, по-моему, твой брат сегодня немного не в себе.

Тогда я налил брату отвара и подал ему чашку. Он с удовольствием выпил и стал бестолково ухмыляться.

— Все нормально, Ен. Просто Аари временно поменял плоскость вращения головы. С ним такое бывает, примерно раз в два года. Это как-то связано с процессами, происходящими на солнце.

- Слава богу!
- Какому именно, Ен?

Не знаю точно, но после длительных раздумий что-то вынудило Ена выстроить иерархию богов и вычленив из них самого главного. Он долго выбирал между богом, который заведовал изготовлением отвара лишайников, и вырубленным из дерева хтоническим чудовищем. Однако первого не все одинаково уважали, а второе вызывало у большинства слишком сильный ужас. Поэтому Верховным Божеством стал Повелитель Дождей, обитавший в Большом Облаке, а его женой была назначена богиня плодородия, изображенная Еном в виде прекрасной женщины с гигантскими бедрами и грудями. Рангом ниже, согласно этой классификации, расположились зооморфные стихии природы и бог, изготавливавший отвар лишайников, со своей свитой. Клыкастое чудовище стало олицетворять собой первозданные силы жизнеутверждения и существовало в антагонистической борьбе с Духом Угасания, воплощенным в худом бледном юноше с тонкими чертами лица.

Ен Мухолов вплотную приблизился к проблеме сотворения мира, но из-за холмов пришел Клк Рыжий и, как обычно, вырезал мужчин, изнасиловал женщин и сжег все постройки, а вместе с ними сгорели и статуи. Те, что чудом избежали огня захватчиков, были сожжены уцелевшими жителями, потому что оказались бессильными против Клка Рыжего и его божеств. Они были гораздо сильнее, эти новые боги, и вызывали восхищение и трепет у тех, кто остался в живых. Боги требовали человеческих жертвоприношений, а в их честь воины Клка играли головой моего брата — «стихийного политеиста» — в свою непонятную игру. Говорили, будто сам Клк вообще поклоняется какому-то дереву и орошает его кровью детей. Перед своей малоэстетичной смертью Ен Мухолов успел заверить собравшуюся публику, что наши боги вернутся и покарают нас за то, что мы предали и забыли их.

Раньше слова «метафизика», «монотеизм» и «антропный принцип» были для меня пустыми звуками, которым я не придавал значения. По-настоящему я верил только в бога отвара лишайников, из-за того что самые красивые девушки на его празднике теряли свою недоступность. Теперь я хотел, чтобы он возвратился. Я должен был выяснить, почему он так легко дал себя победить и обратился в прах. Неужели страшные божества Клка Рыжего — самые могущественные из всех? Или, быть может, правы те самые семиты-скотоводы, о которых упоминал Ен?

Я снова ушел из деревни и долгое время скитался по лесам. И вот однажды утром, измученный голодом и подсознательными страхами, я про-

снулся от покалываний в боку. Передо мной стоял обросший волосами старик в лохмотьях, который тыкал в меня своим посохом. Он сказал мне, что я могу спросить его о чем хочу. И я спросил:

— Неужели основным мотивом поведения людей является стремление физическое и интеллектуально унижать мужчин и насиловать их женщин?

— Это ты сказал, не я, — ответил он.

— А что скажешь ты?

— Мне добавить нечего. Кстати, ты не употреблял в пищу вот это? — и он показал мне грибы, которыми я иногда питался, блуждая в чащобах. — Конечно, я понимаю, тебе не хватает белков животного происхождения, но больше не ешь их, мальчик, если не хочешь заболеть и совсем потерять ум. Я вижу, ты просто заблудился в лесу. Думаю, тебе следует отправиться к большому скоплению воды далеко на юге. Там замечательный климат и очень красиво. Может, станешь хорошим рыбаком и перестанешь слышать голоса. Заведешь детей, будешь жить как все. Разве ты не об этом мечтал?

— Откуда ты знаешь? — выдохнул я.

— Все об этом мечтают. Вчера я встретился с богом...

— Ты видел бога?!

— С тех пор, как в меня ударила шаровая молния, я вижу его каждый день.

— А на что он похож?

— На меня, — усмехнулся старик в лохмотьях. — Учитывая то, в каких условиях ты воспитывался, я не стану поучать тебя, что перебивать старших невежливо. Так вот, знаешь, что он сказал мне?

— Прошу прощения. Что?

— Он сказал, что его нету.

И старик удалился вместе со своим беззубым смехом, оставив меня одного сидеть под деревом в ожидании какой-нибудь новой мысли, но даже голоса не решились прояснить смысл услышанного и стыдливо промолчали.

Дарья Бобылёва

Неудачник Р и бессмертие

Из цикла «Люди из коробочки»

Неудачник Р был человеком выдающимся, хотя информацией об этом располагали только ангелы и шизофреник Василий, которого никто не считал надежным источником. Следует отметить, что неудачником его называли не мы, а родные и близкие, однако именно эта характеристика оказалась самой долговечной из всех собранных им на протяжении жизни. Помимо характеристик, неудачник Р менял также имена, поэтому точное обозначение, под которым он хотел бы закрепиться в воспоминаниях, осталось неизвестным. Ничего определенного нельзя сказать и о его внешности: неудачник Р был сначала маленьким, потом молодым, потом постепенно покрылся морщинами, но в целом изменения никак не повлияли на абсолютную обыкновенность его облика. Впрочем, на правой щиколотке у него было коричневое пятно, очертаниями напоминавшее южноафриканское государство Ботсвана.

В детстве неудачник Р любил лыжный скрип качелей и калейдоскопы. Позже, придавая ранним годам осмысленность с помощью обработанных созревшим умом воспоминаний, он убедил себя в логичности этих предпочтений. Однако достоверно известно, что на самом деле юный неудачник Р не отождествлял себя с неутомимо изменяющими узор цветными кусочками пластмассы, а лишь ошибочно принимал их за осколки стекла. Также он не стремился улететь с качелей навстречу неизведанному, поскольку не любил обработку йодом.

Но основная тональность акварельных воспоминаний неудачника Р о затерявшемся в вечном лете детстве была верной. Он очень рано открыл для себя скоропортящуюся прелесть новых предметов, увлечений и жизненных обстоятельств. Утрата новизны мгновенно обрекала любое явление и на утрату привлекательности в глазах юного неудачника Р. Даже купленная любящими родителями синяя коляска спустя три дня пополнила ряды привычных вещей, о чем младенец Р многократно сигнализировал попытками выбраться из опостылевшего вместилища.

Получив возможность говорить и самостоятельно передвигаться, юный неудачник Р развил кипучую деятельность по освоению новых пространств. Он исследовал дворы, магазины, книги с крупным шрифтом и людей, которые еще не привыкли видеть в снисходительном внимании к чужому ребенку подозрительную двусмысленность. Однако довольно быстро юный неудачник Р убедился в огорчительной одинаковости выбранных предметов. Определенное разнообразие он находил только в книгах, которые быстро подсказали неудачнику Р, в какой области следует вести дальнейшие поиски. Авторами книг двигало благоразумное желание придать юным умам импульс для стабильного дальнейшего развития, и они никак не предполагали, что ангелы используют их умеренные мысли для направления неудачника Р на совсем иной путь. Те из них, кто пребывал на небесах, впоследствии неоднократно выражали свое негодование.

Благодаря книгам неудачник Р узнал, что для полноценной жизни необходимо выбрать себе призвание, которое в перспективе принесет пользу обществу. Не обнаружив среди них того единственного, чья новизна не стиралась бы со временем, неудачник Р с жадностью предался выбору как таковому. Ввиду небольшого количества прожитых лет он мог беспрепятственно стоять у начала любого жизненного пути без необходимости ступить на него. В то время как основная масса его сверстников хотела стать космонавтами, лишь изредка меняя свои симпатии в пользу водолазов и водителей большой красной машины, будущий неудачник Р с иллюзионистской ловкостью тасовал колоду возможных профессий. Иллюзионистом он собирался стать на протяжении пяти дней, впечатляя окружающих исчезающими монетами и бесконечными носовыми платками. Затем страсть к фальшивому волшебству навсегда скрылась в прошлом, заслоненная строительными лесами, ярко-желтой каской и романтикой кирпичных высот. Позже успешный опыт выращивания пятисантиметрового побега из апельсиновой косточки направил юного неудачника Р на стезю ботаники, а восторг от поймки первого черноспинного окуня заставил задуматься о должности капитана рыболовецкого траулера.

Разносторонний неудачник Р не ограничивался мечтами о выбранном призвании, он обзаводился соответствующей литературой и всесторонне готовился к предпочтительному на данный момент варианту будущего. Он не делал различия между традиционно прославляемым трудом инженеров, летчиков, крутолобых властителей дум и скромной деятельностью работников колбасного цеха или слесарей. Практически в каждой облюбованной на короткое время сфере неудачник Р демонстрировал определенные таланты, что успокаивало дальновидную родню, списывавшую метания потомка на несознательный возраст.

Однако по мере взросления неудачника Р становилось понятно, что останавливаться он не собирается. Более того — развив мыслительные способности, он понял, что, помимо призваний, калейдоскоп которых приятно разнообразил его юные годы, существуют также различные образы жизни, манеры поведения и мелкие безобидные увлечения. Первый опыт перевоплощения, из малозаметного троечника в олимпиадного отличника, вселил уверенность не только в самого неудачника Р, но и в его семейство. Однако последующее превращение отличника в курящего неформала с неумело поставленным волосяным гребнем на голове навело родителей и педсовет на мысль о том, что свое обучение разносторонний неудачник Р продолжит в профтехучилище. Мужская часть семейства отрывисто сожалела о том, что ряд слабостей организма не позволяет отправить его на военную службу.

Ни одно из предположений не оправдалось: чувствуя, что отведенное для выбора жизненной дороги время заканчивается, но в то же время не ощущая готовности смириться со стабильностью, неудачник Р стал дворником. Он резонно полагал, что это скромное призвание может рассматриваться как начальный этап для какого угодно дальнейшего направления.

В профессии дворника его привлекали простота и изящество, с которым метла оставляла тонкие линии на снегу. Когда снег закончился, дворник Р перешел на серую городскую пыль, все с большим увлечением вычерчивая на ней абстрактные композиции. Ему нравилось рано вставать и наблюдать город в еще девственном состоянии. Черенки инструментов прекрасно ложились в грубеющие ладони, а постоянные физические нагрузки способствовали крепкому сну. В процессе работы дворник Р мог беспрестанно думать и несколько раз приходил к важным философским открытиям. Единственным минусом полной труда и созерцания жизни был недостаток общения: большинство коллег дворника Р плохо говорили по-русски, а прохожие не выказывали желания обсудить с обладателем метлы красоту его незаметной работы. Терзаемый юношеской жадой общения и признания, неудачник Р все пристальней смотрел на асфальтовые узоры, чувствуя, как в нем, подобно сыру, вызревает интерес к чему-то новому.

Несколько раз повторив знакомые линии на бумаге и на холсте, неудачник Р принял решение стать художником. Ему даже показалось, что именно к этой сложной профессии он так долго и беспокойно готовился, отбрасывая прочие варианты. По мнению почти сразу же предоставленных ему Вселенной поклонников из числа родных и близких, он творил в стиле позитивного примитивизма с элементами абстракции. Орнаменты из навевянных метлой линий соседствовали на его разноцветных картинах с улы-

бающимися собаками, упитанными рыжими солнцами и довольными людьми. Особенно же начинающий художник Р полюбил изображать фонари, тепло и аппетитно сияющие в полуночно-синей тьме, как зрелый плод физалиса. Он жалел, что профессия фонарщика ушла в прошлое еще до его рождения. Впрочем, живопись казалась неудачнику Р не менее привлекательной, и он привел свою личность в соответствие с выбранным направлением: стал много курить, обзавелся свободно висящей на теле одеждой, привел в беспорядок нервы и полюбил вечерние разговоры о судьбах, мелководье современной культуры и величии прошлого. На свет кухонной лампочки слетались девушки в свитерах. Художник Р проводил ночи, вращаясь в новом кругу, а рано утром, слизывая с губ темные полоски, оставленные недорогим красным вином, сердито принимался за творчество. Работы художника Р стали появляться на выставках, а его тогдашнее имя попало в несколько справочников. Одна из девушек, с длинными волосами и слегка обиженным лицом, постепенно вытеснила остальных. Она незаметно выкидывала окурки и опустошенные тюбики и терпеливо дожидалась общей славы. Но неудачник Р не оправдал и ее ожиданий. Однажды ночью ему приснилось, что он, довольный, стоит с улыбающейся собакой под спелым золотым фонарем. Тошнота от недорогого красного вина усугубила картину. Неудачник Р проснулся от внезапного нежелания быть художником. Творческая карьера предстала перед ним воткнутой в горизонт прямой дорогой, которую устилали выжатые тюбики. Не дожидаясь рассвета, неудачник Р дал волю своим расшатанным нервам, выкинул мольберт в окно, вымыл пол броским полосатым шарфом и уехал в неизвестном направлении, оставив девушке с обиженным лицом ключи от квартиры и небольшую финансовую помощь.

О месте пребывания неудачника Р и его занятиях в последующий промежуток времени практически ничего не известно. Поступали противоречивые сведения о том, что его видели в Ижевске в роли плотника, в Ростове-на-Дону в роли сторожа зоопарка и где-то за границей в роли безработного эмигранта. Вселенная не обеспечила его крупным наследством, поэтому предполагать, что он мог осуществить все это одновременно, было бы абсурдно. Также он вряд ли мог обдумывать особенности своей беспокойной личности среди крапивной деревенской идиллии, поскольку в тот период был молод и не склонен к масштабным размышлениям. Но в гулкую квартиру, где почти не осталось следов пребывания обиженной девушки и поклонников культуры, неудачник Р вернулся с характерным для сельской местности неравномерным загаром и новым именем. Он сменил его спонтанно, забыв однажды документы на твердом сиденье электрички.

С удовольствием осваивая заново одичавшую жилплощадь, неудачник Р стал мужественно неопытным водителем такси. Новое призвание, обещающее пеструю отчужденность проносащегося мимо города и короткие встречи с неординарными пассажирами, на деле обернулось заторами на дорогах, вынужденными бессодержательными разговорами и коварным желанием задремать, прислонив лоб к рулю. Водитель Р поплеывал в приоткрытое окно и слушал песни о криминальных страстях. Он чувствовал себя простым, крепким и понятным, но в то же время ощущал смутное недовольство из-за того, что даже здесь ему не позволяют самому выбирать направление. У пассажиров почти всегда были свои соображения относительно маршрута.

Если по телевизору не показывали важные спортивные соревнования, доставляемые водителем Р горожане говорили о политике. Их трактовка высказываний и действий политических деятелей была настолько разнообразной и беспомощной, что водитель Р начал задумываться. Через некоторое время он понял, что пассажиры руководствуются не своими личными мыслями, а уже готовыми выводами, почерпнутыми из прессы. Пресса часто меняла показания, допускала ошибки и смущала умы аудитории с самонадеянностью избалованного ребенка.

Однажды в автомобиль неудачника Р сел легкий молодой человек с петушиным профилем, туго упакованный в черное пальто. Выбрасывая вперед аристократические пальцы, молодой человек на протяжении всего маршрута делился с водителем сведениями об истинном положении вещей в правительстве, спорте и кинематографе. Он немедленно проинформировал бы и все остальное население, но ему мешали скрытая цензура и интриги. Молодой человек был журналистом и писал, как было точно установлено впоследствии, свежо и напористо.

Через несколько дней неудачник Р, жестикулируя и поглаживая новое пальто, на подкладке которого сохранился незамеченный ценник, вторгся в редакцию одной из крупных газет. Смущенные сотрудники хотели было указать на отсутствие у него необходимых заслуг и на то, что возраст уже не позволяет неудачнику Р претендовать на должность юного стажера. Однако свежий журналист был крайне убедителен, а в аккуратной кожаной папке, которую он прижимал к правому боку, лежали десять блестящих статей, написанных накануне. Кроме того, неудачник Р хорошо знал терминологию и демонстрировал необходимую вездливость.

К работе по формированию читательских мыслей журналист Р приступил с похвальным рвением. Он скрупулезно составлял планы будущих статей, уделяя внимание мельчайшим деталям, придумывал для известных личностей каверзные вопросы и был всегда чем-то недоволен.

Журналист Р подмечал, анализировал, обличал, не брезгуя и обычной хроникой дневных событий. У него появились знакомые фотографии и операторы, воспринимавшие мир исключительно через объектив. На фуршетах он пил шампанское и снисходительно делился с коллегами информацией об истинном положении вещей. Когда политические деятели решали с помощью прессы сообщить миру свои новые высказывания, журналист Р всегда сидел в первых рядах, шурша ручкой в блокноте и скептически щурясь. Известные личности, ничем не отличавшиеся от обычных, не очень качественных людей, вызывали у него презрение и желание указать им на ошибки. Кухня неудачника Р вновь сделалась местом собраний и рассуждений о судьбах. С трудом сдерживая кипящее недовольство, неудачник Р клеймил и сетовал на редакционную политику. Его лицо постепенно желтело, а профиль приобретал петушинные черты.

Стремительная карьера журналиста Р закончилась внезапно. На очередном публичном мероприятии, осматривая сосредоточенные лица коллег, пыльные красные ковры и пакеты с раздаточными материалами, которые представители прессы удерживали от падения на пол ногами, журналист Р впал в отчаяние. Солидный политический деятель излагал в микрофон свои веские соображения, смысл которых привычно ускользал от понимания. Аудитория невольно приходила к мысли, что деятель просто хочет произнести как можно больше слов с раскатистым звуком «р», который очень ему нравился.

Томясь от невыносимой привычности происходящего, дошедший до наивысшей точки недовольства журналист Р резко поднял правую руку. Раздался хлопок, и на обширном лбу политического деятеля, прямо над присборенным переносьем, возникло аккуратное красное пятно. Вдумчивое лицо побледнело, обнаружив кривые заплатки тонального крема, и деятель упал под стол, не успев договорить очередное раскатистое слово. Это журналист Р, не выдержав, плюнул в тусклые мысли деятеля жеваным кусочком пресс-релиза посредством пустотелой гелевой ручки. Вынутый из тела ручки алый стержень он употребил на то, чтобы придать комочку кровавый вид. Имитирующий выстрел хлопок, как было установлено позже, произвел также журналист Р — он намеренно ударил по столу книгой политического деятеля «Итоги и мысли», которую ему выдали бесплатно как участнику конференции. И только обморок, в который упал осознавший конечность своего бытия объект покушения, был подлинным.

Охранники с фрагментами телефонных проводов в ушах, неумело крутившие суставы новоиспеченного террориста Р в разные стороны, услышали от него следующее объяснение противоправных действий:

— Не мог удержаться.

Террорист Р упорно продолжал придерживаться этого мнения и в дальнейшем, что в итоге привело его в окруженное топоиной прохладой нежно-кремовое здание с решетками на окнах и тяжелыми дверьми. В палатах дверей, напротив, не было, чтобы пациенты не соблазнялись идеей строительства баррикад.

Доктора очень заинтересовались склонностью пациента Р к перемене жизненных обстоятельств, которая порой проявляла себя столь резко. Исполнение обязанностей сумасшедшего не отнимало много времени, и неудачник Р, проводя дни в созерцании, также задумался над собой как над сложным явлением. Нежно-кремовая больница, в которой некогда пророчествовали бывшие богатые тетушки и стонали несдержанные инакомыслящие, ныне популярностью не пользовалась. Единственным соседом неудачника Р по скромной палате был шизофреник Василий, имя которого скрывать бессмысленно ввиду незначительности его существования. Круглоголовый и кроткоглазый Василий распространял волны неприятного запаха и очень любил пластилин. Из брусочков, которые в детстве многие ели из-за обманчивого сходства с батончиком гематогена, шизофреник Василий с мышиной ловкостью лепил человечков, зверьков и домики для их проживания. Настороженно ознакомившись с неудачником Р, Василий попытался заинтересовать его куском зеленого пластилина.

Неудачник Р моментально прозрел свое будущее как скульптора и увидел, насколько оно похоже на его прошлое как художника.

— Нет, — сказал он. — Мне интересно только новое.

Шизофреник Василий посмотрел на неудачника Р с уважением — сам он не знал, что ему интересно. Возможно, именно поэтому Василий и закрепился в образе шизофреника. Он даже ощутил желание подарить выдающемуся неудачнику Р весь свой пластилин, но не стал этого делать.

Пациент Р проводил время в размышлениях и беседах с лечащим врачом, имя которой утаивать непатриотично. В стремлении к светлому будущему давно рассыпавшиеся серой пылью родители записали ее в соответствующих документах как Победу Николаевну. Победа Николаевна была мягка и податлива, как залежавшийся в ящике персик, облако волос над ее головой благоухало средствами для укладки. Уже после первого разговора с ней неудачник Р пообещал себе наконец найти устойчивое жизненное положение — персикоподобная Победа соблазнила его признанием, которым окружен в обществе неменяющийся человек. Мягко, не порицая и не огорчая пациента Р, она рассказывала ему о преимуществах традиционной жизни, которая совсем не движется к небытию неумолимо прямой дорогой, а непрерывно растет вширь и ввысь. Ласково прищурив глаза, окруженные лучиками толсто накрашенных ресниц, она объясняла, что не-

укротимое стремление неудачника Р к новизне происходит лишь оттого, что он не замечает всего этого, робко труся по жизни, как некая зашоренная лошадь. Победа Николаевна приводила множество примеров из своей личной и общественной истории, и все они подразумевали один вывод — счастье можно обрести, лишь остановившись. Она жалела пациента Р, а после его ухода некоторое время вздыхала, качала головой и иногда прикладывала руку к увядшему декольте. После четырнадцатой беседы окончательно согласившийся неудачник Р был признан безопасным и перешел в полное распоряжение Победы Николаевны. Она сама определила для него новую роль — помощника по хозяйству в обширной кирпичной цитадели, построенной стараниями ее крепко вцепившегося в жизнь супруга. Супруг был занят автомобилем и финансовыми вопросами, поэтому даже не обратил внимания на появление старательного работника Р.

Победа Николаевна с удовлетворением наблюдала, как неудачник Р дает волю своим разносторонним способностям. Он выучил все тонкости полива и подкормки крупных шершавых цветов, оживлявших бетонно-кирпичный двор, талантливо просеивал песок для дорожек, который приобретал консистенцию муки и вызывал воспоминания о жарких странах, куда Победа Николаевна и ее крепкий супруг ездили для неторопливого отдыха. Также работник Р производил ремонт в доме, сверлил стены, собирал мебель, чинил телевизоры, помогал выполнять домашние задания беспечным внукам, которые в это время истребляли экранных чудовищ, и старел. Он жил в маленьком флигельке, и единственной вещью, которая обозначала в хозяйском доме его присутствие, был стоявший в прихожей обширный рюкзак с необходимыми вещами. По договоренности с Победой Николаевной работник Р мог взять рюкзак и уйти на поиски новизны, если желание вдруг станет слишком сильным.

Летом работник Р ходил на рыбалку и занимался сбором грибов, которые Победа Николаевна тайком выбрасывала, не доверяя их съедобности. Он все-таки приобрел постоянную привычку — бегать по утрам. Хотя, скрывшись за поворотом, он сразу же переходил со стабильного бега на прыжки и пританцовывания или, остановившись, начинал отжиматься.

Прошло некоторое количество лет, похожих и не заполненных крупными событиями. Все закончилось однажды утром, когда постаревший работник Р, проснувшись, увидел на табурете лысоватого ангела. Ангел шуршал клочком бумаги, пытаясь привлечь внимание прятавшегося под кроватью котенка, и выглядел так, будто хотел сказать: «Нам жаль, что так получилось, мы ожидали другого».

Пораженный потусторонним феноменом работник Р вышел во двор, прокрался в прихожую кирпичной цитадели и взял рюкзак, замедливший

его походку забытой тяжестью. Подгоняя лямки под свой размер, он дошел до клумбы с шершавыми цветами и внезапно ощутил симптомы острой сердечной недостаточности. Выглянувшая из-за кружевной занавески Победа Николаевна бессмысленно запричитала и бросилась к старательному работнику Р, уже лежавшему лицом в клумбе. Когда она, пытаясь зашипнуть на груди ночную рубашку, свободной мягкой рукой перевернула работника Р, он указал на флигель и несколько раз отчетливо произнес:

— Там, там.

Дальнейшие действия Победы Николаевны не вызвали с его стороны никакой реакции. Духовная составляющая неудачника Р находилась в это время далеко, в районе темневшей на горизонте силосной башни. Его сопровождали уже два ангела, и они выглядели так, будто хотели сказать: «Они удивятся тому, что увидят».

Во флигелке, который осматривал молчаливый супруг под рыдания Победы Николаевны, почти не было свободного пространства. Все выше поднимая брови, супруг выносил из домика архитектурные наброски собора, который должен был затмить Кельнский, чертежи вечного двигателя, научный труд, в котором было решено большинство известных нерешаемых уравнений, исследование, посвященное покритосеменным растениям, — неудачник Р хотел отправить его в научное учреждение, где некогда трудился одержимый цифровыми совпадениями отец господина N. Также во флигеле были обнаружены эскизы модной одежды, коллекция редких минералов, пособие для начинающего рыболова и фрагменты книги о революционной диете, ведущей к долгожительству. Среди бумаг резвились оранжевые, как апельсины, котята ранее неизвестной породы. В углу стоял телескоп, к которому была приклеена бумажка с координатами еще не открытой планеты. Вынося последнюю кипу бумаги, из которой выскальзывали отдельные листы с законодательными предложениями, супруг Победы Николаевны чуть не повредил ногу о деревянную модель подводной лодки.

Уже на небесах ангелы объяснили неудачнику Р, что его беспокойная жизнь была результатом эксперимента по созданию нового, бессмертного человека, так как прежний образец в некоторых кругах был признан устаревшим. Чтобы вечная жизнь в рамках одного и того же образа не утонула в новом разумном существе, было решено снабдить его склонностью к постоянной смене ролей и жизненных обстоятельств, которая превратила бы одно бесконечное существование в череду мелких, но разнообразных. Так как предложение о бессмертии еще не получило одобрения

во всех инстанциях, неудачник Р как первая экспериментальная модель был снабжен лишь неудержимой тягой к новизне.

— Но вы могли бы меня предупредить! — воскликнул неудачник Р. — Я ощущал себя неуместным!

Ангелы виновато пожали плечами. Они выглядели так, будто хотели сказать: «Впредь этого не повторится».

Ганна Шевченко

Инские сказки

Красная Шапочка

Пришла Красная Шапочка к бабушке и спрашивает:

- Бабушка, а почему у тебя такие большие ногти?
- Акрил, — ответила бабушка.
- А почему у тебя такие большие губы? — спрашивает Красная Шапочка.
- Коллаген, — ответила бабушка.
- А почему у тебя такая большая грудь? — спросила Красная Шапочка.
- Силикон, — ответила бабушка.
- А я подумала, что ты — волк, — сказала Красная Шапочка, — пирожки будешь?
- Нет, — ответила бабушка, — я на диете. И тебе не рекомендую. И выбрось свою ужасную шапочку, красный цвет не моден в этом сезоне.

Теремок

Мышкин-Норушкин, Лягушкин-Квакушкин, Зайчиков-Побегайчиков, Лесичкина-Сестричкина и Волчков-Серобочков приобрели жилье по ипотечному кредиту в строительной компании «Теремок».

Когда пришло время заселяться в новое жилье, выяснилось, что всем пятерым гражданам выдали ордер на одну и ту же квартиру.

Чтобы разобраться в этом вопросе, Мышкин-Норушкин, Лягушкин-Квакушкин, Зайчиков-Побегайчиков, Лесичкина-Сестричкина и Волчков-Серобочков записались на прием к Медведеву.

Медведев выслушал обманутых кредиторов, разозлился и позвонил управляющему строительной компании.

— Я раздавлю ваш «Теремок»! — закричал Медведев в трубку.

Но проблему решить не удалось, потому что владелец компании к тому времени перевел активы за границу и исчез в неизвестном направлении.

Папа Карло

Папа Карло взял шарманку, вышел из дома и направился в сторону супермаркета. По дороге на высокой скорости промчалась грузовая машина и с визгом врезалась в телеграфный столб. Проходя мимо, папа Карло увидел измятого шофера, переброшенного через руль, как драповое пальто.

Когда папа Карло расположился возле супермаркета и стал налаживать инструмент, в магазин вошел мужчина с чемоданом в руке. Не успел папа Карло бросить себе под ноги шляпу для сбора денег, как из глубины магазина прозвучал глухой взрыв. Папа Карло собрал свои пожитки и раздраженно направился искать другое место.

Как только папа Карло поставил свою шарманку возле аптеки, занимавшей первый этаж высотного дома, как с крыши упал человек и распластался в нескольких метрах от папы Карло.

— Что за день? — подумал папа Карло, вернулся домой и стал ножом соскабливать очаг с куска старого холста.

Куручка Ряба

Снесла куручка Ряба яичко. Не простое, а золотое. Дед бил-бил, не разбил. Баба била-била, не разбила.

Пришла Мышка, хвостиком махнула и сообщила бабе и деду, что они нарушили Федеральный закон РФ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» № 41-ФЗ от 26 марта 1998 года, что подразумевает ответственность согласно Уголовного кодекса РФ № 63-ФЗ от 13 июня 1996 года. Статья 191, «Незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга» и карается лишением свободы на срок до семи лет.

Дед плачет. Баба плачет. А куручка кудахчет:

— Не плачь, дед, не плачь, баба. В следующий раз я снесу не золотое яичко, а простое.

Колобок

Бабка испекла колобок и положила на подоконник. Он лежал и смотрел вокруг остывающими глазами. Его терзали сомнения. Он ощущал, что создан для чего-то другого. Внезапный внутренний импульс подтолкнул Колобка к действию. Он выпрыгнул из окна и покатился по дорожке. Вскоре на его пути встретился Заяц.

— Давай я тебе песенку спою, — предложил ему Колобок.

— Я всего лишь учитель пения, — ответил Заяц и пошел прочь.

Колобок покатился дальше и встретил Медведя.

— Давай я тебе песенку спою, — снова предложил Колобок.

— Я всего лишь директор ДК, — ответил Медведь.

Колобок покатился дальше и встретил Волка.

— Давай я тебе песенку спою, — предложил Колобок.

— Спой, — согласился Волк, — я продюсер.

Колобок спел.

Волк предположил, что проект «Поющий Колобок» может иметь успех, и предложил записать сингл «Я от бабушки ушел». Песня мгновенно взлетела на самые вершины хит-парадов. Колобок подписал контракт с Cash Money Records и записал свой первый альбом.

Иванушка и Аленушка

Собирается Иванушка на корпоратив. Аленушка гладит его по буйной головушке и просит:

— Не пей, Иванушка, козленочком станешь.

Час ночи — Иванушки нет. Два часа — Иванушки нет. Три часа — нет Иванушки!

Звонит Аленушка Иванушке на мобильный и слышит в трубке невнятное блеянье.

Плюнула тогда Аленушка, накрашила губы и поехала к Змею Горынычу. Возвращается утром — под дверью на коврике спит Иванушка. А на голове пара свежих рожек проклюнулись.

Аленушка вздохнула:

— Говорила же я тебе, не пей, Иванушка...

Репка

В последнее время Репка совсем обнаглела: вытоптала лук с петрушкой, сожрала органические удобрения, спрятанные дедом в сарае, выменяла бабкины грабли на сто граммов пестицидов, избила тыкву во время Хэллоуина. Дед не выдержал и подал в суд иск «О возмещении материального ущерба и нарушении общественного порядка».

Репка тут же подала встречный иск «Об освобождении участка в садовом товариществе “Огородник”». Но на суде мышка вступилась за кошку, кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабуку, а бабука за дедку.

Репку посадили.

Карла, которая живет на крыше

После бесчисленных скандалов с Саркози Карла Бруни решила покончить с собой. Она забралась на крышу семнадцатизэтажного дома и бросилась вниз.

Внезапно из-под лопаток, как подснежник из мерзлой земли, вырвался пропеллер, подхватил ее и отнес обратно на крышу.

Она предприняла еще одну попытку — ее снова спас неведомо откуда взявшийся на ее теле пропеллер. И так множество раз — Карла прыгала с крыши, а пропеллер подхватывал ее и нес обратно.

Когда Карла потеряла надежду, она села на крыше, обхватила руками колени, сжалась в комок и запела грустную песню.

Джинны и кувшины

Археолог Петров, занимающийся раскопками на месте древнегреческого города Фанагория, решил искупаться. Он надел аква-ланг и опустился на дно Таманского залива, на двухметровую глубину. Там он обнаружил две древние амфоры.

Вытащив амфоры на берег, археолог Петров потерял одну из них, чтобы рассмотреть рисунок. Из амфоры появился Джинн и сказал:

— Слушаю и повинуюсь. Загадывай желание.

Петров подумал и попросил:

— Хочу быть Путиным.

Джинн исполнил его желание.

Вскоре в СМИ появилось сообщение: «Премьер-министр РФ Владимир Путин во время посещения археологического раскопа на месте древнегреческого города Фанагория опустился на дно Таманского залива, откуда поднял две амфоры...»

Двенадцать месяцев

Злая мачеха с вредной дочерью заставили падчерицу идти в лес за подснежниками в самую стужу. Она пошла и оказалась на лесном факультете Московского государственного университета леса, на кафедре селекции.

Прошло всего двенадцать месяцев. Падчерица вывела новый, морозоустойчивый сорт подснежников, выдерживающий лютые морозы. Она продала свое ноу-хау частному предприятию «Промышленные теплицы НПФ Фито» и разбогатела.

А злая мачеха с вредной дочерью вложили все свои средства в банк «Глобэкс», который разорился во время кризиса. Из ценных вещей у них остались две шубы из чернобурки. Но когда они решили их продать, выяснилось, что это подделки, изготовленные из собачьих шкур.

Пузырь, соломинка и лапоть

Жили-были пузырь, соломинка и лапоть.

Пошли они в музей картины смотреть. А возле музея канализацию прорвало, течет ручьем. Дошли они до этого места и не знают, как перейти.

Лапоть говорит пузырю:

— Пузырь, давай на тебе переплывем!

— Нет, лапоть! Пусть лучше соломинка перетянется с берега на берег, мы по ней перейдем.

Соломинка перетянулась с берега на берег. Лапоть пошел по соломинке, она и переломилась. Лапоть упал в воду. А пузырь хохотал, хохотал, да и лопнул.

Работники музея решили, что это инсталляция неизвестного художника, и забрали их в музей. Они находятся там по сей день в павильоне концептуального искусства.

ПОЭЗИЯ

Татьяна Дружинина

Ирина Котова

Борис Кутенков

Дарья Лебедева

Дмитрий Авилов

Марья Куприянова

Вячеслав Савин

Татьяна Милова

Сергей Шабуцкий

Галина Нерпина

Александр Сорока

Дмитрий Плахов

«Уткнуться в чье-нибудь плечо...»

За годы существования Московского совещания уже выросло и сформировалось не одно поэтическое поколение. Татьяна Милова, Ирина Котова и Галина Нерпина — одни из первых участниц — должны хорошо помнить заснеженные дорожки Переделкина, по которым мы бродили, читая друг другу новые тогда стихи. Дмитрий Плахов и Сергей Шабуцкий — представители нынешних тридцатилетних — тоже застали наши подмосковные посиделки: вечера с гитарами, игру в ассоциации до трех часов ночи, снежки в окна, ночные походы на переделкинское кладбище. А вот уже «поздним» ребятам не так повезло — они встречались только в стенах ЦДЛ. Хотя и тут их привлекали Малый зал и нижний буфет, готовые бесконечно слушать споры о рифмах и ритмах...

Чем похожи поэты этих разных «совещательных» времен? Трагическим мироощущением, рефлексией, самоедством, попыткой преодолеть носимое в себе вселенское одиночество, истинностью звучащего в каждом страдания:

А я, озябший и прохожий,
Дышу на пальцы горячо,
И совершенно невозможно
Уткнуться в чье-нибудь плечо...

Дмитрий Авилов

Не успеваю ничего —
ни мимолетного, ни вечного...

Татьяна Дружинина

Я жизнь проживала чужую, не ту...

Ирина Котова

...храни меня боль от того что упущено
от всего что могло бы быть...

Борис Кутенков

Ты на все вопросы — получишь «нет»,
Без надежды, отчаянья или сомненья...

Галина Нерпина

Плакать глупо, жить уже поздно, играй, играй...

Татьяна Милова

Одинокие люди садятся в автобус
или в вагон метро...

Дарья Лебедева

Чем они не похожи? Голосами. Каждый — со своим ритмом, со своей интонацией, со своими ассоциациями. Возможность слышать это многоголосье — это и есть то счастье, которое нам всем дает общение на семинарах. Видение себя во времени и пространстве среди себе подобных, сравнение и понимание — на каком ты этапе, что ты делаешь и как, — в нашей одинокой профессии это бесценный подарок. На семинары приходят те, кому это действительно нужно, кто стоит на распутье и решает — в какую сторону двинуться. Взглянуть на себя со стороны, получить эмоциональную профессиональную поддержку в такие моменты жизни необходимо. И за эту радость взаимодействия мы всегда с благодарностью будем вспоминать Римму Казакову и Владимира Корнилова, однажды начавших это благое дело, которое мы надеемся продолжить, чтобы новые и новые молодые авторы не чувствовали себя неприкаянными, а могли «уткнуться в чье-нибудь плечо».

Елена ИСАЕВА

Татьяна Дружинина

Киарр

хороший запах — ржавчины и рыбы,
и жалуются чайки рыбакам
да удочкам, растущим у обрыва:
— киарр, какая мутная река,
мы голодны, достаньте судака.

черемуховый ветер, запах новый,
и лепестки остались на воде
да долгое, пронзительное слово:
— киарр, — такая рябь, не разглядеть
ни рыбины, ни рыбки.
хмурый день.

* * *

иду непрямо, через двор
в тумане вязов темным вечером.
не успеваю ничего —
ни мимолетного, ни вечного

ни совершить, ни осознать.
любуюсь изморозью млечною,
двор не пустеет допоздна —
а я пустею с каждым вечером.

темнеют облака бока́,
приходит ночь, как вечер вязкая.
в ней жизнь, не видная пока,
скрипит качелями, колясками.

Медуницы

только от зависти к прежним себе самим
люди быстрее сорванных медуниц
вянут. такую старость не победить.

завтра проснуться бы как-нибудь до семи
лет. и себя тогдашнего заменить —
ты меня только вовремя разбуди.

маятник ли замедляется на стене,
птицы ли разлетаются по югам,
холод ли пробирается от дверей,

только в себя и приходишь, а места нет:
осень одна, душистая курага,
и медуницы тонкие в словаре.

Хурма и алыча

какого вкуса слово «алыча»?
зимой ее никто не продает.
(я позволяю музыке звучать,
не признавая бремени ее.)

хурма скатилась в хаос овощей,
поежился заснеженный урюк.
(я вижу красоту простых вещей,
но никому о ней не говорю.)

к стеклу прилип оттаявший лаваш,
авоська рвется, полная добра.
(я чувствую шершавые слова,
но не могу другие подобрать.

и подберу ли что-нибудь ценней,
чем менее замерзшую хурму?)

по снегу шли полосы от саней,
простые, параллельные всему.

* * *

*а мама в верхнем ящике стола
конфеты новогодние держала,
я их нашла. она глядела грустно,
с тех пор не прячет мама ничего.
я открывала ящик каждый год,
но фантики ни разу не хрустели.*

какое детство? мутная вода,
в которой рыбу ловят пауком,
все было, а всего не передать.
что помню? шоколадки с фундуком,

подсолнухи, качели, фильмоскоп,
воланчик, ежевикопись, «Тархун»,
смородиновый чай, шершавый скол
любимой кружки. где-то наверху

в невыносимо белых облаках
вся я. гляжу на землю, там июль.
бегу сквозь облака, а по бокам
все двери. я свою не узнаю

и не узнаю больше никогда.
что помню? закорючки на листе.
какое детство... ясная вода,
я выпускаю рыбу из сетей.

*березовые колки. ком репьев,
в корзине бесполезные волнушки,
меня фотографируют «Зенитом»,
с тех пор я вся не в фокусе чуть-чуть.
от большинства остался негатив,
а что-то и засвечено навеки.*

Варежки

Где-то последний сверчок допевает соло,
Дома кровати бессонны, а сны узки.
Шумно сражаясь с молью на антресолях,
Ищут друг друга варежки и носки.

Полночь — незрелая слива, тугая завязь
Ночи. В прихожей шепот шарфов и шуб
Слышен, и чертыхается в темном зале
Злой полтергейст, запнувшийся о фэн-шуй.

В елочку или малинового цвета,
Связанные из кошек, и коз, и лам —
Если резинки белой меж ними нету,
Варежки расползаются по углам.

Страх одиночества ночью ужасно вреден,
Злой полтергейст задумался и завис,
Все мы немного спим и немного бредим.
Скоро светает. Варежка, отзовись!

Май

распускаются вязы на свете, петля к петле,
во дворе раздвоенье ветров и рожденье радуг.
поливают асфальт. выгружают горячий хлеб.
ничего необычного. чудо идет как надо.
нагревается небо, по-моему, испеклось.
продаются нарциссы окраса луны и меда
и глядятся в до темноты на себя в стекло.
их никто не купил. продавщица сливает воду.
будто месяц тебя покусал, и живешь не сам,
бесконечной с собою драки не разнимая,
остановишься — чудится: бабочки в волосах,
а прогонишь — потом не простишь ни себе, ни маю.

и нет на земле ничего белей, и нет ничего алее,
чем стаи невиданных снегирей на выснеженной аллее.
нет сказочней вечера января: спускается небо с веток,
по тихому снегу бежит звезда и гаснет у края света.
спят люди на всех этажах земли,
как книги на дальних полках,
и нет ничего, ничего уже. зима да зима. и только.

Ирина Котова

* * *

Воробьи, как шальные, купаются в луже.
Какая усталость... Откуда она?
От лжи во спасенье — спасительной стужи.
От чувства вины. Но откуда вина?

Вот женщина. Мы с ней, должно быть, похожи.
А вот монастырь — он закрыт на ремонт.
Дымит сигаретой невзрачный прохожий,
В руке моей маятник — маленький зонт.

Как будто бы начерно жизнь написалась
И разом восстала помарками строк.
Писалась без устали — вот и усталость,
Корректор уснул, но пробудится в срок.

Мне некуда скрыться. Мне нужно вертеться —
Юлой или белкой, в десятом поту.
Я мало успела — гоняла лишь сердце.
Я жизнь проживала чужую, не ту.

* * *

Крутятся, крутятся, крутятся три колеса...
Будущий мой одноклассник сопит от восторга:
в спицах мелькают овраги, речушки, леса —
хрупкие символы жесткого, алчного торга.

Кутит педали мальчишка — летит на коне
по худосочной дороге провинции Н-ской.
Он еще будет убит на афганской войне,
Брат его будет убит, но потом, на чеченской.

Крутятся, крутятся... я его буду любить —
злого, смешного, с набитой тайком папиросой.
Леской рыбацкой, похожей на легкую нить,
исподволь режутся руки девчонки курносой.

Крутятся, трутся колеса, срываясь на хруст.
Хруст позвонков... Это просто ломаются спицы
веткой шиповника. Вспыхнул шиповника куст.
Старятся, старятся, старятся детские лица.

* * *

В. Кутцову

Мы с Володькой летим по Парижу.
На деревьях — искусственный снег.
И я тихо Париж ненавижу
не за снег, а за малый разбег.

За Володькин акцент пошловатый
и немного шипящий в корнях,
не горчицей, а сладкою ватой
на зубных оседавший камнях.

За автограф таинственный «Влади»
в уголках живописных картин
и за тени, бредущие сзади.
И за то, что он здесь не один.

Мы с Володькой летим по Парижу,
по мостам через Сену летим.
Ненавижу Париж, ненавижу,
и Нью-Йорк ненавижу, и Рим.

* * *

Привычные к разлукам проводницы.
Платформа. Поезда. Сейчас и впредь
шагну к тебе, прижмутся наспех лица.
Нас раз-ры-вают. И земная твердь
становится как вата под ногами.
Как жаль тебя, себя... Любить, жалеть —
синонимы по-русски. Тот... с рогами,
нас водит за нос. Милый, жизнь как медь:
сейчас блестит, а завтра — зелень, копоть.
Нам на любовь отпущен тяжкий счет —
по всем грехам. Соблазн дверями хлопать
лежит в основе чувств. На чет-нечет
всегда выходят цифры с меткой рока,
«Я... не могу...» Но знаю, что смогу
пройти в грозу по краю водостока
и не упасть. Тушить для нас рагу,
но есть — одна. Как сильные убоги.
Вот ты стоишь — на обуви села пыль.
Я — за стеклом вагона, как в остроге.
Ты куришь сигареты «Русский стиль».
Приметы и стигматы вырожденья
не времени, так места. Впрочем — чушь.
Как камень связки в горле. Все движенья
ушли в себя. Ты чей-то... чей-то муж.

* * *

Белый пудель в белом мерседесе
Бьется носом в заднее стекло
И мечтает, может быть, о лесе,
Только лес поземкой занесло.

Бедный пес. Стою на остановке.
Холодно. Зима катит в зенит.
Нужно отнести подбить подковки,
Только день по списку весь разбит.

Наизусть пытаюсь вспомнить список.
Дело плохо. А трамвая нет.
Там — лотки. Пойду куплю ирисок.
Будет чем позавтракать в обед.

* * *

Смежила веки, снежила веки, смеженность. Снег.
Снова ищу совпадений, несчастий, участий.
Грезится Китеж, а в Китеже — вещий Олег.
Рыба смеется — нет пасти, нет счастья клыкастей.

Как все чешуйчато: храмы, дорожки, вода.
Здесь, в темноте, солнце видится в куполе каждом.
Кто меня держит? Здесь — дом, здесь мои города...
Дайте напиться, напиться на жизнь или жажду.

Мы рождены, чтобы лгать. Просыпайся. Ау!
Кто это? Нечисть? Подобие тайное чести...
Снеженность. Зеркало. Крестик. Бездарно живу.
Хочется праздника. Видимо, с кем-нибудь вместе.

* * *

Это женщина, твердою гелевой речью
отделившая мать от ребенка.
Это мудрый червяк потрошит Междуречье,
рассуждая, что время — воронка.
Это с неба Луна проскользнула в кувшин
и сияет там медною решкой.
Это слабый, слепой покоритель вершин,
сбитый с курса обманною вешкой.
Это вор караулит добычу, дрожа,
в сквозняке амфорической арки.
Это желтые пятна на теле ужа,
разутюженном шинами в парке.

Это ворон когтистый собаку клюет,
зараженную гнойною чумкой.
Это мед, вытекающий в землю из сот.
Это смерть не с косою, а с сумкой.
Это жизнь, разветвляясь на тысячи жил,
раскрывается, ищет опору.
Только в ней человек, сомневаясь, что жил,
смотрит в звезды сквозь пыльную штору.
Только в ней человек, упустивший коня,
а с конем — золотую уздечку,
кувыркаясь, кусаясь, беснуясь, храня,
входит в Лету, как в местную речку.

* * *

Ночной паром. Горит огнями Керчь.
Две женщины (они сошлись под знаком
Взаимной красоты) заводят речь
Про рифы, порождаемые браком.

Их судьбы схожи. Роды. Суета.
Фантазии мужей. Конец карьеры.
Чужая жизнь какая-то, не та...
Был яркий всполох. Только запах — серы...

Они на откровения идут —
Слегка цинично, слишком безоглядно,
Заранее не зная — самосуд
Повяжет их, как нитью Ариадна.

Не будет встреч. И даже адреса
Не лягут криво на клочках бумаги,
Но будут звезды, бьющие в глаза,
И полосы на желто-синем флаге.

Маяк, как обезумевший циклоп,
Дает команду. Близится таможня.
И младшей старшая, целуя в лоб,
Надрывно врет, что все исправить можно.

Борис Кутенков

* * *

новости бэйби о жданном-негаданном
больше не врасплох
келья дымит фимиамом и ладаном
сверху смеется японский бог
жизнь оказалась не рощами-кущами
путь не трава не сныть
мало что может свернуть идущего
умершего убить
храни меня боль от того что упущено
от всего что могло бы быть

ты воспитаешь веселого первенца
скоро через года
дай боже кредит жить во что не верится
не верилось никогда
в май-первомай зашагаем уверенно
не отставай держись
я распрямлюсь дочитаю пелевина
проще взгляну на жизнь
понапишу если пленка прокрутится
много дурных стихов
помнишь как пили в таверне на фрунзенской
кнопку нажми it's off

там остается из памяти выкован
бронзовый человек
кто его бедного вылюбит выкормит
уронит обратно в снег
прошлого отсвет прохладно-коричневый
я уязвим ужаль
жаль только жить в эту пору вторичную
но и того не жаль

* * *

И исшед вон... плакася горько.
Лк. 22:61-62

Человеку снится туман, золотые льды,
будто нет никакой любви, никакой беды,
ни ночных звонков, ни дневной череды обломов.
Будто все пришли, кто не может уже прийти,
кто давно иные избрал пути:
сходят с мраморных плит и советских фотоальбомов.

Каждый снова молод, хорош, правдив,
в рюкзаках у них непростой мотив:
две струны, трын-трава, недоучка-скрипка.
Вновь аккорды знакомые ищет во сне рука.
Завтра будет зыбкой его тоска,
как сейчас — неподдельна его улыбка.

Оживает сразу столько любимых черт,
окружают его, поздравляют неясно с чем,
достают стаканы, коньяк и шпроты.
Человек просыпается на заре,
понимает, что на календаре
нынче праздник Страстной субботы.

Человек опять невесел, незряч, несмел,
не умеет смеяться, как не умел.
Темен день, и во мраке сада туманны лица.
Чем бессмертней — тем ярче пылают черновики:
так славней всего изменяют ученики,
и на смерть за тобой готовые, и в темницу.

И опять колыма: на работу-домой-домой.
Тащит крест в одиночку, еще он живой-живой.
А посмотрит в зеркало — отшатнется:
там в глаза ему младенец глядит седой,
на него не похож ни одной чертой,
тянет руки, залиvisto так смеется.

* * *

Теперь — о чем? О звоне колоколен,
о мышцах виноградин и давлен.
Се человек: силен — а стал безволен,
се артефакт: был волен — стал бессилен.
— Ну как же так, ведь при тебе, ragazzo,
бинты, лекарства, чистая водица.
— Иные лица среди прежних декораций.
Мне страшно. Надо заново родиться.

Спустись к реке, где кисть моя тонка,
где двое до последнего мазка
исследовали положение звука,
не понимая: дело языка —
не дело рук, но — приложивших руку.
Еще, еще, несмелая рука
запечатлит на уголке портрета:
среди неполучившегося лета
на всем стоит печать черновика.

— Да ты о чем? Неужто стал безроден?
— Да все о том: был смысл — и вот украден.
Но — как всегда: о тайнах подворотен,
колоколах, о звоне виноградин.

* * *

Не научившись жить по чьей-то мудрой воле, —
лишь гибнуть по своей — и видеть наперед, —
заглянешь за окно: там вечный дворник Коля
весь дивный этот мир метет себе, метет.
Что снег ему, что зной — в треухе непременно.
Печаль пустых очей, как водится, светла.
Сияй, сияй, дыра у правого колена,
лети, моя листва, мети, его метла.
Мети, мети за всех, кто умерли и живы.
Вот — в клеточку листок, в линейчку — тетрадь.

Такие, оп-ля-ля, гражданские мотивы,
такое вот, браток, умение рифмовать.
Вот — сонный мой диктант, примеры-уравнения,
имен безличных ряд и скорый перегной;
под уличный шансон, упорно, муравейно,
движением одним равняй меня с землей.
Я так хочу, как все. Смирись, моя страница,
пусть пестрый на свету сгорает черновик.
Когда б ты знала сор, из коего язвится
язвительность моя, таблетка под язык, —
ты глянула б не так на мой избыток бреда.
Я отойду, а он останется мести,
оплакивать, сгребать и складывать в пакеты;
мне тяжело дышать, но я в пути, в пути.
И рвутся из груди родные -оро, -оло.
Закончен марафет, лишь алый льется свет
на все, как быть могло, как будет скоро, скоро,
чему названья нет и будущего нет.

* * *

Как провожают уходящих навсегда —
не как иных, не уходящих навсегда.
Зима, ночной перрон, и зубы в два ряда
о пластиковый чай.
В замерзшем горле вырастает человек,
как снегу прежнему на смену — новый снег.
И чтобы он сейчас не прыгнул из-под век —
шути, болтай, крепчай.

Не надо слезностей, заламываний рук.
Как звуку прежнему на смену — новый звук,
останется тебе — и-мэйл, контакт, фэйсбук.
Дрожит фонарный круг.
Как было много их — из сердца, с глаз долой,
на кон поставивших болотистый покой,
умеющих рывком покончить с маетой,
и с прошлым, и с тобой.

Так старше стал на человека — человек.
Так веку новому — на смену прежний век.
С уходом каждого — привычнее беда:
так застывает лед.
Так провожают уходящих навсегда:
лишь ты стоишь, пока уходят поезда.
А кто-то «не скучай» начертит на окне.
И мимо проплывет.

Дарья Лебедева

✱ ✱ ✱

одиноким людям
садятся в автобус
или в вагон метро
обращаются к кому-то невидимому
ведут длинные разговоры

у этой женщины
кто-то умер
очень-очень давно
но ей снова хочется потрогать
маленький шрамик под бровью
она рассказывает об этом ему
почти до кольцевой

у того старика всю жизнь
лет с тринадцати
только и был этот
несуществующий друг
и никого другого
мальчиком водили по врачам
взрослым лежал в больнице
но так больше и не нашел
с кем поговорить

мужчина везет с дачи
ведра ароматных яблок
жене — она любила яблоки
раньше они собирали их вместе
она стоит рядом и улыбается
дома он положит под ее портрет
два самых красивых

метро переполнено
 в автобусах давка
столько призраков
 едят зайцем

* * *

сегодня нет дождя — два года назад он был,
он лил и никак не мог остановиться.
я, как рыба, все плыл по течению. плыл и плыл.
и не знал, что однажды движение прекратится.

я не был птицей и зверем не был, я плыл
скрываясь — поверхность воды была тихой, гладкой,
но внутри дождя, который все лил и лил,
ты нашла меня — ты знала рыбы повадки.

не зная, кем стал и как проживу без дождя,
я остался с тобой в твоей тихой библиотеке.
я прочел все книги. ты сказала мне, уходя:
— ты был рыбой, а стал, наверное, человеком.

сегодня солнце, два года назад был дождь.
я привык к жаре и давно никуда не плыву.
я не знаю, где ты и чем ты сейчас живешь.
но я спал, и проснулся, и видел тебя наяву.

* * *

Не надоело Еве повторять:
— Да, повелитель, господин, конечно,
не буду есть, раз говоришь «не ешь».
Но
она не сможет так всю жизнь безгрешно
прожить — и не узнать.
Ей надо знать.

* * *

из окна видны только верхние этажи,
только тусклое небо — в нем плавают провода.
я приеду, как спустится ночь, ты только скажи,
и совру, что останусь здесь навсегда-навсегда.

мы немножко чужие здесь, даже для друзей,
даже друг для друга, уж если начистоту,
этот город тысячеглазый — наш Колизей,
а мы в центре арены — в опасности, на свету.

вечереет. ночь выпускает своих зверей.
это наша свобода — и в ней не видать ни зги.
я приеду под вечер, войду под голос Мирей,
и не надо другой романтики. прибереги.

* * *

такое странное время
походя оглядываясь
выхватываешь взглядом
перемещение листьев
с неба на землю
разбитые витражи под ногами
еще недавно — цельные картины
и за то мгновение
пока осыпаются цветные стекла
ты успеваешь одеться
одичать
простыть
и почти перестать дышать
а еще через мгновение —
зима

* * *

всю жизнь как воздушный шарик
моталась болталась в небе
иногда сильным ветром
больно прибывало к земле

потом появился ты
улыбнулся и осторожно
взял за тонкую ниточку
и пошел рядом

с тобой так легко быть собой
не улетаю и не приземляюсь
не покидать мое небо
но быть ближе к земле

держи меня крепко

Свидание

Мы встретились на бульваре.
На кудрявой голове поэта,
воздвигшего себе памятник,
сидел голубь.
Тропа не зарастала:
юноши с букетами,
девушки с ожиданиями,
менты в поисках тех, кто пьет,
таджики —
пусть не калмыки,
но для нас, равнодушных,
нет разницы.
У нас ведь свидание —
здесь, рядом с поэтом.
Ты ругаешь его стихи.
Я защищаю.

Яростно.

Ах, это же не тема для свидания,
лишь повод для разговора!

Повод выяснить, какой ты глупый
или какие разные у нас вкусы.

И пока я смотрю на наше все,
на все вокруг,
ты уходишь.

Дмитрий Авилов

* * *

Глядели берега на небо.
Уткнувшись носом в берега,
Кораблик под ванилью снега
Лежал, как ломтик пирога
На блюде слюдяном затона,
Над сонным царством рыбных ям,
Не издавая даже стона
Вслед проплывающим друзьям.

Ноябрь, хмурия снегопады,
По небу мазал берега —
И только дети были рады,
Мешая липкие снега.
А я, озябший и прохожий,
Дышу на пальцы горячо,
И совершенно невозможно
Уткнуться в чье-нибудь плечо.

Кому-то — берега до неба,
Кому — поджавший якоря
Кораблик под ванилью снега
Второй декады ноября.
Какая щедрая награда:
Угрюмо кутаясь в пальто,
Остаться ждать под снегопадом...
Вы подходите, если что.

* * *

Если смерти я не вижу —
Значит смерти просто нет.
А она мне ноги лижет
И берет мой теплый след.

И ползет за мной по следу.
Но догонит лишь тогда,
Когда я домой доеду
Через долгие года.

Если смерть мне не по чину,
Если смерть отрину прочь —
То она догонит сына,
То она догонит дочь...

Недотопленная в водке,
Не горящая в кострах...
Люди скинули пилотки,
Затаив в утробе страх.

Хрен ли лычки на погоны,
Коли вслед колокола?
И быть может — не догонит.
А быть может — догнала.

* * *

Вот уж мне бы дальше — да некуда выше.
Под ногой — помоста скрипят половицы.
Ты, топор, срубишь, ты, перо, спишешь,
Языки намелят потом небылицы.

Мало жил, крохи — наплетут с горы:
И каким я был, и каким сроду не был.
А как выйду гостем к Господу скоро —
Под ногою скрипнет синее небо.

Вот уж будет дальше-то некуда выше,
Вот уж будет малому доля в великом,
Как топор срубит, как перо спишет,
Кровь под чернила, да на небо с криком.

Вот ты и гадай, коль умен в самом деле:
То ли был я царь, то ли правил обманом.
Жил ли чуть позже — звался ль Емелей,
Жил ли чуть раньше — звался ль Степаном.

* * *

Видеть тревожно и странно,
Как, иссечась на кресты,
Башня подъемного крана
Смотрит на мир с высоты.

Хочется крикнуть: «Ну что ты?
Не истязайся так впредь!
В небе летят самолеты —
Вот куда надо смотреть!

Там каждый вздох не разгадан...»
Но, вознесясь к облакам,
Руки монтажной бригады
Плиты слагают к ногам.

«Майной» и «вирой» замаян,
Стропы крюком теребя,
Как-то ты, брат, неприкаян,
Кто бы прикаял тебя,

Доля-то больно погана...
Но донеслось с высоты:
«Вам не прожить без стакана —
Мне тяжело без плиты».

Дай же нам, праведный Боже,
Тяжесть нужды по руке:
Каждому — кто сколько может
К небу воздеть на крюке.

Горошина

Что брошено — то брошено
Словами на весы.
Подложена горошина,
Двенадцать бьют часы.
Торопится развязочка,
Урок веков забыт.
А выдержит ли сказочка
Проверочку на быт.

Из паутинок платица,
Кареты, башмачки...
За все, за все заплатятся
Слезами пяточки.
За все, мои хорошие, —
Не деться никуда.
А хрупкая горошина —
Так это ж ерунда!

Невеста стала Золушкой,
Шарманщиком — жених.
Дворец — шалаш из колышков.
Я так боюсь за них!
Ах, выдержит ли, выдюжит
Житейство зыбкий рай?
Играй, покуда не выюжит,
Шарманочка, играй.

Что брошено — то брошено.
Качаются весы.
Тяни, моя горошина,
Беспечности часы.
Тяни, моя хорошая,
А там уж как-нибудь...
Что брошено — то брошено.
Былого не вернуть.

Марья Куприянова

Ишь-гора

Как у нашей старшей поступь была тверда,
на стене с плаката скалилась рок-звезда,
по углам — холсты, пылища и провода,
в дневнике пятерок стройная череда.
Так бы жить да жить, вот только стряслась беда,
как-то утром она пропала невесть куда.
Не доела завтрак, не убрала постель,
побросала в сумку масляную пастель,
прогуляла школу, вечером не пришла.
Через месяц мы занавесили зеркала.
Как у нашей средней волосы — шелк и лен,
и в нее все время кто-нибудь был влюблен.
Возвращается к ночи, тащит в руках цветы,
в институте — опять завал и одни хвосты.
Как-то мать закричала: «Черт бы тебя побрал!» —
вот она и ушла отныне в глухой астрал,
целый день сидит, не ест и почти не пьет,
со своей постели голос не подает.
А когда уснет — приснится ей Ишь-гора,
а под той горой зияет в земле дыра,
а из той дыры выходят на свет ветра,
да по той горе гуляет ее сестра.
В волосах у нее репейник, лицо в пыли,
а кроссовки — что затонувшие корабли,
и она идет, не тронет ногой земли,
обернется, глаза подымет — испепелит.
Становись водой, говорит, становись огнем,
мы с тобою тут замечательно отдохнем,

тут котейка-солнце катится в свой зенит,
тут над всей землей сверчок тишины звенит,
тут ночами светло, да так, что темно в глазах,
оставайся всегда во сне, не ходи назад.
Как для нашей младшей песни поет сова,
колыбель ей мох, а полог ее — листва,
у нее в головах цветет одолень-травка,
ни жива она, наша младшая, ни мертва.
Танцевали мавки с лешими под окном,
увидали крошку, спящую мирным сном,
уносили на ночь деточку покачать,
покачали — стало некого возвращать.
Баю-баю, крошка, где же твоя душа?
Потерпи немножко, скоро начнешь дышать.
Унесли понежить — видишь, опять беда,
баю-баю, нежить, в жилах твоих вода.
Ребяенок милый, глазки — лазорев цвет,
не страшись могилы, мертвому смерти нет.
Колыбель ветра качают на Ишь-горе,
и встает сестра, и машет рукой сестре.

Мама, мама, мне так легко и слепит глаза,
на ладони сверкает пестрая стрекоза,
здесь застыло время, время вросло в базальт,
и мне так обо всем не терпится рассказать.
Тут тепло, светло, у вас не в пример темней,
не пускай меня скитаться среди теней,
не крести меня и именем не вяжи,
не люби меня, чтоб я не осталась жить,
не давай мне видеть свет ваших глупых ламп,
не люби меня, чтоб я убежать смогла,
позабудь меня, пока я не родилась,
отмени меня, пока не открыла глаз,
потому что, даже если я и сбегу,
не хочу остаться перед тобой в долгу.

Белоснежка

Кто ни в склад ни в лад, кто — из ряда вон,
среди белых палат расцветает сон:

Белоснежка спит.

У соседа — СПИД,

у нее — летаргия.

(Господи, помоги ей.)

Кто богат, кто рогат, кто совсем урод,

кто сто лет женат, кто сто лет живет.

За стеной — дома,

за окном — зима.

Скоро снег растает,

а она — не встанет.

Белоснежка бела, Белоснежка была,

а потом уснула — и все дела,

и теперь из вены торчит игла,

чтоб она случайно не умерла,

как ее спидозный сосед вчера —

он весь вечер метался и ждал утра,

а потом его труп увезла медсестра.

И давно пора.

За окном светло, по весне тепло,

да с погодой школьникам повезло,

а сосед расправил свое крыло.

Он стучит в стекло.

Белоснежка спит, у соседки — рак.

А сосед летит на семи ветрах.

Белоснежка видит его во сне —

летаргия и смерть на одной волне.

Где-то там, вовне.

Белоснежке снится полсотни лиц,

белоснежкин рыцарь — спидозный принц,

он в окно стучится и тянет вниз,

он кричит: «Проснись!»

По асфальту грязь, по стеклу вода,

а соседка стонет почти всегда,

белоснежкин лоб холоднее льда,

медсестра, сюда!

Белоснежка бела, Белоснежка была,
а потом по небу пешком ушла
вместе с тем, кто утром пришел за ней,
и теперь они на одной волне
где-то там, во сне.

Синдром отмены

продирая веки, не сразу вспомнишь,
полдень на дворе или вовсе — полночь.
так к кому-то скорая недопомощь мчится засвидетельствовать исход,
по-иерихонски гудит сирена,
это называют «синдром отмены»,
если до сих пор не упали стены, значит надо срочно отвыкнуть от:
недостатка писем, избытка песен,
от себя, что больше не интересен,
от зеркал, которые занавесил, чтобы не вылазило по ночам.
под кроватью дремлет Гарсиа Лорка,
руки коченеют и пахнут хлоркой,
сессия завалена на пятерки — а о прочем лучше бы умолчать.
быть или не быть — непринципиально,
главное — есть mater (она же alma),
остальное попросту нереально вписывать в систему координат,
имя, род занятий, печать на бланке
под семью замками швейцарской банки.
уходить в глубокую несознанку, столбенеть, оглядываясь назад.
соблюдать режим, принимать колеса, отвечать, но не задавать вопросов,
чтобы не дай бог не глядели косо, лучше пусть обходят другой страной.
самоотчуждение схоже с комой,
ворс ковра топорщится насекомом,
функции приема на грани слома, ты сегодня слепоглухонемой.
это не симптомы, а сбой системы, вытертые данные помнят стены,
но у них случится синдром измены,
и, продрав глаза через пару лет,
ты падешь, как пал Ахиллес под Троей,
потому что спросишь, мол: «Боже, кто я?» —
и увидишь содранные обои там, где нацарапывал свой портрет.

Тамагочи

в детстве я воображала себя тамагочи,
электрозверюшкой без определенного имени.
она не стареет, не врет, ничего не хочет.
мама, давай я буду такой? люби меня.
матушка пела в церкви про херувимов,
на голову платок надевала синий.
тогда я читала сказки, а не Мисиму,
но с каждым днем становилось не-вы-но-си-мей.
приторный страх по ночам мои руки скрещивал,
страшно заснуть, а проснуться еще страшнее.
в каждой из сверстниц — я видела! — дремлет женщина.
в каждом из яблок таится зачаток змея.
я зажимала вопль и глотала рвоту,
ум умирал, изнасилованный бессильем,
я ненавидела взрослых, но пела в ноты
и выполняла все, что меня просили.
однажды мне надоела истошность лета,
где небо казалось скучным, а солнце — страшным,
и я расплела косичку, чтоб вынуть ленту
(петля получилась кривой и неантуражной).
я знала: у выброшенной на сушу рыбки
и человека
одни и те же симптомы смерти,
но гвоздь оказался ржавым, а стенка — хлипкой,
позорный провал мой никто не успел заметить,
и я осталась мучительно невредимой.
потом была осень, зима и т. д. по списку,
матушка пела в церкви про херувимов,
таскала меня на музыку и английский.
я говорила «здравствуйте» и «спасибо»,
мало просила и меньше того хотела.
думала только о море. и в каждой рыбе
видела висельное веселье тела.
мои одноклассники (их было двадцать восемь)
дразнили меня «чумой» и «сибирской язвой»,
в жестокости уподобляясь богам и взрослым.
их будущее представлялось предельно ясным:

окончат школу, найдут себе вуз, работу,
жену, любовницу, пиво по воскресеньям.
в счастливых семьях обычно не без уroda,
но их — по соответствующим заведеньям.
невроз, склероз, некроз головного мозга,
кормить таблетками, клеить на лоб диагноз.
у каждого свой внутри умирает космос.
у каждой эвтаназии свой анамнез.
по пункту «итоги жизни» поставят прочерк,
подпись, печать на лоб, и закрыто дело.
в детстве я воображала себя тамагочи.
наверное,
что-то
где-то
перегорело.

Вячеслав Савин

Письма

1.

Ждала свиданья с подлецом.
И я: не голос — подголосье.
Метелью стесано лицо.
Лица не чувствуется вовсе.
Что от засезжего отца?
Зима. Двуострые полозья.
Холодный посвист молодца.
Пустые инея колосья.

2.

Намотался, взялся —
вон веретено.
А на что связался —
и тебе темно.
Искушаю хлебом —
но дышу виной.
Я ошибся небом —
не ходи за мной.

3.

Пропащая из и с виду
с наветренной стороны,
не нужно играть сильфиду —
ты тоньше моей струны;
ты только и есть — живая,
а жизнь высока, страшна
собака сторожевая,
сторожка тишина.

Пасынки

1.

Вышел давно,
и занесло крыльцо.
Вот оно — дно.
Вон на снегу кольцо.

Без матерка
не распаять кольца.
Два медяка
для одного конца.

Век дуралей,
дурень по всей длине.
Десять рублей
греют ладони мне.

Двое плывут
мимо, не зная про.
Пусть их пропьют.
Им я никто. Добро.

2.

Правда — она
вертится у виска,
оттенена
ею резьба свистка.

Ширь эту брешь,
переполох колес,
наживо режь,
без заморозки слез —

все не рука,
а холостой рукав.
Лейся, река,
пасынка оборвав.

Не осерчай,
вечного счетовод.
Я невзначай.
Я безотчетно, вот.

* * *

Позабытые Богом, очаг обретая в лачуге,
о нечаянной боли смеются, смеются о чуде —
полумертвая астра ломает озябшие пальцы —
нищета нищетой, говорят, так кого же бояться,
если вместе они и наверное кем-то любимы,
кистеперые тени — навывтяжку, неколебимы,
будто губ уголки у смиренной, покорной, покойной —
и одним соглядатаем меньше во тьме законной.

Надвое

оставь ее ночной сорочке
крести постель
и упаси неровной строчке
долгой отсель

забудь о долге неоплатном
звену звена
не укоряй себя попятным
путем зерна

в электризованном тенечке
пей никотин
до тошнотворно топкой точки
дойди один

далась усилием однократным
и не сдалась
над растопыренным парадным
умри смеясь

Татьяна Милова

* * *

И живем — будто не в России, а в Бельмондо.
И шарманку заклинило на заунывном «до»:
Это просто кошмар, до чего нас никто не любит,
И не любит некто, и любит незнамо кто.

Это просто абзац, как мы шлеемся по дворам,
С этой самой шарманкой за те самые двести грамм,
А под утро с того двора угоняют девятку,
И хозяин девятки устраивает тарарам —

Или даже прогулки в парке, где тишь аллей,
Или книжные бденья ночами, или, потяжелей, —
Муж ушел к подруге, подруга ушла дежурить,
Из дежурки звонит и плачет, а ты жалея, —

Все одно оперетка, мыльные пузыри.
Ржавый крюк, табуретка — а ты зайди прибереи.
Далеко ли уеду на угнанной стоп-машине,
Чем очнусь, когда будет *после* и *изнутри* —

В этом вареве, хлебо́ве, лого́ве естества,
Где о жизни только и слышно, что жизнь права,
Где одна мне гадала с Киевского вокзала,
Передернула козырную картой из рукава,

Чем там дело кончится, — а на той
Фотографии мама моя под белой фатой,
И такая принцесса, что не выдумать продолженья —
Только титры, да треск, да экран пустой.

* * *

О.

Охотник спустился с гор и позабыл дорогу назад.
Компас его убежал вперед.
Его собаки теряют нюх, как потеряли азарт,
И сетчатка их уже не берет.

Его добыча готова мстить: росомахи, барсы, хори
Будут грызться за нашу плоть, чуть переждав перекур.
Он вряд ли знает меня в лицо; где-то очень внутри
Он ищет Хранительницу огня и Выделывательницу шкур.

Окно разверсто; в небе смятенье, Марс не ночует
в своих домах,
Луна пробрала моря до самых глубин.
Охотник спустился с гор, и заблудился в семи холмах,
И богу подземки воскурил карабин.

Такой над миром протяжный свист,
что съезживается тоска,
Прячется, маленькая такая, в затылок, в висок.
Такая долгая еще жизнь, что не хватит песка
Измерить ее. И чего ни коснусь — песок...

Когда-то мы порознь стучались в Здесь и Теперь,
но это прошло.
Пересечение нас так зыбко, что не смею заснуть —
Все перечитываю по Брайлю уста, ланиты, чело,
Скорбя, что не дано дописать — чего?..
...Чего ни коснусь —

Охотник спустился с гор и уже не спустится никогда.
Так я, привычна к своим барханам, рассчитываю к утру
Вернуться; так время проходит мимо, не оставляя следа
На московском ветру.

* * *

Мы снова здесь — откуда мы не родом,
Но вечным гробом;
По тем курзалам, о, по тем минводам,
Теперь окопам,

Нас вновь влечет — где запах прелой плоти
Приводит к рвоте
И запах рвоты к продолжению цикла
До точки цинка.

Мы все в строю — музеев ли пустынный,
Ларька ль охранник.
Южнеет жизнь; ужо найдется финик
На каждый пряник.

Так океан, повластвовав над сушей,
Кончает лужей,
Чтоб отойти к превосходящим силам
Трофейным илом.

Грядет улов от рыбарей негодных.
В их переметах
Все меньше мирных, грозных и нагорных,
Все больше мертвых.

Они пройдут Тверской и Черногрозской,
Затем тагильской,
Не пряча лиц московской и кавказской,
Теперь стигийской,

Они идут интернационалом
По всем каналам,
В дома живых, смещаемых по кругу
Все глубже к югу.

...В полдневный жар в долине Дагестана,
В песках Корана
Стоит чинара, крону опростала
Во сне, корява,

И снится ей карельская береза,
Удел карела,
А по-над ней заря стоит, белеса,
Где догорела.

* * *

Они говорили нам так:
«Ладно, пока вам по двадцать, — пусть,
Смейтесь взахлеб, сходите с ума,
Дергайте кота за усы.
Жизнь-то вам рога посшибет,
Ох, наставит вам синяков!..
Все мы через это прошли,
Все мечтали невесть о чем...
Главное — вовремя повзрослеть».
Так они говорили нам.

Они говорили нам так:
«Что же вы думаете себе?
Всю дорогу будет фартить?
Нет, дорогие вы наши, стоп,
Ваши игрушки уже смешны,
Есть и обязанности, и долг.
Жизнь еще обломает вас,
Ох и круто будет учить,
В кровь!.. И вините только себя:
Где же вы шлялись до сорока?»
Так они говорили нам.

«...Мы умираем, — шепнули нам.
— Мелкая дрожь, черная топь,
Руки не слушаются —
Но вы,
Как вы без наших советов?.. Где?..
Хватит, в ваши-то шестьдесят
Можно не врать себе и другим —
Ну же, признайтесь же наконец,
Что жизнь глупа, убога, скучна,

Страхи, скандалы, дурные сны,
День расписан до мелочей,
Тянешь эту ляжку, как вол,
Бьешься, словно рыба об лед,
И благодарности никакой,
Только попреки!..
...И НИЧЕГО
НЕ БЫЛО ЗДЕСЬ И НЕ БУДЕТ ТАМ —
Разве, может, вот эта грань —
Мелкая дрожь, черная топь...
Только она, не правда ли? Да?..»
Так они говорили нам,
И плакали мы от жалости к ним.

* * *

Ключ на шее — символ веры — дом есть, дом свят,
Очертаньями слабеет, жалит светом...
Райский сад, жужжанье роя: стар-млад, брат-сват,
Сколько есть — а сколько скажешь, — все там, все — дом.

На балконе ли, не помню, на террасе —
Чаепитье с наставленьем, блюдо с клюквой,
«Вот зарубка, вот тропинка — не теряйся,
Стереги шнурок нашейный, плен свой, ключ свой».

...Он потерян в прошлый вторник — прорван, пролит, —
В прошлый вторник прошлой жизни, в мире пробном.
Провалился между ребер, в легких колет,
Путешествует по жилам медным тромбом,

Тянет вывернуться внутрь — вера в ересь
Так спасается, — в отдельность; помнишь, в детстве?..
Под холстиной этой плоти — дом есть, дверь есть,
Там и ждут — а я-то маюсь: где вы, где все.

Мама, снег в меня колотит, в куртке шарит.
Щурюсь, беглая, бодаюсь лбом клейменым.
Мама, сон меня заносит. Свет мешает.
Мама, мама, дядя Ваня, чай с лимоном.

Сергей Шабуцкий

Сентябрь, Лесной городок

Заскулил в тумане соседский пес,
Как будто он не соседский пес,
А колодезный ворот.

А лай у пса — ледяная вода,
Тугая колодезная вода,
Выплеснутая в воду.

Пресвятая, Пречистая, приголубь!
Мне вчера открылась такая глубь —
Аж проснулся в мыле.

Над потоком стонущей мошкары
Плыли звезды тучами мошкары
И планеты плыли.

Я присвоил брошенный березняк.
Представляешь, собственный березняк?
И, пожалуй, поле.

Кто-то дышит в сумерках у крыльца,
Я хожу на двор, не сходя с крыльца.
Собака вое.

Колодец

Никем не копано.
Само такое.
В траве окошко молчит.
Черное.
В окошке черном —
Листья с плесенью
Прошлой осени.
Позапрошлой осени.
Многих осеней.
Многих мимо носило.
Многих вынесло.
Многих бросило.
В окошко черное.
То самое.
Само такое.
Никем не копанное.

Мемориал

Излечился от авиафобии.
Алкоголи не помогали,
Аутотренинг — вообще детский сад.
Авиасимуляторы
Рядовали,
Но не спасали.
Каждую катастрофу
На себя примерял,
Пока наконец паранойя
Не приснила мемориал.
После такого сна
Смерти бояться глупо.
Короче, мемориал:
На пьедестале
Изувеченная кабина.
Нет-нет, никаких там трупов
Или, как это говорится, фрагментов тел.
Просто видно, кто где сидел.

Кое-где
Кое-какие приборы.
Прямо на левый штурвал
Надета
Оранжевая шутовина —
Черный ящик,
Играющий то ли Бетховена,
То ли Рахманинова,
Ясное дело, второй концерт.
А в конце —
На пленке
Три минуты переговоров.
Диспетчер орет:
«Борт шестьсот... <дальше там неразборчиво>,
Я Магадан-подход
ну там или Кольцово-круг!
Не засоряйте эфир!
Почему посторонние?»
А экипаж — ни слова.
Один только женский голос:
«Не бойся, тут просто горы.
Над горами всегда трясет».
А диспетчер опять орет:
«Борт шестьсот... <дальше там неразборчиво>,
По новой фразеологии полагается говорить
Скорость! Углы! Пиздец!»
А женский голос опять:
«Ты у меня молодец.
Видишь, уже торец.
Пленку перемотай».
А кругом — тайга не тайга,
Просто всякая хвойность.
Видимо, правда, Урал,
Потому что и черный ящик,
И кабину, и пьедестал,
Облепили сто тридцать ящерок.
И у каждой опять отрастает
Маленький хвостик.

Барахольщик

Бокалы, бокалы — все для каких-то праздников.
Книги, книги — все для каких-то потомков.
Потом когда-нибудь.
А еще
(Заранее прошу прощения у дам)
Чемодан,
Полный разнообразных
Пиздюлинок.
Все на пользу.
Ползу
С домиком на спине.
Все
Ме-
дле-
нне...
Ползу туда,
Где «когда-нибудь» и «никогда»
Не синонимы.

Пломба

Вечером смотрим сказку
Про слежку-наружку,
Про «сибишку»-прослушку,
А еще про старушку с радиопломбой.
Это во время войны
Жила-была
(Сейчас уже умерла)
В Соединенных Штатах
Киноактриса.
И очень плохо
Было у ней с зубами —
Шаткими и дырявыми.
Побежала она к врачу,
А он — рад стараться —
Поставил ей пломбы.
Одну лучше другой.

А еще одну,
Как потом оказалось,
Самую лучшую.
Едет актриса домой
Мимо радиостанции,
И вдруг! Под черепной коробкой
Как зазвучит всякая чаттануга!
Едет актриса дальше
Мимо какого-то дома:
Почты или там банка.
Чу! Опять зазвучало.
Только уже не музыка,
А морзянка.
Актриса была ученая,
Смекнула, чего к чему,
И поехала к фараонам.
Вот так поймали шпиона,
Япошку-какашку.
А еще есть такая сказка,
Что человеческий мозг
Устроен как телевизор.
Можно его чинить.
Можно его ломать.
Можно его по винтикам,
Но никаких передач
Ты оттуда не вынешь.
Вот смотрю я сказку и думаю.
Если ребенок родился,
Скажем, без кинескопа
Или антенного входа,
И все только снег и треск,
Можно ребенку пломбу?
Или вставную челюсть?
Или, черт его знает,
Протез, костыль, коляску,
Чтобы он мог посмотреть
Хоть какую-нибудь сказку.
Хоть про Хрюшку-Степашку.
Хоть про пушку-тэтэшку.
Хоть какой-нибудь репортажик
Из-под бомбежек,
Ни головы, ни ножек.

* * *

Вишневые ветки забрызганы снегом.
Деревья висят в мельтешне парашютной.
Цветенье? Метель? Может, сумерки щурятся?
Окно запотело? Спросил бы, да некого.
Да, некого. Разве что радиовышка
Махнет сигаретой подъемному крану.
Но эти не скажут, с каких океанов
Циклоны пришли и повисли на вишнях.
Пора просыпаться. Пора урагану
Раздергивать пряжу с небесных веретен.
Стреляет белье, обрывая веревки.
Пустые контейнеры бьют в барабаны.

Галина Нерпина

* * *

...и снег долгожданный
похожий на чудо
не падал уже
но летел отовсюду
чертил беспощадно
меня движенья
почти нарушая
закон притяженья
бессонных небес
ускоряя вращенье
он вновь обещал
и любовь и прощенье
как будто в полете
тревожном печальном
был отблеск нездешний
любви изначальной...

* * *

Лыжня, отяжелевшая от снега,
Вдруг исчезает... Дальше — ничего.
Беспомощны: улыбка человека,
Надежда и отчаянье его.

И будет свет в окне гореть впустую,
Чужим — воспоминанья навевать.
Я без тебя давно не существую,
И тем тебе даю существовать.

Пушкин

Кто-то в шубе старомодной
Вышел рано поутру.
Воротник широкий поднял,
В лисью задышал нору.

Первых заморозков звезды
Захрустят под каблуком.
Загулять еще не поздно.
Поздно думать о плохом.

Ты в уладах быстротечных
Позабудешь страшный сон,
Как по самой черной речке
Повезет тебя Харон.

Ты царям — в глазу соринка:
Глаз слезится и болит.
Петербург окутан дымкой,
Алой лентой перевит.

Так сверни-ка в переулок,
Дверь твою запрем пока.
Как направленное дуло,
Смотрит скважина замка.

Но как только петел старый,
Встрепенувшись, прокричит,
Этот путник запоздалый
К нам в окошко постучит.

То, что сбудется вначале, —
Он нам смолоду сулил.
То, что скажет на прощанье,
Никогда не говорил.

Перед грозой

Горит восток...

Пушкин

Невидимая против солнца чайка
Мелькнет мгновенной тенью на песке —
Как росчерк твой, оставленный случайно
На безнадежно выцветшем листке.
Восток опять горит зарею новой.
И гром гремит... Смотри издалика,
Как Бог скрепляет ниткою суровой
Скользющие над ветром облака —
Таким же ветром наполняя душу..
И нужно безошибочно терпеть
Предгрозовое светлое удушье,
Внезапно отменяющее смерть.

Воскресение

То не солнце всплывает с утра —
Это в небе золотеет дыра..
Это колокола радостный звук,
Словно юбкой, накрыл все вокруг.
Солнце сядет не прежде, чем луч
По листе чиркнет, горяч и горяч.
Это солнце у солнца в крови.
Расклевали весну воробы..
Равновесия гулкая медь,
Где бессмертье сильнее, чем смерть.

Александр Сорока

* * *

Закрой глаза. Увидишь — там чабрец
среди камней. Он отцветает.
И шарик вверх взлетает иногда.

Украдкой за игрой детей следим.
Им все равно — смеемся мы иль плачем,
они не засыпают никогда.
Лишь к нам прислушиваются.

Мы говорим: «Там плавают суда,
туда-сюда, на землю и под небо».

«На землю и под небо», — говорим.
А сами землю трубочкой коптим
и пепел выбиваем в небо.

Мы говорим: «Там, за буйками, — осень,
ее дымы, туманы, запах, звук».

«Ее дымы, туманы», — говорим.
А сами в спятившее зеркало глядим,
где новый хан примерил новое лицо,
где новое родилось колесо,
где двое переходят речку вброд,
где все давно уже наоборот:
они к воде — вода от них бежит.
Она бежит, а рядом он лежит.
Он так лежит, что видится вдова.
Он догоняет, а она едва.

Мы говорим: «Он сжег свою листву».
«Ты сжег листву», — мы говорим ему.

Он улыбается. А шарик все летит.
Он, как обычно, трубочкой дымит.
И двое переходят речку вброд.
Цветет чабрец.
Поплачь наоборот.

«Поплачь наоборот», — я говорю.
Ты смотришь так, как будто я горю.
Я не горю — я речку вброд перехожу.
Я эту речку за собой везде ношу,
ее легко носить...

Записка, извлеченная из бутылки

Не так он страшен.
Лгут глаза. Он спит,
на стуле сидя.
Лампочка не греет.
На улице никто не голосит.

В окне темно.

— Собака, девочка, — бормочет объявление, —
мол, потерялась — там, за поворотом,
где на бутылку третьего все ждут.

Бабахают хлопушки в темноте
среди домов, где дождь.

Здесь наша улица была.
Теперь —

часы ползут и ухают совой.

* * *

Ребенок знает черта, что ему? —
ему над лысым только посмеяться.
Он знает, что рогатый — это цаца
среди других игрушек на полу.

Черт облачен в шикарный пиджачок.
В руке его Пегас, а то — бычок.
Он блеет. Дым пускает из ноздри.
Над городом горит Звезда Зари.

Черт важно говорит: «Ты дурачок.
Вот посмотри — в руке моей бычок.
Я очень страшен и пускаю дым».

Ребенок потешается над ним.

Ребенок знает черта, что ему?..
А звезды катятся в предутреннюю тьму.

Складень со старухой

1.

В нем бродит брага.
Сам же бродит
по улицам, где ни людей, ни ветра.
Плюет слова в окурки мостовой.

2.

И стонут мачты корабля,
с которого не убегают крысы —
кругом земля.
Спокойно, рулевой! —
Ты — бусина на четках у старухи.
Сухие пальцы шелестят —
«Помилуй, Боже», и «Отче наш»,
и «Верую» все шепчет.

Старуха древняя.
Она не существует.
Лишь ходики на стенке и свеча.

И четки.

— Помню («Отче наш») —
мы с ним сидели у реки. Он камни
бросал в луну. И что-то говорил.
Потом — пропал.
Вот — бусина.

— Вот («Господи, помилуй») — с этим
любили в парке вечерами долго
гулять. Убит весной.
Вот — бусина.

Бормочет старая.
Все думают — молитвы.

— Вот («С путешествующими спутешествуй») —
был моряк. Все звал уехать.
На Север ли? На Юг?
Сейчас не помню.
Его уж нет.
И моря...
Вот — бусина.

— А вот — пустая нитка — этот
меня не помнит. Встретила недавно.
Был пьян. А и всегда пил много.
Одной лишь бусины и не хватает.
О нем.

3.

В нем бродит брага.
Сам же бродит
по улицам, где ни людей, ни ветра.
Подходит к двери.
Думает: «Зачем?»

Плюет ступенькам.

Прерванный сон

Насте Р.

Она говорила для них, далеких,
Про себя, негромко. Едва шептала
Что-то про море, еще — про елки,
Про дождь, мошку, про — на закате лодку.

Они стояли, не сняв одежды.
Кричали что-то. Зевали ртами.

А оказалось — не те, не к ней.

Не с моря.

Дмитрий Плахов

current receiver

в городе омске где проживал георг ом
сопротивление равнялось пи эр квадрат
сила тока реки выталкивала паром
на пологий извилистый плес аккурат
супротив котельной и чем упрямей сей факт
тем длинней транссибирский тракт

наводить индуктивность как тень на плетень мастак
дебаркадера ржавые ребра речное лоно
изучил вполне и во всех побывал местах
мимоходом постигнув суровый закон кулона
закорючки магических формул на трех листах
но чадит в изголовье свеча и постель пуста

прочь на реку отсель там проказы и бабий визг
заседает конвент на трибуне горит ампер
электрический скат нежно жалит его мениск
молодого мин херца лобзает седой мон шер
все не то и опять горизонт градиентом сер
голова пуста как палата весов и мер

заключенный в округлый контур квадрата пи
напряжение жил на зияющий ноль деля
оголенной рукой вот попробуй теперь слепи
круассанов версаля и ромовых баб кремля
и замерзни потом на границе глухой степи
на участке большой цепи

Singultus

утро приходит как вор что подошвы правит
острою бритвой и после не хрустнет гравий
крики гортензий в саду флоксов икота
не потревожат покамест иакова и федота
друга обряще вотще на сыром плаще
как дионис в плюще

утром нефритовый кролик приносит блюдо
с розовым чаем и губы его смеются
будет федот щетины лишен а иаков пейсов
крокусов рыжий пожар лед эдельвейсов
сопровождает неспешный их cup of tea
в утренней мякоти

полдень ворует тени и выси горни
страхом объятые травы пускают корни
время тягучее липкая струйка пота
вот переходит икота с якова на федота
после помедлив чуток снова на якова
после на всякого

вот никодим что смотрел на работе порно
гулко икает и кровь орошает горло
вот венедикта икота скрутила рогом
давеча лгал он и клялся при этом богом
прочие все кого страшный конец постиг
делали глупости

боже мой святыи крепкий плечистый бравый
знает что делает левой и то что правой
минет ли чаша сия то моя ль забота
так возглашает иаков и бьет по лицу федота
нет не твоя прерывает федот иакова
и об колено шмяк его

Bifurcation

не дерево которое растет
не птица что над деревом летает
но человек чей инструмент остер
в моем мозгу незримо обитает

не серафим из города саров
не святополк коварный и неробкий
а кто ж тогда обрел и стол и кров
в отдельно взятой черепной коробке

я помню все хоть это был не я
ходил мальчишкой на плотях в заречном
дробилась философская струя
о философский камень и о вечном

шептала мне вернее нет не мне
тому мальчонке я его не помню
он был кретин и при пустой луне
шептал слова одной кретинке полной

тетрадь моей исписана рукой
как я провел каникулы в тоledo
в то лето я был в точности другой
но кто прочтет но кто поверит в это

сейчас и здесь а не тогда и там
азм есмь пин-код своей кредитной карты
так кто за мною ходит по пятам
и кажет кукиш из-под школьной парты

так кто узнав секрет разрыв-травы
умалишенный с бритвою в деснице
в мансарду этой круглой головы
пролез сквозь обнаженные глазницы

та птица что над берегом реки
то дерево что непокорно корню
меня другим названьем нареки
я не был им я ничего не помню

Cancer carsus — 2

где вервие поддерживает тын
где ехал хмурый через реку грека
тебе цена в базарный день алтын
мой одинокий голос человека

прогнивший остов сумрачный причал
гуляет ветер меж дырявых крыш но
мой голос здесь во славе не звучал
руин среди его совсем не слышно

но слышен шепот будто из воды
я рак речной и здесь перезимую
зыбуч песок и не хранит следы
не то душа хранит любовь земную

сегодня ночь безлунна как на грех
лишь над волной звезда семиконечна
примкнуть штыки грядет рекою грек
не вдоль реки а поперек конечно

indago

шахматист нажимает на кнопку и ставит шах
королю угрожает не конь а скорей ишак
континент расчерчен на клетки над ним кубы
неучтенного воздуха далее лишь гробы

что вмещают в себе обесточенный микрокосм
а вокруг материя косна как ветхий мост
под пятой его разъезжаются берега
по реке проплывает труп твоего врага

хоть теперь не спи мой застенчивый трубадур
пой утрату иллюзий и крах полевых культур
ведь согласно последним данным сети ГЛОНАСС
кроме божьего ока никто не отыщет нас

production cycle

Вдали, покинув коновязь,
Пылил копытом красный конник.
Окно, где кружевная бязь,
В нем ты стояла не таясь,
Воздвигнув грудь на подоконник.

Умчался, не сыскать концов.
«Райком закрыт, все бабы в поле».
Средь молотилок и вальцов
Они рожают нам бойцов
И носят их домой в подоле.

Цыплят по осени не счесть,
Теперь распутица у власти.
На то нам грамота и есть,
Чтоб эту вывеску прочесть.
Благая весть. Христовы страсти.

Вот дева с русою косой.
Мария в святцах, не иначе.
Умыта божьею росой,
И мальчик на руках босой,
И всадник облаками скачет.

драма

Роман Сенчин

Виктория Доценко

Татьяна Голюнова

Александр Архипов

Анастасия Истомина

Михаил Дурненков

Разбег

Удивительно, но все авторы, представленные в этом сборнике, мне лично давно знакомы. О каждом можно рассказывать бесконечно долго, потому что за плечами почти каждого многолетний писательский труд и уже ощутимые успехи. Викторину Доценко, Михаила Дурненкова, Александра Архипова знаю еще по работе в журнале «Современная драматургия», мы с удовольствием печатали их пьесы, а потом многие театры с не меньшим удовольствием их ставили и продолжают это делать. С Ромой Сенчиным параллельно учился в Литинституте, и он частенько сбегал с семинаров прозы к нам на драму. Потом, прочитав в толстом журнале его роман «Елтышевы», был откровенно восхищен, о чем и сказал при встрече. Анастасию Истомину и Татьяну Голюнову знаю по семинару драмы, который проводил Союз писателей Москвы. Наверное, это самые молодые из представленных авторов, но их тексты, во многом еще несовершенные, все равно вызывают интерес. Что такое для меня мини-пьеса? Примерно как в спорте: есть спринтер, а есть стайер. Кто-то на короткую дистанцию, а кто-то «олимпийский марафон». Главное, как говорят спортсмены, чтобы дышалки хватило. С пьесами почти так же. Вроде разбежался на «полнометражную» пьесу, с двумя актами, как положено, но вдруг... Герои все сказали, все сделали, ты смотришь на них пустым глазом и предложить больше ничего не можешь. Закончилось «дыхание» истории, и сам не понимаешь почему. Тогда делаешь финал, называешь все мини-пьесой, заранее зная, что театр это не заинтересует и на поклонны благодарный зритель тебя не вызовет. Но, в отличие от спортсменов, мы сами можем выбирать, сегодня я спринтер, а завтра как разбегусь... Хватило бы дышалки. У представленных в сборнике авторов она явно присутствует. Значит, будем ждать от них в ближайшее время «большого формата».

Александр КОРОВКИН

Роман Сенчин

Суббота

Пьеса в одном бездействии

Действующие лица:

Алексей, 37 лет

Настя, 36 лет

Даша, 12 лет

Ксюша, почти 5 лет

Комната типовой квартиры. Большая кровать, занимающая четверть площади; шкаф, стеллаж с книгами, вазочками, фотографиями; стол с компьютером. На тумбочке стоит телевизор. Ощущение тесноты. На кровати лежат Алексей и Настя, пьют кофе. Смотрят телевизор.

Настя. Какая программа скучная, нигде ничего... Суббота ведь.

Алексей. У людей специально вырабатывают ненависть к телевидению, чтобы наконец-то начали активную жизнь. Шли на улицу, читали книги, занимались физкультурой...

Настя. Спасибо. Мне и в будни хватает активности.

Алексей. М-да уж...

Настя. Что ты имеешь в виду?

Алексей. Да ничего.

Настя. Ты опять намекаешь, что я не работаю? Зато я с детьми.

Алексей. Одна в школе, другая в садике.

Настя. А музыкальная? А хор? Балет? Студия?

Алексей. Все-все, перестань. *(Тычет на кнопку пульта.)* Хотя бы новости... узнать, где что взорвалось... На какой «Евроньюс»?

Настя. Не знаю.

Алексей. Да ладно, перестань дуться! Я так, шучу... И так пять дней нервы тянули, еще и дома...

Настя. Я просто не понимаю, почему ты меня тунеядкой какой-то считаешь и постоянно даешь мне это понять! Хорошо, я могу устроиться, и мы будем питаться в кафешке или полуфабрикатами тухлыми, детей будет водить няня. На сколько нам хватит наших зарплат?

Алексей. Ну ладно, все, закрыли тему... А, на «Культуре» же до десяти «Евроныус»...

Пауза.

Настя. Что на завтрак приготовить?

Алексей. Мне все равно.

Настя. Ну выбери что-нибудь. Что — омлет с сосисками? Пельмени? Гренки? Что? *(После паузы.)* Говори! *(Толкает его локтем.)*

Алексей. Да не знаю я. Мне все равно... Блин, кофе плеснулось...

Пауза. Смотрят на экран телевизора.

Алексей. Опять в Дагестане министра хлопнули... Надо подсчитать, сколько там за последние десять лет мужчин повыбили. Так можно и генофонд потерять.

Настя. Не беспокойся — они по всей России расселились. Тем более у них все там так перепутано... За наш генофонд надо бояться.

Алексей. Я двух девок сделал, теперь дело за ними — пускай мужиков нормальных находят. И мне чтоб достойную старость.

Настя. Для этого им нужно образование дать.

Алексей. Ох-х, я без копейки и школу окончил, и второй разряд по шахматам получил, и высшее образование.

Настя. Слушай, ты как старик. Сейчас другое время, другие правила.

Алексей. Надо менять эти правила.

Настя. Ну так иди и меняй. Сергей Удальцов вон каждый день борется.

Алексей. Ладно, хорош. Нашла пример.

Настя. А что?

Алексей. Да ничего. На митингах горлопанить да рассылки по интернету слать... Борьба...

Настя. А ты что предлагаешь?

Алексей. Ничего я не предлагаю.

Настя. У него, кстати, жена отличная. Моя тезка. Мы с ней френды. Соратница мужа... Двое мальчиков... Активно живут...

Алексей. Поздравляю. Оставьте только меня в покое, дайте спокойно провести выходной день... Зачем я вообще проснулся сегодня?

Пауза.

Настя. Дай переключалку.

Алексей. Я смотрю новости.

Настя. Они уже кончились. По второму кругу пошли.

Алексей *(переключает программы)*. Сейчас найду что-нибудь...

Настя. Ну вот было! Верни.

Алексей. Куда вернуть?

Настя. На ТНТ.

Алексей. «Сашу и Машу», что ли? Ну, это ж старье, по двести раз каждую серию видели.

Настя. А мне нравится... Хотя какое-то дуновение романтики.

Алексей. Да какая тут романтика?! Сплошная бытовуха и тупизм. И это у них детей еще нет. *(Пауза. Начинает хохотать.)*

Настя. Чего ты ржешь?

Алексей *(сквозь смех)*. А когда... когда дети... Когда дети — начинаются «Счастливы вместе»!

Настя. Ой, как смешно. *(Морщится.)*

Алексей *(посерьезнев)*. Да, смешно. Смешно до слез.

Пауза. Смотрят на экран.

Алексей. Переключи. Я деградирую от таких фильмов.

Настя. Поднимайся. Сделай зарядку. Прими душ.

Алексей. Это тебе нужно зарядку...

Настя. Давай вместе. Я не могу, когда я прыгаю, приседаю, а кто-то лежит и смотрит.

Алексей. Кто это — «кто-то»?

Настя. Все, поднимайся.

Алексей. Да не хочу я. Дайте мне хоть два дня в неделю спокойно... Есть программа? В газете где-нибудь? Переключи. Найди что-нибудь интересное.

Настя. У нас разные понятия об интересном.

Входит Даша.

Алексей *(расстроено)*. Ну вот...

Даша *(без бодрости)*. Доброе утро. *(Садится на край кровати.)*

Настя. Доброе утро.

Алексей. Доброе...

Даша *(глядя на экран)*. Можно за компьютер?

Настя. Умойся сначала, зубы почисти. И сядешь. И не забывай об уроках. Экзамены вот-вот... И пьесу повторяй.

Даша вздыхает, уходит.

Настя. Совсем обленилась девка.

Алексей. Не обленилась, а устает.

Настя. От чего устает? У нее довольно шадящий режим.

Алексей. Да просто от Москвы так устать можно...

Настя. Ну, везде есть недостатки.

Алексей. В Москве их что-то слишком.

Настя. Слушай, мне надоела эта твоя песня вечная. Зачем тогда ты сюда приехал? Тебя никто не тянул.

Алексей (*вздыхает*). Чтобы встретить тебя.

Настя. Меня давно не задевает твоя дурацкая ирония... Ты приехал сюда из своего Абакана за человеческой жизнью, и ты (*голос начинает дрожать*), ты ее получил. Красивую женщину... по крайней мере тогда молодую и красивую женщину... с двухкомнатной квартирой... и она родила тебе двух красивых дочерей. И может сына родить, если эту женщину любить...

Алексей. Ну ладно, все, Настя, не распыхивайся. Извини, устал просто, раздражение накопилось.

Настя. Да ладно... (*Спохватывается.*) И на кого это у тебя раздражение?

Алексей. Не на тебя, не на тебя. (*Пытается ее обнять.*) Просто... На жизнь. На Москву эту тесную, на людей. Везде люди, люди, люди... Пятнадцать лет, и как в котле каком-то кипящем...

Настя. Ты это уже говорил тысячу раз. И что ты предлагаешь? (*Прислушивается.*) Что Дашка там так водой-то хлещет? Затопит пол опять... Ну, что ты предлагаешь, Алексей Юрьевич?

Алексей. Да ничего... А что я могу? Переезжать ты куда-нибудь не согласна.

Настя. Конечно, мне детей надо поднимать. В твоём Абакане они, что ли, образование получают?

Алексей. При чем здесь Абакан? Можно в Питер.

Настя. Хорошо. Найди там жилье приемлемое, и переезжаем.

Алексей (*протяжно вздыхает*). М-да-а... Спасибо за совет.

Входит Даша, устраивается за компьютером.

Алексей. Даша, не надо так сильно воду открывать. От этого смеситель портится и течь начинается. Я тебя уже просил.

Даша (*недовольно*). Хорошо.

Настя. И не засиживайся. Нужно к экзаменам готовиться.

Даша. Хорошо.

Настя. Историю выучила?

Даша. Ну, так...

Настя. Папа проверит сегодня. Да, папа? Папа ведь окончил истфак.

Алексей. Не сыпь мне соль.

Настя (*поднимаясь*). Пойду завтрак готовить. Что сделать?.. А?

Алексей. Мне хоть что.

Даша. Мне тоже.

Настя. Хорошо, варю кастрюлю перловки.

Даша. А сосиски есть?

Настя. Нету.

Даша. Тогда не знаю.

Настя. Понятно. *(Уходит.)*

Даша шелестит клавишами компьютера, Алексей переключает программы.

Алексей. Письма пишешь?

Даша. Ну, так... Отвечаю тут...

Алексей. Кому?

Даша. Ну, так...

Алексей. Я-асно... О, новости... Ого, десять часов уже... *(Делает звук телевизора громче.)*

Голос президента. Россия — не только нефть и газ, не только алмазы и золото, но и серьезный интеллектуальный потенциал...

Входит Ксюша.

Алексей. О-о, добрый пията пришел!

Ксюша. Па-ап, не шути... *(Забирается на кровать.)* Включи мне мультик.

Алексей. Сейчас новости кончатся, и включу.

Ксюша. Ну-у, пап, я никогда не смотрела.

Алексей. Сходи сначала пописай, умойся, зубы почисти, и тогда будешь смотреть.

Ксюша. Не хочу.

Алексей. Давай-давай, Ксения, нужно умываться. Помнишь ведь стихи, как мальчик не умывался и его чуть крокодил не съел.

Ксюша. Это сказка.

Алексей. А в жизни еще хуже бывает — зубы выпадают, в ушах червячки заводятся, глазки от грязи слипаются, и человек ничего не видит... Скажи, Даш... Даша!

Даша. Что?

Алексей. Что если не умываться, то червячки заводятся.

Даша. Да, большие и желтые. Нас водили в медицинский музей...

Ксюша. Ну включите мне мультик!

Алексей. Пока не умоешься, не включу.

Ксюша сползает с кровати. Уходит. Через несколько секунд ее голос: «Включите мне свет!»

Алексей. Даша, включи ей свет. И с водой помоги.

Даша уходит, потом возвращается.

Алексей. Все нормально?

Даша. Уху.

Алексей. Не «уху», а «да».

Даша. Да. *(После паузы.)* Пап, а «Черную Молнию» можно на самом деле изобрести?

Алексей. Ты до сих пор этот фильм забыть не можешь?

Даша. Мне понравилось.

Алексей. Ну да, для твоего возраста — неплохой фильм.

Даша. А что, фильмы, которые для детей, взрослым не могут нравиться?

Алексей. Вполне. То, что мне нравилось лет в двенадцать, в семнадцать уже казалось... ну, не таким интересным. А в двадцать пять...

Голос Ксюши: «Включите мне свет, я хочу писать!»

Алексей *(Даше)*. Ты же ходила включать.

Даша. Я в ванной включила. *(Уходит, быстро возвращается.)* А почему? Я понимаю, конечно, что сказки, мультики — это для детей...

Алексей. Бывают мультики только для взрослых.

Даша. Ну да... А для подростков и для взрослых почему разные фильмы?

Алексей. Потому что подросткам не все нужно знать, что нужно знать взрослым. Жизнь, она постепенно открывается.

Даша. И что там?

Алексей. В смысле?

Даша. Ну, что подросткам нельзя знать?

Алексей. Много чего. Потом узнаешь. Постепенно.

Даша. А хорошее или плохое?

Алексей. Разное, Даш, разное будет...

Приходит Ксюша.

Ксюша. Я все. Включите мне мультик.

Алексей *(вздыхает)*. Да, конечно, забирайся сюда. *(Переключает программы.)* Что-то нет уже, кончились.

Ксюша. Ну-у...

Алексей. Давай диск посмотрим. Какой включить?

Ксюша. Никакой. Я хочу из телевизора.

Алексей. По телевизору утром показывают. Уже прошли все. «Дважды два» нельзя, там плохие...

Даша. Пап, а если бы у тебя «Черная Молния» вдруг появилась?..

Ксюша. Мне нужны из телевизора...

Даша. ...ты бы как поступил? А?

Алексей. Подожди, Даш!.. Ксения, имей совесть! У тебя дисков штук двадцать, кассеты... Мне бы в детстве такое... (*Копается в тумбочке рядом с кроватью.*) Выбирай: «Золушка», «Щелкунчик», «Шрэк», «Варежка», «Чебурашка», «Гонки», «Смешарики» твои любимые...

Ксюша. Я все уже видела!

Алексей. Блин, да что ж это...

Даша. Пап...

Алексей. Да подожди, я тебе сказал!

Даша. Да я про другое. На тридцать пятом «Бибигон». Там, наверное, мультики.

Алексей. А, точно... Спасибо, Даш... (*Ксюше.*) Это будешь смотреть?

Ксюша. Да, это буду. Это я не видела.

Алексей. Да уж, «Том и Джерри»... Что ты хотела спросить, Даша?

Даша. Ты бы как поступил, если бы у тебя «Черная Молния» появилась?

Алексей. Хм... Ну и вопросы... Тоже бы... Помогал бы тем, кто попал в беду.

Даша. Правда?

Алексей (*неуверенно*). Ну да... А как...

Входит Настя.

Настя. Так, пошли завтракать. Омлет с колбасой, какао, салат.

Даша. Мам, а можно здесь?

Настя. Давайте все вместе, семьей...

Алексей. Можно всем вместе здесь. И Даша помоеет посуду. Да, Даша?

Даша. У-у...

Алексей. Дарья!

Даша. Ладно.

Алексей и Даша встают, идут в кухню.

Ксюша. Мне принесите омлетика. И колбаски. И хлеба. (*Напряженно смотрит на экран телевизора.*)

Возвращаются Алексей, Даша, Настя. Даша садится за компьютер.

Настя. Даша, через десять минут уступишь мне место... Слышишь?

Даша. Да. (*Ест и что-то набирает.*)

Настя. Ну и что, мы будем мультик, что ли, смотреть?

Алексей. А что делать...

Настя. Ксюш, можно мы с папой какой-нибудь фильм посмотрим?

Ксюша. Нет! (*Хватает пульт.*)

Алексей. Ладно-ладно, ешь.

Настя. Поешь, и Расскажи стих. Нужно оттачивать... (Алексею.) Что вообще-то делать будем?

Алексей. В смысле?

Настя. Как день проведем?

Алексей. Ну, можно погулять... а можно и не гулять.

Настя. Дети, мы идем гулять?

Даша. Я не хочу.

Ксюша. Я тоже... Я мультики буду смотреть.

Алексей. А я спать буду. Завтра воскресенье — завтра на весь день за-буримся в Коломенское. Наберем соку, чипсов, бутербродов, и туда... Со-гласны?

Ксюша. Я сейчас хочу чипсов!

Настя. Давай выбирать — или чипсы, или мультики. То есть будешь есть чипсы и смотреть мультики на кассетах.

Ксюша. Нет, я хочу здесь.

Настя. Сколько раз просила антенну на их телевизор сделать...

Алексей. Я сделал.

Настя. Она не ловит ни фига.

Алексей. Я не электрик... (Встает.) Ладно, спасибо... Очень вкусно и приятно... (Уходит.)

Настя. Так, Даш, округляйся.

Даша. Ну-у, мам...

Настя. Через два часа я тебя пуцую. Мне нужно срочно посмотреть важное... Ты обещала историю пересказать.

Даша. Сейчас освобожу...

Возвращается Алексей. Останавливается перед стеллажом и рассматривает книги.

Настя. Леш, Дашу проверишь по истории? У нее экзамены через две недели уже.

Алексей. Гм...

Настя. Да-да. А я — по математике.

Ксюша. Все, я поела. Принесите мне сока.

Алексей. А ты сама не можешь?

Настя. Она разольет. Там двухлитровый пакет... Леш, принеси пожа-луйста. И тарелку захвати.

Алексей уходит.

Настя. Ксения, давай приучайся самостоятельно. Пять лет почти... Или «пожалуйста» хотя бы говорить не забывай.

Даша. Все, освободила.

Настя. Так, полчаса повторяешь и сдаешь папе. А сейчас на фаготе один раз сыграй.

Даша. Угу. *(Уходит.)*

Алексей *(входит)*. На сок. *(Подает Ксюше кружку.)*

Ксюша. Спасибо. Пап, а мы будем сегодня играть?

Алексей. Во что?

Ксюша. В кукол и принца. Там будет много кукол, а потом придет принц и они будут любиться.

Алексей. Кхм... Это вы в садике в такое играете?

Ксюша. Да. Мы с Сашей играем и с Динаром...

Алексей. Насть, ты слышишь?

Настя. А? Что?

Алексей. Да ладно, потом... Конечно, ЖЖ важнее...

Настя. Что опять? *(Раздражаясь.)* Завтрак я приготовила, мясо на обед выложила. Что от меня нужно?

Алексей. Да ничего... ладно...

Ксюша. Пап, будем играть?

Алексей. Да-да, будем.

Слышится мелодия, исполняемая на фаготе. Алексей и Настя слушают. Ксюша заткнула уши.

Настя *(громко, когда фагот смолкает)*. Молодец! Только плавнее нужно, а у тебя рвано пока.

Алексей. Ну дак, ребенку такой инструмент... Потом будет болеть...

Настя. А что ты предлагаешь? Тем более ей самой нравится.

Алексей встает, рассматривает книги на стеллаже.

Настя *(мягче)*. Ты что-то ищешь, дорогой?

Алексей. Почитать хочу что-нибудь. Все старье одно.

Настя. Прилепина почитай.

Алексей. Ты уже предлагала... Это для вас писатель.

Настя. Для кого «для нас»?

Алексей. Ну, для слабого пола, так сказать.

Настя. Почему это? Прилепина и мужчины любят.

Алексей. Ну и прекрасно.

Настя. Я не понимаю, что ты все злишься? Пошли в Коломенское. Погода... *(Смотрит в окно.)* Там тучи...

Алексей. И что? Прилепинские герои пошли бы и в дождь гулять. И смеялись бы от счастья. И кричали бы: «Славно! Как славно!»

Настя. До идиотизма не надо все доводить. Хороший писатель, от него настроение поднимается.

Алексей. Я читаю не для поднятия настроения, а чтобы понять, почему так все происходит.

Настя. Ты жизнью недоволен? Почитай «Путешествие на край ночи». Где-то было. *(Смотрит прищурившись на стеллаж.)* Я купила как-то на распродаже... Может, выкинула уже...

Алексей. Я-асно. *(Ложится на кровать.)* Спать буду. Спать и видеть сны... и зеленеть среди весны.

Настя. Погоняй, пожалуйста, Дашу по истории. И я потом подключусь. Ее нужно подстегивать. *(Кричит.)* Даш! Даша!

Входит Даша.

Настя. Давай папе расскажи по истории.

Даша. Я еще не все выучила.

Настя. Ну, что есть. Первый билет знаешь?

Даша. Ну, так...

Алексей. Неси билеты, учебник. Посмотрим хотя бы предварительно.

Даша уходит, возвращается с учебником, листами.

Алексей. Та-ак, посмотрим-посмотрим... Первый билет, первый вопрос: «Восточные славяне в древности». Слушаю.

Даша. Ну, древнейшие люди поселились в России в самые древние времена. Примерно... ну, где-то семьсот тысяч лет назад... На Кубани... Там был хороший климат... Они охотились на грызунов, ели ягоды... Они жили... ну, у них были человеческие стада, двадцать-тридцать человек. Так было легче... Потом наступили холода...

Алексей. Погоди-погоди. Вопрос же о восточных славянах, а ты совсем про древних.

Даша. Ну да, славяне в древности.

Алексей. Дай мне учебник. М-м, действительно... «Глава первая. Наша родина в древности»... Нет, вот — третий параграф: «Восточные славяне». Вот это нужно рассказывать.

Даша. Где? *(Смотрит в учебник.)*

Алексей. Ты это читала?

Даша. Ну, так...

Алексей. Тогда рассказывай.

Пауза.

Алексей. Ну, чего? *(Смотрит в учебник.)* Где издавна жили славяне?.. В Европе и на части Азии... Нет, подожди, это индоевропейцы... Вот: примерно во втором тысячелетии до нашей эры из индоевропейских

племен выделились балто-славяне. Они заселили — что? (*Смотрит на Дашу*.) Что они заселили?

Даша. Европу и Азию?

Алексей (*смотрит в книгу*). Часть территории Центральной и Восточной Европы. В пятом веке до нашей эры разделились на балтов и славян. Славяне освоили территорию от среднего течения Днепра до реки Одер. Так?

Даша. Угу.

Алексей. Так, дальше.

Даша молчит.

Алексей. В общем, этот вопрос ты не знаешь. Следующий. «Объясните понятия: скипетр, держава, шапка Мономаха». Слушаю.

Даша. Скипетр — это...

Алексей (*быстро листает учебник*). Ну-ну, вспоминай. Что такое скипетр?

Даша. Скипетр...

Алексей. А, вот!.. Ну, я слушаю.

Даша. Я не помню.

Алексей. У кого был скипетр? И держава тоже?.. Дарья!

Ксюша. Не мешайте мне смотреть мультик!

Алексей. Ксения, тихо! Тут интеллектуальная катастрофа у нас... Так, ну и у кого скипетр и держава?

Даша. У этого...

Алексей. Кто был главный в Русском государстве?

Даша. Князь?

Алексей. Нет, позже. Когда Русь объединилась.

Даша (*мучительно*). Царь?

Алексей. Слава богу!.. Ну и что такое скипетр и держава?

Даша. Ну-у... Ну я не помню.

Алексей. А шапка Мономаха?

Даша. Шапка. Царь носил.

Алексей. И что она символизировала?.. Кто такой был Мономах?

Пауза.

Алексей. Так, этот вопрос тоже не знаешь. Третий вопрос: «Работа с историческим текстом». Как это?

Даша. Ну, это там нам дадут...

Алексей (*просматривает список билетов*). А вот ответь мне: «Борьба Руси с интервентами с Запада. Александр Невский». Расскажи.

Даша. Я это еще не учила.
Алексей. А что ты учила?

Пауза.

Алексей. Все, иди учи. Читай, конспектируй. Страна готовится к модернизации, ей нужны умные молодые люди, а тут... *(Усмехается своим словам.)* В общем, завтра снова буду опрашивать по пяти первым билетам. И уже всерьез, учти!

Даша *(бурчит)*. Учту. *(Идет из комнаты.)*

Алексей. И не хами. Сама себе жизнь усложняешь... *(Ложится на кровать.)* Ничего не знает. Слышишь, родительница?

Настя *(отрываясь от компьютера)*. А?

Алексей. Ничего... Ничего ребенок не знает. Ни про славян, ни про державу.

Настя. Заниматься с ней надо.

Алексей. Давайте... Хотя что такое история... Проханов тут недавно сказал, что вообще никакой истории нет — сплошная цепь подтасовок и фальсификаций... Правду никто не знает. Мы вот живем и не знаем, как мы живем. Нам кажется, что знаем, а на самом деле... Все, Ксения, закругляйся с мультиками. Мне нужно фильм посмотреть.

Ксюша. Ну-у, пап, я хочу.

Алексей. Ой-й... *(Лежит.)* Настя, как там поэта зовут, ты его стихи мне читала?

Настя. Какого именно?

Алексей. Ну, «Москва набита телками, а у меня жена».

Настя. А-а... *(Улыбается.)* Игорь Федоров... *(Хмурится.)* А что?

Алексей. Да вспомнился. Как там у него?.. «Ничего мне с утра неохота... Ни ту-ту-ту, ни ту-ту, ни сна...» Помнишь?

Настя. Смутно. Мне у него другие нравятся, про любовь.

Алексей. Любовь... Как же там?.. «Ничего мне с утра неохота... Ничего... Ничего мне с утра неохота...»

Настя *(глядя на экран компьютера)*. «...Ни омета, ни душа, ни сна».

Алексей. Во, точно! «Не успел оглянуться — суббота, как-то вдруг наступила она. И от этого некуда деться. Помаленьку скрипит колесо. Так... так когда-то закончилось детство: не успел оглянуться — и все!» Гениально.

Настя. Слушай, у тебя кризис среднего возраста, что ли?

Алексей. У меня экзистенциальный кошмар. *(Утыкается в подушку.)*

Настя. Сходи за пивом.

Алексей. Ничего мне неохота... Ксения, закругляйся.

Ксюша. Нет, я буду мультик.

Настя. Может быть, в интернете посидишь?

Ксюша. Не-ет!

Настя. Не кричи, я не тебе. Алеш...

Алексей. И что я там найду?

Настя. Новости всякие. Тут много чего.

Алексей. Да, там много говна.

Настя. Не надо при ребенке такие слова... Могу сайт открыть, где фильмы бесплатно. И грузятся быстро.

Алексей. И что за фильмы?

Настя. Там их сотни. Я «Мыс страха» недавно смотрела, «Полное затмение».

Алексей. А «Прирожденные убийцы» есть?

Настя. Могу поискать.

Алексей. Не надо... О-о-ох-х... Почитать бы что-нибудь...

Пауза.

Настя. Прочитай «Какой случится день недели». Отличный рассказ. Не пожалеешь.

Алексей. Чей рассказ?

Настя. Захара Прилепина.

Алексей (*раздражается*). Да что ты ко мне со своим Прилепиным лезешь?!

Настя. Я, во-первых, не лезу, а советую. Хорошая литература, повышающая настроение. Таких рассказов мало... Да и людей. Смотрела недавно по питерскому про него фильм. Сильный человек, красивые дети, счастливая жена...

Алексей. А, хорош. Постановочные кадры. А на самом деле — раздражение, теснота и ругачка.

Настя. Да с чего ты взял? Посто не можешь представить, что действительно есть люди, которые живут активно и бодро. У них есть машины, дачи...

Алексей. У нас тоже есть дача.

Настя. Это дача моих родителей.

Алексей. А-а, понятно. Спасибо, что напомнила.

Настя. Я не в том смысле. Просто мне неуютно там с моей мамой. Одно дело на день приехать, другое — жить всем вместе, на одной кухне толочься... Мне тридцать шесть, и девчонкой себя чувствовать...

Алексей. Да, это так... Но можем купить дом где-нибудь... У этого твоего дом тоже наверняка не под Москвой.

Настя. Он в Нижнем живет.

Алексей. Ну тем более — там тридцать километров отъехал, и покупай за десять тысяч домину... Давай купим где-нибудь под Рязанью или в Ярославской области. В общем-то недалеко.

Настя. И как мы туда ездить будем?

Алексей. Можно и машину купить — деньги теоретически есть. Сдавай на права.

Настя. А почему не ты сдавай?

Алексей. Нет, я по вашей Москве ездить не смогу. Или разобьюсь, или кровавую баню устрою в какой-нибудь пробке. У меня психика не выдерживает.

Настя. Хороший ответ. (*Громко.*) Даша, сыграй еще раз пьесу!.. Так, надо обед готовить... Что лучше — мяса пожарить, или пельмени?

Алексей. Мне хоть что.

Настя. Ксюш, ты что будешь на обед?

Ксюша. Я-а? А сосисочки есть?

Настя. Сосисок нет. Завтра купим. Пельмени со сметанкой или мясо с гречкой.

Ксюша. Мне пельмени!

Алексей. Давайте тогда пельмени. А мясо, может, вечером.

Настя. Сейчас варить?

Алексей. Я лично не голоден.

Настя. Ксюша, ты есть хочешь?

Ксюша. Хочу. Сто пельменей со сметаной.

Звонит телефон.

Настя. Леш, у тебя где-то телефон. Возьми.

Алексей (*в трубку*). Алло... А, привет, Илюх! Ты в Москве?.. Что-то ты зачастил... А-а, понятно... Что, приезжай, посидим... Ну, завтра тогда давай. Хариуса-то привез? Во, классно. Как раз под водочку... Хорошо... Все, будем готовиться... Передам. Пока. (*Кладет трубку.*) Илюха приехал опять. Тебе привет.

Настя. Что, когда придет?

Алексей. Завтра в час. Хоть поговорить будет с кем.

Настя. А что, со мной уже и говорить не о чем?

Алексей. Я имею в виду — поговорить о родине, о юности моей... Вот жизнь — он уже подполковник ФСБ, а я...

Настя. Ты выбрал другой путь. Мог бы тоже в ФСБ идти, тебе, кажется, никто не запрещал.

Алексей. М-да-а... никто...

Настя. И что он так часто стал приезжать?

Алексей. Совещание, говорит... До этого вроде стажировки были... Завтра расскажет... Харюсков привез.

Настя. Здорово... Что, варить пельмени?

Алексей. Мне все равно... Вот видишь как — было нас в выпускном классе шесть парней. Трое сидят, один — подполковник ФСБ, один — кинолог на зоне. И еще я, хрен знает кто.

Звучит фагот.

Настя. Почему это — хрен знает кто? Старший менеджер, хорошая зарплата...

Алексей. Да, верх счастья. Слушай, давай в этом году в Абакане отпуск проведем. На самолете туда и обратно.

Настя. Как вспомню этих ваших комаров, этих оводов...

Алексей. Это просто живая природа. Это здесь уже ничего не осталось, кроме голубей, трех мух и миллионов людей-мутантов. Даже тараканы повымерли...

Настя. Ты по тараканам тоскуешь?

Алексей. А что, мне лично страшно, что они исчезли. Вот куда они могли деться?.. Кстати, ты знаешь, что они по строению очень схожи с людьми...

Настя. Ну все, прекрати, а то меня вырвет.

Ксюша (*слезает с кровати*). Папа, пойдем играть.

Алексей. Иди готовься, я сейчас.

Настя. Ксюш, расскажи стихотворение.

Ксюша. Не хочу-у.

Алексей. Тогда я не захочу с тобой играть. Расскажи быстро, и все.

Ксюша. На пахад, на пахад

Все спешат с утха,

Все поют, все кхичат

Гхомкое «уха!»

Маша обижает

Стой солдат,

Касные знамена

Огнем гохят!

Алексей. Ну, более-менее.

Настя. Что — более-менее?.. Почему ты «р» не выговариваешь? Ты ведь уже научилась. И, Ксюш, не «Маша обижает», а «маршал объезжает строй солдат»... Пап, объясни, кто такой маршал.

Алексей. Маршал — это главный командир солдат. Понимаешь?

Ксюша. Как капитан?

Алексей. Еще главное. Главное капитана... А «объезжает»... Он на параде объезжает солдат, которые стоят вот так... *(Показывает пальцами.)* В общем, строем стоят солдаты... Понимаешь?

Ксюша. Уху...

Алексей. Не понимаю, зачем таким маленьким стихи с такими словами задавать?.. Ладно, Ксюш, иди собирай кукол, готовься.

Ксюша. А принца тебе дам, он будет капитаном и потом придет.

Алексей. Хорошо.

Ксюша уходит.

Алексей. Ох, когда ж она вырастет...

Настя. Зачем? Оглянуться не успели, и Дарья уже совсем девушка. Двенадцать лет.

Алексей *(уныло)*. М-да-а...

Настя. Что ты так вздыхаешь-то? Прекрасная девушка. Вон как играет.

Алексей. А однажды зайдет и скажет, как в фильме Германики: «Мама и папа, идите туда-то!»

Настя. Да ну, перестань!

Алексей. А что, сплошь и рядом такое.

Настя. Перестань, говорю... Ты своим родителям так говорил?

Алексей. Ну, не прямо так, но по смыслу — типа того. А ты? Только честно.

Настя *(после паузы)*. Да, один раз было. Тоже, кстати... не пустили на дискотеку. Двойку получила за контрольную, и меня не пустили. А это был класс седьмой, и у меня истерика...

Алексей. Ну вот. Нужно готовиться.

Настя *(полушутя)*. Я тебя прибую сейчас. *(Поднимается.)* Так, ставлю воду для пельменей. А мясо — на вечер?

Алексей. Да.

Настя уходит. Алексей смотрит на экран.

Ксюша *(входит)*. Вот принц. И вот его рубашка. Одень.

Алексей. «Надень» нужно говорить... Хотя... в этом случае... «Одень принца»... «Надень рубашку на принца»... Крыша треснет...

Ксюша. Надень. *(Сует Алексею принца и рубашку.)*

Алексей. Да, хорошо. Иди к куклам. Готовьтесь...

Ксюша уходит. Алексей пересаживается к компьютеру. Входит Даша.

Даша. Па-ап.

Алексей. Что?

Даша. Пап, а сейчас квартир меньше строят ведь?

Алексей. Почему?

Даша. Ну кризис же.

Алексей. Да какой это кризис... Ну, в общем, да — меньше. И что?

Даша. И они из-за этого дороже или дешевле стоят будут?

Алексей. По идее — дороже.

Даша. Но ведь у людей же меньше стали зарплаты из-за кризиса.

Алексей. И что?.. А, ты в этом смысле... Те, кто поставил реально цель купить квартиру — купит. Большинство же тех, кому они нужны, даже не мечтают. Понимаешь?.. Если семья зарабатывает в месяц тысяч... ну, шестьдесят рублей, а квартира стоит... миллиона два. Если даже есть одни макароны с кетчупом, то нужно копить много-много лет... Есть, правда, кредиты, ипотека, но тоже доходы должны быть очень большими...

Даша. А у нашей семьи сколько получается в месяц?

Алексей. А что?

Даша. Да так.

Пауза.

Алексей. Даш, все будет хорошо. Тебе еще рано об этом думать. Будет у тебя своя квартира... Все хорошо будет. Иди, пожалуйста, готовься к экзаменам. Главное для тебя сейчас — хорошо учиться.

Даша. Да уж... *(Идет.)*

Алексей. Не хами, пожалуйста. *(Стучит по клавишам.)* Действительно, только хамить и остается... *(Напевает.)* Муравейник живе-от. Кто-то лапку сломал — не в сче-от...

Звучит энергичная песня «Комон эврибади». Алексей задумчиво смотрит на экран компьютера. Входит Настя.

Настя. О, кто это? Что-то знакомое...

Алексей. Рок-н-ролл пятидесятых. Эдди Кокран.

Настя. Классно! *(Пританцовывает.)* Девочки, идите танцевать!

Прибегают Даша и Ксюша. Танцуют.

Настя. Даш, фагот неси — будешь подыгрывать. Давай-давай, быстрее!

Даша. Не хочу. Я так...

Ксюша. Мне платье надо такое! *(Показывает на экран.)*

Настя. У-у! Комон эврибади!

Алексей *(сидя в кресле)*. Вот человек, двадцать один год прожил, написал штук пять вечных песен. И штук пятьдесят талантливых... А тут, блин, тридцать семь лет прозябания.

Песня кончается.

Настя (*затыхавшись*). Фуф... Что ты говорил?

Алексей. Все, говорю, отлично. Отличная песня, отлично танцуете...

Даша. Мам, пахнет чем-то!

Настя. Это пельмени сбежали! (*Убегает.*) Вот всегда так!

Даша. Пап, а можно я этот ролик скачаю? Выставляю у себя «Вконтакте»?

Алексей. Ну выставляй. (*Поднимается.*) Если выставлять любые достижения человечества, не хватит никакого ресурса. Очень много чего есть достойного и интересного...

Ксюша. А мне такое платье надо, чтоб танцевать.

Алексей. Купим, Ксюш, купим платье...

Голос Насти. Идите обедать!

Даша. Пап, а что еще можно поставить? Тебе какие песни еще нравятся?

Алексей. Много чего... Если всерьез отвечать, целый день уйдет.

Ксюша. А когда мы платье пойдем покупать?

Даша. А «АББА» тебе нравится?

Голос Насти. Мне сколько раз звать?! И так всю плиту залили...

Алексей. Идем мы, идем! Ладно, пошли есть.

Ксюша. Я не хочу пельмени.

Алексей. Ну, другое что-нибудь... Пошли, а то мама обидится.

Ксюша, Алексей, Даша выходят. Голос Алексея: «Даша, свет-то выключи! И телевизор». Даша возвращается, щелкает пультом, потом выключателем. Становится сумрачно.

Виктория Доценко

Звезды высыпали...

Действующие лица:

Махабат — дворник и уборщица
Володя — охранник
Екатерина — дежурный воспитатель
Валентина Ивановна — заведующая
Первый парень
Второй парень

Сцена первая

Подсобное помещение в подвале детского сада. Две двери: одна ведет на улицу, другая внутрь. У стены склад детской мебели: ряды поставленных друг на друга стульчиков, шкафчики для одежды, низкие скамейки. Хулахупы, мячи, пирамидки. Возле двери, ведущей на улицу, стоят метла, широкая лопата для уборки снега, лом для колки льда. В другом углу ведро, веник, швабра с тряпкой.

Ночь. Махабат спит. Раздаются сильные удары в дверь, ведущую на улицу.

Голос первого парня. Хватит спать, сука! Вставай, тварь узкоглазая!

Голос второго парня. Сейчас иллюминация будет!

Махабат просыпается. Входная дверь, держащаяся на слабом шпингалете, не выдерживает ударов, распаивается. Появляются Первый парень, Второй парень в натянутых до самых глаз шерстяных шапках. У второго — шапка с характерным рисунком. Нижняя часть лица у обоих замотана шарфами.

Махабат (*бежит к двери, ведущей в детский сад*). Валодя-а! Валодя-а!

Первый парень (*догоняет ее, ударом кулака сбивает на пол; второму*). Че завис, поджигай давай!

Второй парень чиркает зажигалкой, пытаясь зажечь фитиль петарды. Он нервничает, зажигалка не зажигается. Из-за двери, ведущей в детский сад, слышен голос Володи.

Володя. Эй, уроды, сейчас мозги вышибу!

Володя толкает снаружи дверь. Дверь заперта изнутри на замок.

Володя. Катя! Ключ от подсобки! Катя! *(Убегает за ключом.)*

Второй парень поджигает наконец фитиль петарды. Бросает петарду на пол рядом с Махабат. Убегают на улицу. Махабат едва успевает спрятаться за мебелью, прежде чем петарда взрывается. Услыхав врыв, парни гогочут. Кричат с улицы.

Второй парень. С Новым годом!

Первый парень. Понравился салют?

Второй парень. Мы еще вернемся!

Первый парень. Мы тебя на кишках повесим!

Открыв наконец дверь, в подсобку вбегает Володя.

Володя. Махаба-а-т! Махаба-а-а-ат! *(Не найдя Махабат, выбегает на улицу. Кричит.)* Стоять! Скоты! Выродки!

Несколько секунд тишины, после чего в подсобку, осторожно заглядывая, входит Екатерина.

Екатерина *(принюхивается, находит сгоревшую петарду)*. Новый год опять устроили, уроды...

Володя возвращается. В руках шапка с рисунком, сорванная со второго парня.

Екатерина. Ну что?

Володя. Шапку с одного сорвал...

Екатерина. А где она?

Володя. Махабат... Махаба-ат!

Находят Махабат.

Екатерина. Все уже. Выходи.

Махабат хочет встать, но от испуга у нее подкашиваются ноги.

Екатерина. Господи...

Володя приносит стул. Махабат садится, в оцепенении смотрит на них, будто не понимая, что происходит.

Екатерина. Чего это она?

Володя. Испугалась сильно.

Екатерина. Валерьянки надо, а то спятит тут еще. *(Уходит.)*

Махабат дрожит. Володя делает шаг, чтоб взять одеяло и укрыть ее, но Махабат хватается за руку, держит, не отпускает. Володя садится рядом.

Володя. Ну, успокойся. Здесь я, здесь. *(Гладит ее руку.)*

Входит Екатерина с валерьянкой. Смотрит на них ревниво.

Володя. Одеяло дай.

Екатерина (*приносит одеяло*). Крепко она в тебя вцепилась.

Володя. Из детей никто не проснулся?

Екатерина. Слава богу, а то б сейчас началось. Как тогда под Новый год.

Володя. Надо эту дверь забить. Я говорил Валентине. Она (*кивает на Махабат*) может и через центральную выходить. Думаю, она ради такого случая согласится обойти.

Екатерина. Она-то согласится. А вот Валентина — вряд ли.

Володя. Почему?

Екатерина. А зачем? Пусть скажет спасибо, что взяли ее сюда. Детский сад круглосуточный, то, что им и надо. (*Достает сигарету.*)

Володя. Не кури здесь.

Екатерина нехотя убирает сигарету. Володя достает телефон.

Екатерина. Кому звонишь?

Володя. Ноль два.

Екатерина. Сдурел?! У нее ни регистрации, ничего. Она вообще тут не оформлена...

Махабат. Не нада милиция... Не нада...

Екатерина. О, очнулась!

Володя. А если б сегодня не моя смена была?

Екатерина. Комнату ей надо снять. Или в общагу пусть уходит. Живут же они там как-то целыми семьями.

Володя. У нее тут, кажется, нет никого. (*Махабат.*) Ну, ты как?

Махабат кивает, показывая, что ей лучше.

Екатерина (*Махабат*). Уходить тебе нужно. Ты комнату можешь снять?

Махабат. Комната дорага.

Екатерина. У меня знакомые дешево сдают. Хочешь, спрошу? Я сама у них жила, когда с матерью поругалась. Ну так как, спросить?

Махабат пожимает плечами.

Екатерина. А зря. (*Смотрит на шапку.*) Где ж я эту шапку видела?..

Сцена вторая

Утро. Махабат входит с улицы, где убирала снег. Ставит лопату у двери. Из детского сада входят Валентина Ивановна, Володя.

Валентина Ивановна. Какую дверь забить? Эту? (*Показывает на дверь, ведущую на улицу.*)

Володя. Эту.

Валентина Ивановна. А как мы продукты разгружать будем? Через парадную, что ли?

Володя. Можно и через парадную.

Валентина Ивановна. Здесь до кухни два шага. А там грязь будут таскать по всему коридору.

Володя. Ничего, она сама в случае чего и подотрет. Правда, Махабат?

Валентина Ивановна. Знаешь что, Володя, езжай-ка ты домой. Ночь не спали, нервничали. Давай, иди.

Володя. Валентина Ивановна, разрешите я сам...

Валентина Ивановна. Иди, Володь, твоя смена закончилась. Ты здесь не в свое рабочее время находиться не имеешь права.

Володя. Да ну... Вы это когда выдумали?

Валентина Ивановна. Слушай, ты мне не хами. Ты здесь работаешь только потому, что мать просила тебя куда-то пристроить. Ты сколько в этом своем Кольчугине без работы сидел?

Володя молчит.

Валентина Ивановна. Вот и держись за свое рабочее место. (*Видит шапку.*) Это — что?

Махабат. Он с этаго сарвал. Ночью.

Валентина Ивановна. С кого?

Володя. Ну, с этого скинхеда или кто они там, не знаю...

Валентина Ивановна в размышлении берет шапку в руки.

Володя. Между прочим, это улика.

Валентина Ивановна (*с испугом смотрит на него, кладет шапку на место, потом снова берет в руки*). Вот что, Володя, и... Махабат... Не нужно нам никаких улик. С этими бритоголовыми связываться опасно. Мы сами ее защитим.

Володя. Как, интересно? На дверь крючок накинem?

Валентина Ивановна. Мы на дверь повесим замок. Хороший замок, железный. Махабат, тебя устроит замок?

Махабат пожимает плечами.

Валентина Ивановна. Я сейчас скажу завхозу, чтобы он пошел и купил. Вот так, ребятки, вот так.

Володя. Я сам схожу.

Валентина Ивановна (*с усмешкой*). Ну, сходи, раз уж так хочешь. Не пойму только... Чего ты ищешь тут? У тебя ведь жена, дочка.

Володя. Жены нет.

Валентина Ивановна. А мать говорила, что вы, может быть, еще сойдетесь.

Володя. Давайте не будем обсуждать мою личную жизнь.

Валентина Ивановна. Ну иди. Иди. Вот тебе деньги.

Володя берет деньги, уходит. Валентина Ивановна тоже уходит, шапку уносит с собой.

Сцена третья

День. Володя возится с замком. Махабат стирает. Слышны голоса детей, гуляющих на улице.

Володя. Слышишь? Твой больше всех орет. Удивительно, как он за три месяца хорошо по-русски говорить научился. Все-таки дети — они все гении.

Махабат (*улыбается*). Твоя дочка в школу ходит?

Володя. Да, во второй класс. Таблицу умножения сейчас учит.

Махабат. Памагаешь?

Володя. Иногда. (*Смотрит на нее.*)

Махабат. Что?

Володя. Да ничего. Нравится смотреть, как женщина руками стирает. Сейчас уже никто так не делает. У всех автоматы.

Махабат. Твоя жена как стирала?

Володя. Она не стирала.

Махабат. Кто стирал, ты?

Володя. Я.

Махабат. Смэшно.

Володя. Почему?

Махабат. Не знаю. Смэшно. Мой отец никогда сам нэ стирал. И па-суду не мыл.

Володя. А муж?

Махабат. И муж нэ стирал.

Володя. Махабат... Я вот тебя все спросить хотел? А где он, муж твой?

Махабат перестает стирать.

Володя. Ты извини, конечно, может, я лишнее, но... Как он мог допустить, что ты в подсобке живешь, обьедки после детей ешь, уроды эти проходу тебе не дают?

Махабат. Пачему — объѣдки? Мне тетя Маша, повар, так есть дает. Я нармальна питаюсь. Толстая даже. Худеть хачу.

Володя. Ты не ответила.

Махабат. Ты не говоришь, где твая жена, зачем я скажу, где муж?

Володя. Почему, я могу сказать. Моя жена во Владимирской области живет. Город Кольчугино.

Махабат. Развелись?

Володя. Еще не окончательно.

Махабат. Ты пил, наверна.

Володя. Почему пил?

Махабат. Многа разводятся, кагда муж пьет.

Володя. А чего мне пить, у меня теперь работа есть.

Махабат (*после паузы*). Плоха мужчине, кагда он к вам сюда адын. Тут можна многа, мужчина — слабый.

Володя. Понятно. Загулял, что ли?

Махабат не отвечает.

Володя. И ты за ним сюда приехала?

Махабат не отвечает.

Володя. Понятно. А я думал, ты одна тут. (*Вешает на дверь замок.*) Думал, ты одна...

Махабат. Спасибо.

Володя (*дает ей ключ от нового замка*). Бояться будешь?

Махабат кивает.

Володя. Я могу остаться.

Махабат. Не нада. И так смэются все.

Володя. Плевать.

Махабат. Не нада.

Володя. Ну ладно. (*Уходит.*)

Сцена четвертая

Вечер. Кругом висят постиранные детские вещи. Махабат штопает детские колготки. Входит Валентина Ивановна. Она осматривает подсобку так, будто видит ее впервые. Напряженно о чем-то думает.

Валентина Ивановна. Махабат...

Махабат замирает в ожидании.

Валентина Ивановна. Да ты сядь.

Махабат садится.

Валентина Ивановна. Мне с тобой поговорить нужно. Понимаешь... ты... Тебе нельзя здесь больше находиться.

Махабат. Почему?

Валентина Ивановна. Помещение это... Ну... оно будет ремонтироваться, переоборудоваться. У нас с февраля будут еще две младшие группы. Здесь будет детская спальня.

Махабат. Здесь холодна.

Валентина Ивановна. А мы утеплим. Завтра же ремонт начнем. Или нет. Помещение сдано фирме под склад. Уже подписаны документы. Понимаешь, детскому саду нужны деньги. Необходимо менять всю систему отопления. Дети простужаются, родители жалуются.

Махабат. Я магу на палу в коридоре спать.

Валентина Ивановна. Нет.

Махабат. Валентина Ивановна...

Валентина Ивановна. Махабат, я тебя и так взяла с улицы без документов, без ничего. Просто пожалела. У тебя ни регистрации, ни медкнижки. Меня в любой момент из-за тебя уволить могут. Капнет кто-нибудь в департамент, что ты тут живешь, и все — меня уволят, а тебя с ребенком депортируют в твою Киргизию или куда там, не помню...

Махабат. Хоть бы да конца месяца...

Валентина Ивановна. Да не могу я. Нет! Слишком дорого может мне жалость моя обойтись. Вот тебе зарплата за полмесяца. Что смотришь? Ты проработала в январе полмесяца, половину я тебе и плачу. *(Смотрит на Махабат.)* Ну, на тебе еще тысячу. Комнату в общежитии сними. Тебе здесь оставаться опасно. Они могут в любой момент вернуться. Что замок? Замок — ерунда. Короче, чтоб завтра, а лучше даже сегодня... Ни тебя, ни твоего ребенка чтоб здесь не было. Это что у тебя, валерьянка?

Махабат. Да.

Валентина Ивановна *(капает себе лекарство)*. И не трави мне душу. Не смотри на меня так. *(Со слезами в голосе.)* Думаешь, мне все это легко? *(Уходит.)*

Сцена пятая

Ночь. Махабат собирает вещи в сумки. Входит Екатерина. Во рту незажженная сигарета.

Екатерина *(глядя, как Махабат собирается)*. Значит, она тебя выперла?

Махабат кивает.

Екатерина. Я покурю? Ты ведь все равно здесь больше не живешь. А то холодно в тапочках на улицу выходить. Ключ дай.

Махабат дает ей ключ от нового замка. Екатерина открывает дверь. Закуривает.

Махабат. Ты пра комнату гаварила.

Екатерина. Какую комнату?

Махабат. Снять можно.

Екатерина. А-а... Сдали комнату. Прямо сегодня, представляешь? Так что опоздала ты. Опоздала.

Махабат (*с недоверием смотрит на нее*). Телефон дай хотя бы. Деньги кончились.

Екатерина (*достает телефон, потом вдруг убирает*). А у меня тоже кончились.

Махабат. Дай телефон, Катя, я прошу.

Екатерина. Слушай, зачем тебе телефон?

Махабат. Пазванить.

Екатерина. Кому будешь звонить. Ему?

Махабат. Да.

Екатерина. Он давно в этом своем Кольчугине с женой под боком спит.

Махабат. Он развелся.

Екатерина. Все они разведенные, когда надо.

Махабат. Его мать Валентине подруга. Пусть попросит за меня.

Екатерина. Да не выйдет у тебя ничего. Не выйдет.

Махабат (*вдруг с нажимом*). Дай телефон. (*Подходит ближе.*) Дай.

Екатерина. Не дам.

Махабат (*идет за ней*). Дай.

Екатерина. Ты чего, сдурела, что ли? Сходи вон к метро, деньги положи и звони.

Махабат. Ты нинавидишь миня, да? За чилавека ни считаешь, да?

Екатерина. Слушай, тебя уже почти нет здесь. Уедешь в свою Киргизию, и все. А у меня, кроме чиканутой матери, — никого. Я на работу эту ночную устроилась, лишь бы дома поменьше бывать.

Махабат (*берет в руки лом*). Дай мне телефон.

Екатерина. Ты чего, с ума сошла?!

Махабат (*замахивается на нее ломом*). Дай.

Екатерина. Да на! На! (*Кидает ей телефон.*) Сумасшедшая! Дикарка! Чокнутая, блин!

Махабат набирает номер, слушает гудки.

Екатерина. Только зря ты звонишь. Зря! Не поможет он тебе. Тебя Валентина ни под каким видом здесь не оставит! Этот, с кого он шапку сорвал, — Валентины нашей внук. Он в этой шапке в новогоднюю ночь все ходил, петарды во дворе пулял. Мы с ней соседи, живем тут рядом. Поняла?

Махабат молча смотрит на нее.

Екатерина. Не подходит? И не подойдет!

Махабат сбрасывает звонок.

Екатерина. Так что иди. Иди! Будь сынка своего и иди. И чем скорее, тем лучше, пока я ментов не вызвала!

Махабат кладет телефон на пол, забирает сумки, одевается, уходит.

Екатерина. Фу! Везет мне на чокнутых! *(Видит валерьянку, капает себе.)* Уродина. Чурка. *(Пьет валерьянку, постепенно успокаивается. У нее звонит телефон.)* Да, Володь. А что случилось? Ничего не случилось. Нет. Я тебе не звонила. Не знаю. Случайно, может, нажалось? *(Притворно зевает.)* Да, сплю. Все нормально. Пока. *(Выглядывает на улицу, провожает взглядом уходящую Махабат.)* Ушла? Чокнутая. *(Смотрит на небо, берет новую сигарету, закуривает.)* Звезды высыпали, блин. Прямо как не в Москве.

Татьяна Голюнова

Все мечтают умереть молодыми

Из триптиха «Все мечтают»

Действующие лица:

Игнатий Борисович — владелец кладбища, 50 лет

Нина Ивановна — 60 лет

Коля — 23 года

Кладбищенская ограда. Главные ворота. Недалеко от главного входа небольшой кирпичный домик. К домику подходят Нина Ивановна и Коля. Нина Ивановна останавливается возле входа в дом.

Коля. Ну? Тетя Нина! Ну сколько можно?!

Нина Ивановна стучит в дверь.

Игнатий Борисович. Войдите!

Коля и Нина Ивановна заходят внутрь. В небольшом помещении на всех стенах развешаны посмертные портреты молодых людей и девушек. В углу несколько венков с ленточками и надписями на них. В центре комнаты стол и стул. Игнатий Борисович держит в руках две эмалевые фотографии для памятников.

Нина Ивановна. Здравствуйте.

Коля. Здравствуйте.

Игнатий Борисович (*резко поворачивается к ним*). Как вы думаете, какая фотография более жизнерадостна? Более симпатична? А?

Нина Ивановна (*нерешительно приближаясь к Игнатию Борисовичу*). Да я, право, и не...

Игнатий Борисович (*перебивает*). Да. Я тоже думаю, что эта. (*Кладет фотографию на стол, вторую убирает в ящик.*) Что вы хотели?

Нина Ивановна. Понимаете, Игнатий Борисович... Мы много слышали про ваше кладбище. И столько хорошего. И мы готовы отдать любые деньги, лишь бы наш Сенечка лежал у вас. Племянничек мой. Царствие небесное. (*Вытирает платком глаза.*)

Игнатий Борисович. Да, мы плохих не держим. У нас абы кто не лежит. Элитное кладбище все-таки. Давайте поподробнее. Присаживайтесь.

Нина Ивановна садится на стул. Коля стоит в дверях. Игнатий Борисович рассказывает по комнате.

Игнатий Борисович. Итак. Был ли ваш... ммм...

Нина Ивановна. Сенечка.

Игнатий Борисович. Сенечка. Ну, был ли он судим?

Нина Ивановна. Нет, что вы! Сенечка даже в суде-то никогда не был. Ни по каким вопросам.

Игнатий Борисович. Хорошо. А был ли разведен?

Нина Ивановна. Нет! Даже женат ни разу не был! Не нашел Сенечка счастье свое на земле... Может, на небе найдет.

Коля. Теть Нин. Ну не реви ты уже.

Нина Ивановна. Да я ничего. Я так. *(Вытирает глаза платком.)*

Игнатий Борисович. Хороший, видимо, парень был ваш племянник. Положительный! А работал кем?

Нина Ивановна. Инженером. На заводе. Повисить его как раз хотели. А он вот... так трагично... кто бы мог подумать.

Игнатий Борисович. Повисить, говорите? Да, действительно. Какая жалость. Наверное, он много работал.

Нина Ивановна. Не покладая рук! Так любил свою работу. Семьи-то не было. А он так детей хотел. И дети его любили очень!

Игнатий Борисович. Хорошо. Дети — это хорошо. А сколько лет ему было?

Нина Ивановна *(робко и едва заметно бросает взгляд на Колю, Коля кивает ей)*. Тридцать...

Игнатий Борисович. Тридцать?!

Нина Ивановна. Тридцать должно было исполниться.

Игнатий Борисович. А! Понятно. Ну что ж. Давайте его паспорт и свидетельство о смерти. Меня его характеристика вполне устраивает. Займемся оформлением документов.

Нина Ивановна протягивает ему документы. Игнатий Борисович садится за стол, достает ручку, списывает данные с паспорта. Некоторое время пишет молча. Нина Ивановна нервно кусает губы.

Игнатий Борисович. Минутуууточку. Что это?

Нина Ивановна *(истужанно)*. Что?

Игнатий Борисович. Вы сказали, что ему не было тридцати.

Нина Ивановна. Ну...

Игнатий Борисович. Вы что, забыли, когда у вашего Сенечки день рождения?

Нина Ивановна (*так же испуганно*). День рождения...

Игнатий Борисович. Да! День рождения! Уже был, оказывается! Тридцатого числа позапрошлого месяца!

Нина Ивановна. Разве?

Игнатий Борисович. А вы что, запамятовали? Не поздравляли любимого племянника с юбилеем?

Нина Ивановна. Понимаете...

Игнатий Борисович. Так дело не пойдет. Ему было уже два месяца как тридцать лет, когда он умер. Так дело не пойдет. Я не могу его принять.

Нина Ивановна. Ну Игнатий Борисович! Ну войдите в положение! Любимый племянник. Умница. Инженер. Личная жизнь не сложилась. Деток после себя не оставил. Но человек был... достойнейший!

Игнатий Борисович. У меня все достойнейшие лежат. Нет. Я вынужден вам отказать.

Нина Ивановна. Ну пожалуйста!

Игнатий Борисович (*вскакивает со стула, нервно ходит по комнате*). Вы читали на входе надпись: «Элитное кладбище для молодых»? Мо-ло-дых! Понимаете?!

Нина Ивановна. Но ведь тридцать лет — это...

Игнатий Борисович. Тридцать лет, простите, это уже не молодость!

Нина Ивановна. А что же?

Игнатий Борисович. Да что угодно! Только не молодость!

Нина Ивановна. Я хотите его фотографию покажу? Сенечка очень молодо выглядел. Очень! Ему больше двадцати пяти не давали...

Игнатий Борисович. Да не нужна мне его фотография!

Нина Ивановна. Я вас не обманываю! Правда, очень молодо выглядел. Очень!

Игнатий Борисович. Стоп. Я же сказал — неважно все это.

Нина Ивановна. Но...

Игнатий Борисович (*Коле*). Молодой человек, вот вам сколько лет?

Коля. Двадцать три.

Игнатий Борисович (*Нине Ивановне*). Вооот! Если бы он умер и вы ко мне пришли с его паспортом — у нас бы проблем не возникло! Сразу видно — молодой человек. Мо-ло-дой! Понятно?

Коля. Спасибо. Буду иметь в виду.

Игнатий Борисович. Да, обращайтесь, если что.

Нина Ивановна. А может, мы сможем договориться?

Игнатий Борисович. О взятке?!

Нина Ивановна. Ну..

Игнатий Борисович. Я не пятнаю свою честь и честь своего кладбища взятками. Спасибо. Все честно.

Нина Ивановна вздыхает, утирает слезы платком.

Игнатий Борисович. Посмотрите на эти лица. *(Показывает на фотографии на стенах.)* Посмотрите-посмотрите. Внимательно! Здесь нет ни одного обмана. Все честно. Все молоды. Все без исключения. Молоды и прекрасны. Согласитесь, как это красиво — умереть в самом расцвете! Не дожив до распада, внутреннего и внешнего. Как романтично, в конце концов! Смерть — жуткая эстетка: оставляет нам вечную молодость. Красиво... *(Долгая пауза, любитесь фотографиями на стене.)* Так что обманывать и мухлевать на моем кладбище не позволю!

Нина Ивановна. Но ведь всего два месяца прошло после его дня рождения...

Игнатий Борисович. Не всего! А уже! Вот если бы он умер за день до своего тридцатилетия — сейчас бы мы с вами заказывали памятник.

Нина Ивановна вздыхает.

Коля. Да уж. Главное — не затянуть с собственной смертью. А то пиздец проблемы начнутся. Теть Нин. Пойдем, а.

Игнатий Борисович. Нечего иронизировать, молодой человек. Я свое дело знаю. Не первый год, слава Богу...

Коля. Теть Нин. Идем, ну!

Нина Ивановна. И что же, совершенно нет никаких шансов к вам попасть?

Игнатий Борисович. После тридцати — нет. А до — милости просим!

Нина Ивановна встает. Идут к выходу вместе с Колей.

Игнатий Борисович. Погодите.

Нина Ивановна оборачивается.

Игнатий Борисович *(Коле)*. А у вас, кстати, очень красивое лицо, молодой человек. Неплохо будет посмотреть на фотографии. *(Шурится.)*

Коля. Эээ... спасибо. Теть Нин. Пойдем уже, а.

Нина Ивановна и Коля уходят. Игнатий Борисович берет со стола отложенную фотографию, прикручивает ее шурупами к стене. Отходит на некоторое расстояние, любитесь результатом.

Игнатий Борисович (*снимает трубку телефона, набирает номер*). Алло! Андрей! Да. Я насчет завтрашнего мальчика. Да. Слушай. Видишь, выходят из главных ворот двое? Ну, тетка с парнем? Ага! Вот он. Да. Хорош. Слушай. Только как-нибудь по-тихому. Без особого криминала. Несчастный случай... придумайте там что-нибудь. Ага! А тетка будет рада, думаю. Она так жаждет кого-нибудь у нас закопать. Ага! Давай! (*Кладет трубку, смотрит на фотографии, улыбается, напевает.*) Не умирай, молодость, не умирай, молодость... трам-пам-пам... не умирай, молодость, мо-ло-дость.

Александр Архипов

Джек — неоновый свет

Пьеса в вывесках

Действующие лица:

Джек (Женя)
Аркаша
Катя
Проститутка
Мужчина
Начальница
Портье

Слабый свет.

Г о л о с Д ж е к а. Честно... Честно говоря, я не знаю точно, что находится в тех трубочках, которые светятся в темноте. Ну, те самые трубочки, из которых сделаны названия магазинов, кафе и залов игровых автоматов. Да и не очень хочу знать. Рыба ведь не знает, из чего сделана наживка. Знаете, это такая наживка, которая светится в темноте, под водой.

«РЫБАЧЬТЕ С НАМИ»

**Современный магазин с большим
постоянно обновляющимся ассортиментом крючков**

Я видел такую в охотничьих магазинах. Поэтому, что находится в трубочках, лично мне — неизвестно. Я просто люблю неоновый свет.

Пауза. Свет мигает, потом становится ровным.

Г о л о с Д ж е к а. Полной темноты не бывает. Как не бывает в жизни ничего полного. Мне... сложно это объяснить. Но не бывает, можете верить.

Вот, например, кажется, что ты счастлив. Полностью. У тебя хорошая работа, и ты никому не должен денег.

ТЫ НИКОМУ НЕ ДОЛЖЕН ДЕНЕГ
Кредит в течение часа, без справок и поручителей

Тебе не скучно, и есть свой дом.

Социальные программы
ипотечного кредитования 2011 года!
Льготное погашение, ставки от 7%,
использование субсидий.
Решение по телефону.

В общем, ощущение, что ты полностью счастлив. Но на самом деле к этому счастью обязательно примешивается чувство... как будто что-то не так. Как будто что-то страшное уже случилось, но ты еще не знаешь об этом. Или случится вот-вот. Зазвонит телефон, или в соседней квартире бабушка пять часов назад забыла выключить газ, а ты решил покурить. И вот уже нет полного счастья, а есть тревога.

Бытовые счетчики газа.
Простая установка. Цены снижены.

Вот и полной темноты — не бывает. В любой темноте всегда найдется маленький светлячок, мигающий светофор за окном, свет от уличного фонаря; или из другой комнаты проникает он, в узкую щель из-под закрытой двери. Еще — светится электричество, если присмотреться к проводке. Но неоновый свет — самый приятный, он не бьет в глаза, а наоборот, говорит: подойди ко мне, искупайся в моих неоновых волнах. Даже если это наживка, то я не против ее проглотить. Я верю, что неоновый свет может до краев наполнить мою жизнь счастьем. Ну, или почти полностью.

Затемнение.

Одноместный номер в гостинице, освещаемый мигающим светом из открытого окна. На кровати неподвижно лежит Джек. Из туалета слышится звук воды, затем выходит Проститутка.

Поиск любовницы, спонсора, свинга, госпожи.
Разнообразие интимуслуг на любой вкус.
Знакомства на один вечер!

Пауза.

Проститутка. Командировочный?

Джек. Да.

**Потеряли документы
для командировочной отчетности?
Поможем в восстановлении документов!
Изготовление кассовых чеков
способом прямой термопечати.**

Проститутка. Женатый?

Джек. Нет.

Пауза.

Джек. А что, к вам только женатые ходят?

**Анонимное лечение ЗППП, гонореи,
цистита, простатита, медицинская помощь.
Венерология на Павелецкой. Опыт 15 лет.**

Проститутка. Всякие. А ты хорошенький. Такой весь... *(Подходит к кровати, где лежит Джек, садится на краешек, ближе к ногам.)*

Джек. Тебя не заругают?

Проститутка. Кто?

Джек. Ну, я не знаю, какая у вас там система. Старший, что ли.

Проститутка *(смотрит на часы)*. Еще минут пятнадцать осталось.

**Увлекательные тренинги по тайм-менеджменту —
управляй своим временем!**

Если хочешь, можем еще раз.

Джек. Не хочу.

Проститутка. Тогда можно я это время у тебя просто посижу?

Джек. Сиди. Спать хочешь?

Проститутка. Ага.

Джек *(встает с кровати)*. Ложись.

Проститутка ложится на кровать, сворачивается калачиком, Джек смотрит в окно, опершись на подоконник.

Проститутка. А зовут-то вас как?
Джек (*не оборачиваясь*). Женя.

Затемнение.

Большой светлый офис, много-много стеклянных перегородок, за каждой из которых сидит человек. У каждого свой стол/стул, свой компьютер, своя настольная лампа.

**Организация рабочего места. Без ошибок!
Измеряем все параметры.
Профессиональный подход!**

Джек. Корпоративная мораль — важная составляющая работоспособности коллектива. Корпоративный гимн — это осанна, которую мы поем во славу нашего предприятия. Корпоративные любовники — самый простой способ снять усталость после рабочего дня.

В офисе резкое оживление. Люди из-за стеклянных перегородок высыпают на середину зала. Мгновение, и у них на головах появляются шутовские колпаки, в руках бенгальские огни, где-то хлопает пробка из бутылки с шампанским. Шампанское быстро разливают по пластиковым стаканчикам.

**Легким нажатием одной кнопки
электрический штопор справится
с самой упрямой бутылкой!**

Начальница — властная женщина с некрасивым ртом — взмахивает руками, как дирижер, и все сотрудники замирают.

Н а ч а л ь н и ц а. Дорогие коллеги. Подводя итоги... прощаясь с уходящим годом, хочу заметить, что по показателям продаж... и просто пожелать счастливых новогодних каникул... чтобы с новыми силами приступить к работе в январе месяце. Ну и конечно... песня, которую нам сейчас исполнит уважаемый Аркадий Петрович.

Рядом с Начальницей появляется подвыпивший Аркаша, в руках он держит гитару. Аплодисменты.

Джек. Аркашка — мой офисный друг. Это он придумал называть меня не Женей, а Джеком. Он вообще любит все переименовывать. Со мной он шутит обычно так...

А р к а ш а (*подходит к Жене, хлопает его по плечу*). Восьмеркин, будь человеком. Подгони денег до полочки.

Джек. Или так...

Аркаша (*подходит к Жене, хлопает его по плечу, картинным жестом обводя офис*). Вот дом, который построил Джек.

Джек. Или так...

Аркаша (*подходит к Жене, хлопает его по плечу*). Привет, Джек, как дела, все потрошишь помаленьку?

Джек. Обычно после этого мы смеемся.

Смеются.

Аркаша возвращается на середину зала, берет последний аккорд, кланяется. Аплодисменты. Аркаша протискивается к Джеку.

Аркаша. Джек, а ты с кем встречаешь?

Джек. Ну, не знаю, дома, наверное.

Аркаша. Ну ты даешь, старик. У елочки? Один? Совсем один?

**Искусственные зеленые красавицы
высотой от 1 до 45 метров.
Бесплатная доставка!**

Пойдем с нами. Будет... (*Глазами показывает на одну из стоящих в толпе девушек.*)

Джек. Ну, можно вообще.

Аркаша. Тогда с тебя в общий котел пятьдесят баксов.

Джек. Ага.

Аркаша. Ну вот и чудненько.

Начинает звучать громкая музыка. Аркаша начинает двигаться в танце; глядя на него, начинают ритмично сотрясаться другие сотрудники офиса.

Затемнение.

Пустая комната в квартире, в углу мигает гирлянда на искусственной елке. Крутится пленка на автоответчике.

**Запись фирменного автоответчика
голосами дикторов высшей квалификации!**

Гудок.

Женский голос. Здравствуй, сынок. Извини, что не позвонила раньше. Просто мы с Олегом не могли вылететь из Египта, а когда вылетели, то встретили этот Новый год в самолете. Олег тоже передает привет,

во время полета он жутко напился, мы с ним поругались и даже решили развестись. Но когда самолет садился, у нас отказал один из двигателей и мы все, пассажиры, стали сильно переживать, хотя у самолета осталось еще два двигателя. Мы долго летали и летали над аэропортом и опорожняли баки с горючим.

**Авиационный керосин в любом количестве и таре!
Опт и розница! Цены договорные!**

А мы с Олегом поклялись любить друг друга до самой смерти. Поэтому когда сели, то уже помирились. Сынок, как будет свободное время, приезжай к нам в гости, у меня есть тебе очень эксклюзивный подарок, кусочек египетской пирамиды, ты будешь рад. Мама, Олег.

Гудок.

Голос Кат и. Женя, тогда в офисе, на вечеринке, мы так и не поговорили. Но, Женя, я считаю, нам нужно это сказать друг другу. Ты очень чудесный, мне было очень хорошо, но... Когда я прихожу домой, понимаешь, Кирилл смотрит на меня такими печальными глазами... Мне кажется, он обо всем догадывается. И мы даже спим с ним сейчас как-то по-другому. Женя, этот год, который мы встречались, он был очень чудесный... и потом, наша разница в возрасте... Мы ведь можем остаться хорошими друзьями и коллегами. Еще мне позвонили из Архангельска, поставки срываются. Целую, Катя, с Новым годом, извини.

Гудок.

Голос Аркаши. Старик, привет, как дела? Потрошишь помаленьку? На дворе уже второе января, и мы печально пьем. За тебя и за Новый год, и с нами есть свободные женщины. В общем, все в абажуре. Куда ты пропал? У тебя труба выключена, а нам скучно без твоего общества. Давай выходи на связь. И приезжай. Лучше не один, с литром тире двумя. Джек, мы тебя любим. Твои пьяные друзья.

Короткие гудки, затемнение.

Та же комната, но годом раньше. На кровати лежат Джек и Катя. Катя смеется.

Джек. Что?

Катя. Ну, как-то странно это все произошло.

Джек. Быстро?

Катя. Да нет, странно. Сколько ты у нас работаешь?

Джек. Три, нет... да, три месяца.

К а т я. А я на тебя сразу глаз положила. Ты такой был всегда деловой, подтянутый, в костюме.

Д ж е к. А сейчас я голый и волосатый.

**Не знаете, какой способ эпиляции выбрать?
Электро, фото, энзимная и сахарная эпиляция
для дам и господ.
Ваша красота — наша профессия!**

К а т я. Женечка...

Д ж е к. Что?

К а т я. Женя, а тебя не напрягает, что я менеджер высшего звена, а ты только среднего?

Д ж е к. Еще как напрягает. Там... внизу. *(Показывает рукой на одеяло.)*

Катя смеется. Звонит мобильный.

К а т я. Да, дорогой. Нет, скоро буду дома. Подожди, тут шумно. *(Закрывает телефон рукой.)* Масик, я в магазине. Тебе что-нибудь надо из продуктов? Хорошо, я куплю.

Д ж е к. Катя часто говорила, что у деловой женщины телефон должен быть включен всегда.

**Открой для себя великолепные смартфоны
Nokia N8, Nokia C7 и Nokia C6-01!
Легенда стала еще доступнее!**

Потому что может позвонить муж или по поводу поставок. Она всегда тут же брала трубку. Даже если мы в этот момент трахались. Меня это тоже сначала забавляло: порочный низ и абсолютно невинный верх. Спокойное лицо, деловой голос, как будто это не целый человек, а разделенный на две половинки. После этого, когда я видел женщину, скрытую по пояс, ну, например, кассира в обмене валюты или дикторшу по телевизору, я часто представлял, что сейчас их кто-то трахает. Там... нижнюю половину.

Катя кладет телефон на пол.

Д ж е к. Надо идти домой?

К а т я. Ну, мы можем успеть еще раз.

Обычный желтый свет становится рваным, как будто на подстанции перебой с электричеством, в нем появляются оттенки других цветов.

Джек. Друзья зовут меня Джек. Я люблю ночной город, вывески кафе, магазинов и ресторанов. Волны неоновое море спускаются к моим ногам, и я осторожно пробую, насколько они холодны. Самое трудное — сделать первые шаги по дну: никогда не знаешь, что тебя ждет — острые крошки больших камней, галька или желтый песок. Потом, половина тебя уже привыкла к холоду моря, а вторая половина еще боится погрузиться в его воды. И ты думаешь: либо заходить постепенно, либо со всего маху броситься в море, погрузиться в него полностью. Впрочем, ничего полного до конца не бывает.

Затемнение.

Круглый белый столик в кафе. За ним сидят Джек и Мужчина лет пятидесяти.

**Распечатай флаер на вторую чашку
и получи ее БЕСПЛАТНО!**

Мужчина. Вот так-то, сынок. Такая вот жизнь. *(Беспомощно разводит руками.)*

Джек. Отец недоволен. Он уже подсчитал, сколько водки мы могли бы купить, если бы пошли к нему домой, а не тратили деньги здесь, в кафе.

**Лечение с выездом на дом. Быстрое вытрезвление.
Качественно. Максимальная эффективность!**

Но домой к нему я не хочу, там грязно и плохо пахнет от мебели. Правда, отец этого не замечает.

Мужчина. Вот так-то, сынок. Такая вот жизнь. *(Беспомощно разводит руками.)*

Джек молчит.

Мужчина. Значит, в Египет она улетела...

**Горячие туры в Египет
от ведущих туроператоров
от 9900 руб. за человека,
скидки и подарки каждому клиенту**

Ну, кому что, кому что, я понимаю. А мы так просто, значит, сидим, водку кушаем.

Д ж е к. Работаешь?

М у ж ч и н а. Да где же ее взять, сынок, эту работу? Так, халтуру, тут одну стройку охраняю, сутки через трое. Такая вот жизнь, сынок...

Д ж е к. Часто пьешь?

М у ж ч и н а. А что делать еще, сынок? Выкинула твоя мама меня, как кутенка, разбила мою душевную инфраструктуру. Сколько лет, конечно, прошло... Вот тебе сколько лет, сынок?

Д ж е к. Двадцать восемь.

**Юридическая консультация при разводе,
анализ документов,
выработка решения — бесплатно!**

М у ж ч и н а. Значит, девять лет назад и разошлись мы. И пошло все наперекосяк, все с горя, сынок, с горя...

Д ж е к. Проходящая мимо официантка роняет нож с подноса, нагибается, чтобы его поднять. Когда она это делает, на спине у нее задирается блузка, обнажая полоску спины, а из-под брючек вылезают зеленые стринги.

ДОПУСКАЕТСЯ ТОЛЬКО РУЧНАЯ СТИРКА!

Я смотрю на них, отец смотрит тоже.

Своей жене я никогда бы не разрешил носить стринги. Допустим, идем мы с ней по магазину, она нагибается, и все мужчины смотрят на ее трусы. Кто нагло, кто одну секунду и тут же отводит глаза. Но все равно смотрят. А самое противное, если я поймаю этот взгляд чужого мужчины. Как будто тебе только что изменили при твоём молчаливом согласии.

Отец отводит взгляд и тянется за бутылкой водки.

Д ж е к. Денег хватает тебе, отец?

М у ж ч и н а (*жадно*). Их, сынок, всегда не хватает.

Д ж е к. Я дам тебе пятьдесят долларов.

М у ж ч и н а. Спасибо, сынок.

Д ж е к. Вот так мы и поговорили с ним тогда. Он взял деньги и быстро ушел, потому что не знал, о чем со мной еще говорить. Хлопнула дверь кафе, спиной я чувствовал, как он вышел на улицу, вжал шею в свой неопределенного цвета пуховик, прячась от декабрьских морозов. Не глядя стал перебегать дорогу. Я услышал скрип тормозов.

**Тормозные колодки! Продажа и установка
за 30 минут без записи. Большой склад в Москве!**

Но не обернулся и не посмотрел в окно: я знал, что с ним все будет в порядке. Сейчас он погрозит кулаком водителю, побежит в обменник и тут же уйдет в запой на много дней. Но пить будет экономно, так что ему даже хватит отметить Новый год. И праздник он встретит не один, а сможет привести к себе дешевую бабу. Поэтому я не волновался, а услышав визг тормозов, подумал о другом. О том, как несколько лет назад я видел пешехода, раздавленного машиной.

**Страхование жизни от несчастного случая!
Узнай, где дешевле!**

От него мало что осталось, от этого человека. С нижней частью все было нормально, а вот с верхней — нелады. И вот как раз когда мы стояли у тела, в кармане джинсов у него зазвонил мобильник. Странно это было: человека уже нет, а с ним кто-то хотел поговорить. Абонент временно недоступен.

Затемнение.

Комната Джека. Полгода назад. В кровати лежат Джек и Катя.

К а т я. Хочешь сигаретку?

Д ж е к. Нет, не хочу.

К а т я. Я где-то читала, кто-то это говорил, что нет ничего лучше кофе до и сигареты после. Ты не читал?

**Удаление налета с зубной эмали от сигарет и кофе.
Профессиональное отбеливание
для поклонников безупречной белизны**

Д ж е к. Нет.

К а т я. Что-то случилось?

Д ж е к. Мне с тобой скучно.

К а т я. У меня муж вчера дома не ночевал, я ревную.

Д ж е к. У меня друг неделю назад повесился.

К а т я. Мне кажется, ты спишь со мной для того, чтобы тебя повысили в должности.

Д ж е к. Я не могу перестать спать с тобой, потому что тогда ты сделаешь все, чтобы меня уволили.

К а т я. Я хочу попробовать кокаин, но не раньше, чем рожу ребенка. Хочу, чтобы у меня был абсолютно здоровый ребенок.

**Роды за границей: организация и сопровождение.
Гражданство США — для вашего малыша!**

Д ж е к. Мне надоело с тобой встречаться. Ты просто лежишь. Девочки за полтинник долларов умеют куда больше тебя.

К а т я. Что?

Д ж е к. Что?

К а т я. Ты сказал: «Пятьдесят баксов». Сначала я спросила тебя: что-то случилось? А ты отвечаешь: «Пятьдесят баксов». Тебе нужны деньги?

Д ж е к. Деньги? Нет.

К а т я. Сколько?

Д ж е к. Мне не нужны деньги.

К а т я. Да нет, сколько мы с тобой встречаемся? Полгода? Я тебе еще не надоела?

Д ж е к. Нет.

Звонит мобильный. Катя выпрыгивает из постели, подтягивает стринги, берет трубку.

К а т я. Да, дорогой. Нет, скоро буду дома. Да, снова встал вопрос по поставкам. Можешь ложиться спать, я приду поздно. *(Начинает одеваться.)*

Д ж е к. Ты можешь мне объяснить, зачем вы все носите стринги? Они же вылазят.

ДОПУСКАЕТСЯ ТОЛЬКО РУЧНАЯ СТИРКА!

К а т я. Дурачок. Это же специально так сделано, чтобы они вылазили, когда нагибаешься. Многие специально такие юбки покупают или джинсы с широкой талией, чтобы на бедрах. Чтобы еще больше вылазили.

Д ж е к. Я не знал.

Затемнение.

Та же комната. Только никого нет. В углу мигает гирлянда на елке, крутится пленка на автоответчике.

Гудок.

Голос Аркаши (*немного встревоженный*). Жень, это твой коллега, Аркадий. Куда ты пропал? Новый год, конечно, праздник, но нельзя отмечать его с таким фанатизмом. На дворе, между прочим, уже пятое января, мы волнуемся, Джек. Если ты найдешься, можешь мне подзанять немного денег?

**Заем без залога и поручителей.
Срочно, выгодно, реально!**

В общем, ждем тебя на работе, штык в штык. Целуем. Твои друзья.
Гудок.

Голос Кати. Жень, нам надо поговорить. Если ты не приходишь из-за меня, то это напрасно. Бедный мой мальчик. Я такая дура была, забудь про мои слова, давай заберем все обратно. Хочешь, вечером я приеду? Позвони в случае твоего желания. Но только не в офис, а на мобильный. Кроме того, если тебе интересно: поставки в Архангельск возобновились. Целую, Катя.

Длинные гудки. Затемнение.

Холл гостиницы. Стойка ресепшен. Джек жмет кнопку вызова портье.

**Номера для отдыха,
апартаменты для интимных встреч.
Почасовая оплата!**

Портье. Добрый новогодний вечер. Что вы хотите?
Джек. Мне — номер.
Портье. Полулюкс, эконо, завтрак, бар в номере за отдельную плату?
Джек. Завтрак не надо.
Портье. Тысяча пятьсот рублей, вам компания не нужна? Девочку?
Джек. Давайте девочку.
Портье. Тогда еще пятьдесят долларов, номер 2046, второй этаж.
Джек. Нет, мне не подходит. Мне нужно как можно выше. Люблю красивый вид из окна.
Портье. Двенадцатый этаж, грандиозный обзорный вид, вас устроит?
Джек. Устроит.
Портье. Тогда с наступающим.
Джек. С наступающим.

Затемнение.

Гостиничный номер. На кровати спит, свернувшись калачиком, Проститутка. Джек стоит у окна.

Джек. Новый год с дешевой гостиничной проституткой. Очень странный Новый год. Мы выпили алкоголя, потом занимались любовью, а теперь она спит на моей кровати.

Стук в дверь.

Проститутка на кровати просыпается.

Голос из-за двери. Время. Либо доплатите, либо время.

Проститутка быстро встает, берет сумку, целует Джека в щеку.

Проститутка. С Новым годом.

Джек. С Новым годом.

Затемнение.

В гостиничном номере никого нет. Только ветер — все окна широко раскрыты.

Голос Джека. В неоновое море нельзя входить медленно. Можно только погрузиться сразу, целиком. Свет манит, и завораживает, и зовет к себе.

**От лидера в области поставок!
Идеальная по вкусовым качествам,
замороженная один раз, удобно упакованная,
без ледяной глазури!**

Когда-то мы были рыбами. Глупыми, тупыми рыбами, и оттого эта неоновая наживка до сих пор на нас действует. Но все равно это лучше, чем полная пустота и темнота. Об этом однажды уже кто-то сказал. Впрочем, сейчас это уже не важно...

Смеясь над Джеком, эхо запоминает последнее слово. Длинные телефонные звонки. Полная темнота.

Анастасия Истомина

Продукты страхования

Действующие лица:

Я — женщина 40 лет. Много курю и пью.

Познер — известный телеведущий в шикарном смокинге.

Страховой агент — 25-летний парень с внешностью то ли модели с обложки гламурного журнала, то ли Христа. В брюках и белой рубашке с галстуком.

Я. Да здравствует еще один день.

Я выпиваю. Я сижу на полу в ванной, рядом со мной стоит начатая бутылка пойла коричневого цвета. Я курю и пью, пока в ванну набирается вода. Я стягиваю с ног туфли-лодочки, словно освобождаюсь от чертовых кандалов, и сдираю пластырь с натертого пальца на правой ноге. Звонит мой телефон. Я смотрю, кто звонит, и выключаю.

Я. Еще один просранный день. Мне можно было бы вручить приз за самый бездарно прожитый день. Какой-нибудь гребаный кусок гранита, чтобы радовал глаз водолаза, который нашел бы меня с ним в Москве-реке. Когда у меня еще был телевизор, по вечерам тут было повеселей. Его унес мой бывший. Как-то я пришла домой, а там ни его, ни телевизора. Я, черт возьми, волновалась за них обоих. Но потом мой бывший позвонил, сказал, что он от меня ушел и забрал телевизор. Он сказал — это меньшее, что я ему должна. Может, он прав. Мне кажется, фразы «что такое любовь» и «почему я такая дура» — самые запрашиваемые в интернете. Ладно. Пусть они будут счастливы. Мне понравилось, как Познер однажды спросил кого-то из своих собеседников: ну как вы вообще? Я хотела бы, чтобы меня кто-нибудь спросил сейчас — ну как ты вообще? Может, мне было бы что рассказать, окажись я в ящике. Ну, знаете, миллионы телезрителей, все они смотрят на тебя прямо сейчас. Я бы кое-что рассказала. Я часто лежу в ванне и говорю с Познером. Все равно у меня нет телевизора. Я скажу вам, что он вполне нормальный мужик, хотя и

кажется снобом. Я знаю таких, им просто надо немного расслабиться, почувствовать, что их задница вне опасности. Нет, тут все прилично — мы просто приятельски беседуем. Познер в смокинге, у него дорогие запонки. Видели бы вы его запонки. Не знаю, что мне надо сделать, чтобы заработать на такие запонки.

Познер (*сидя в ванной*). Ну как ты вообще?

Я. Ничего нового.

Познер. Сегодня у тебя нет настроения?

Я. У меня есть настроение выпить. Именно этим я собираюсь сейчас заняться.

Познер. Как прошел твой день?

Я. Полная жопа. Некоторые люди, видимо, просто созданы созерцать одну жопу.

Познер. Ты опять опоздала на собеседование?

Я. Немного. Самую малость. Почти нет.

Познер (*немного ехидно*). И что случилось на этот раз?

Я. Откуда этот сарказм?

Познер. Я просто так спрашиваю.

Я. Я проснулась... в чьей-то квартире. Я не знаю, чья это квартира. Видимо, было раннее утро. В квартире никого. В кофеварке на самом дне расколотая радужная пленка. Это дно ада. Я знаю его на вкус. Сигареты на подоконнике. Стол завален грязными тарелками, съезжившимися, как крайняя плоть, шкурками от колбасы, пустыми стаканами. Я оделась и ушла.

Познер. И ты не попыталась узнать, кто там живет?

Я. Любопытство. Оно заканчивается там, где начинается утро в незнакомой постели. Я не хочу думать о том, где окажусь в следующий раз. К тому же я опаздывала на собеседование. Коктейли когда-нибудь меня убьют. Это факт. Я не умею пить. Девочки совсем не любят коктейли. От них напрочь отбивает память. Поутру приходится обзванивать знакомых, собирать воспоминания по осколкам.

Познер. Сообщила ты об этом тому, кто затащил тебя в постель? Еще интересно, использовал ли он резинку?

Я киваю.

Я. Правильные вопросы.

Познер. И что ты собираешься делать?

Я. Все, что я сейчас могу сделать для себя, — это просто принять все как есть.

Я наливаю и пью.

Познер. Ну, похоже, у тебя это не очень получается.

Я. Я стараюсь. Я вычитываю запас мудрости на каждый день в бесплатных газетах, пока еду в метро. Гордон сказал: «У меня нет проблем с домом, потому что у меня нет дома». Мне нравится, когда так решаются все проблемы. Я сама люблю решать их именно так. Поэтому у меня нет многих проблем. Дженнифер Энистон сказала: «Голодовки приводят к запоям». ОК! Не буду проверять. Я знаю много чего другого, что имеет такие же последствия.

Познер. Так тебе действительно неинтересно, с кем ты переспала?

Я. Интересно! Мне интересно. Я ведь не автомобильный туннель — вот ему пофиг, кто по нему ездит... Ладно. Звонил один приятель. Он спросил меня, как дела, интересовался моими планами на ближайшую жизнь. Какая-то несвойственная теплота, будто мы пережили вместе хорошее кино. Мне стало вдруг так хорошо. Уже выключив трубку, я подумала: это ведь мог быть он?

Познер. Перезвонить спросить, использовал ли он резинку?

Я. Я поставила на то, что он порядочный человек.

Познер. Жаль только, что ты всегда проигрываешь ставки.

Звонит мой телефон.

Познер. Кто это звонит?

Я. Эдик, мой бывший.

Познер. Ты не ответишь?

Я. Нет.

Познер. А если это был он?

Я. Вряд ли.

Познер. Но ведь некоторая вероятность все же есть.

Я не отвечаю.

Познер. Ладно. Забирайся сюда. Давай!

Я неохотно забираюсь в ванну — прямо в блузке и юбке. Я пью. Мне хорошо, будто мы на лимузине рассекаем по улицам Парижа.

Познер. Как прошло собеседование?

Я. Я не хочу об этом.

Познер. Да ладно.

Я. Я не хочу.

Познер. Как хочешь.

Я. Ненавижу эти собеседования. Знаешь, что первым вопросом всегда бывает? «Сколько вам лет». Ни кто я, ни что я умею. Первым делом

спрашивают мой возраст. Как будто страховой агент — это человек, который должен посадить президентский самолет.

Я снова молча курю.

Я. Собственно, я могла сразу уйти. Тот парень, что зашел первым, — он не оставил мне никакого шанса. Как ты думаешь, кого они возьмут: двадцатипятилетнего здорового умника со смазливой мордашкой или сорокалетнюю дамочку с кругами под глазами? Я могу сказать, что круги под глазами — это как круги в стволе дерева. Это жизненный опыт. Но кому он нужен, этот ваш сраный жизненный опыт? Нет. Двадцать пять лет, приличные родители, которые смогли оплатить своему единственному отпрыску высшее образование, правильные черты лица, отсутствие детей и вредных привычек — и любая работа ваша. Дети. В каждой анкете, что я заполняла, этому вопросу уделяется особое внимание. У этого красавчика они не спросят про детей. Дети — они очень плохо вписываются в любую работу.

Познер. У тебя нет детей.

Я. Да, у меня нет детей. Но в данном случае это вряд ли перевесит белозубую улыбку. В сорок лет быть женщиной, ищущей работу, просто неприлично. Все эти анкеты! По крайней мере, я сперла у них ручку.

Познер. Они спрашивали о твоих предыдущих местах работы?

Я. Они спрашивали.

Познер. Ты никогда мне не рассказывала.

Я. Ну да. Ты же как гинеколог. Просто обязан все знать. Я работала курьером, сиделкой, снова курьером, помощником юриста, продавцом в ночную смену, девушкой на телефоне, торговым агентом — кем я только ни работала. Еще я выдавала коньки на закрытом катке торгового центра. Ну и страховым агентом.

Познер. И почему ты ушла с предыдущего места работы?

Я. Да, об этом всегда спрашивают. Я бросила работу курьера, потому что, как назло, выдалась холодная зима. Попробуй-ка в минус тридцать побежать по городу. Я пас.

Познер. Сиделка.

Я. Старуха, с которой я сидела, сдохла. Ей являлись святые. Не помню их имен. Она плакала, когда рассказывала об этом. Святые ее не забывали, приходили, регулярно навещали. Она страдала запорами и большую часть времени страдальчески молчала. И когда у нее наконец получалось поспать — это было праздником. Практически Днем Победы. Она оживлялась. Она призывала меня полюбоваться на ее творение. Как детки высматривают фигурки животных в проплывающих мимо облаках,

она находила в том, что оказывалось на дне утки, всяких зверушек. «Похоже на скорпиона, да?» — спрашивала она меня. У нее было богатое воображение. Не знаю, о чем она болтала со своими святыми.

Познер. Продавец.

Я. Это были ночные смены в супермаркете мебели. Нужно было контролировать, чтобы все было готово к утренней доставке оплаченной мебели покупателям. Доставок было мало. К двум часам ночи мы все заканчивали. Я выбирала себе кровать и просто спала. У меня были проблемы с квартирой, и это было очень удобно — работа и постель, все сразу. Я никогда раньше не спала на таких кроватях. Не во всяком президентском номере есть такая кровать. Не уверена, что ты видел такие кровати. Хотя ты, наверное, видел. Шик! Я спала на такой. Пока не затащила туда одного парня. Менеджеру это не понравилось.

Познер. Девушка на телефоне.

Я. Мне нравилось. Там я встретила одного из своих экс. Этот мудака однажды по пьяни оказался в моей постели. И потом стал настаивать на продолжении. Мы съехались. Он использовал мой настольный дзен-садик в качестве пепельницы. И когда я выходила из себя, он орал, что у меня ПМС. Вряд ли дело в ПМС, если тебе говорят «я тебя не люблю, но нам неплохо вместе».

Я снова закурываю.

Я. Какую же лажу иногда называешь любовью... Ну хотя бы лажа. Лучше уж пусть с ней.

Я выпиваю. Бутылка коричневой жидкости стоит на плиточном полу ванной.

Познер. Ты снова собираешься пить. Ты ведь знаешь, чем это закончится?

Я. Чем?

Познер. Утром в незнакомой постели.

Я. Ты все знаешь, да?

Познер. Ладно. Как насчет торгового агента?

Я. Хрень, а не работа. Шляться целыми днями по домам и офисам, как будто ты религиозный фанатик. На самом деле это были всякие чудсредства для выведения пятен. Но они, как и вера, были никому не нужны. Мне больше никто не давал в долг. А вопрос жилья был по-прежнему актуален.

Познер. Коньки?

Я. О, это было неплохое время, пожалуй, даже лучшее время, я проторчала там больше трех лет. Но потом решила, что надо двигаться дальше, и

оказалась на курсах страховых агентов. Почти год работы страховым агентом на процентах. Я обзванивала по сотне телефонных номеров в день, я бегала на встречи с одной мантрой в голове «Господи-не-дай-мне-в-этот-раз-все-проебать». Знаешь, мне показалось, они соглашались со мной встретиться только потому, что им хотелось посидеть в какой-нибудь кафешке и потрепаться о своих проблемах. Им надо было, чтобы их выслушали. В половине случаев я еще и оплачивала им кофе. Охренительный расклад. В итоге я застраховала своего отца, двух своих бывших приятелей, сына своей парикмахерши, машину соседа и гараж одного придурка, который облевал мне коврик в сортире. Наутро ему было страшно неловко, и он решил, что страховка гаража — это вполне подходящее извинение. Тут я поняла, что с меня хватит. У меня достаточно опыта, чтобы сидеть теперь в гребаном офисе какой-нибудь страховой компании, как эти девицы, что задают все эти дурацкие вопросы, а не бегать по улицам в поисках клиентов. Господи, да я же все знаю про страхование! Я могу, например, отвечать на звонки, давать консультации. Посмотри на эти туфли. Это не туфли — это чертовы орудия пытки. Никого не интересуют твои больные ноги. Ты не можешь ходить на встречи с клиентом в кроссовках. Ты должна внушать мысль об успешности, ты должна быть идеальна, как тот белозубый красавчик за дверью, — твои клиенты должны верить в тебя как в собственное будущее.

Снова звонит мой телефон. Я отбиваю звонок.

Я. Эти парни — они всегда оказываются рядом.

Познер. Они его взяли?

Я. Я не знаю. Я решила не ждать своей очереди.

Познер. Ты ушла?

Я. Да, я ушла с гордо поднятой головой. Пошли они в жопу. Мой отец думает, что я до сих пор работаю девушкой на телефоне. Он говорит — ничего, все с чего-то начинают. Хотела бы я уметь так закрывать глаза. Сколько же глаз мне надо закрыть!

Я пью.

Я. Когда-то я была мечтательницей. У меня были мечты.

Познер. И о чем ты мечтала?

Я. Собиралась на курсы фотографов. У меня был старенький фотоаппарат. Я кое-что снимала, и мой знакомый говорил, что у меня есть видение. Конечно, он говорил это, чтобы я поскорей расслабилась. Тогда я еще была недотрогой. Я собиралась найти нормального парня. Я хотела урвать свой кусочек торта со свечкой от этого праздника. Мне просто

надо было как-то встать на ноги, немного окрепнуть. Я носилась с закрытыми глазами, уверенная, что все идет как надо.

Познер. И что случилось?

Я (*пожимая плечами*). Что-то сломалось. Будто я бежала-бежала и вдруг остановилась, посмотрела вокруг. Я впервые посмотрела вокруг. И что я увидела? Я увидела гребаную мечтательницу посреди полной задницы. У меня больше не было сил снова бежать. Пока все остальные устраивали свою жизнь, я мечтала. Я решила — ладно. Надо сделать небольшую паузу и подумать, что делать дальше. Я сказала себе: это на время. Но прошло несколько лет, и пора бы сказать себе честно: мой перерыв затянулся, слишком затянулся. Просто иногда что-то ломается — и оно ломается навсегда. Это нельзя исправить.

Снова звонит мой телефон.

Познер. Ответь.

Я. Я не собираюсь отвечать.

Познер. Если это все-таки он?

Я выключаю телефон.

Я. Не понимаю, зачем они меня поят. Они что, думают, без этого у них нет шанса? Не знаю, может, мне оставлять записку в трусах, чтобы они пользовались презервативами? Или уж отписывались бы, что они этого не сделали: типа, прости, малыш, но ближайший магазин за три нехороших буквы, и, если бы у меня остались деньги на презервативы, я бы лучше купил сигарет. Проехали.

Познер. И когда ты в последний раз осознанно оказывалась в постели?

Я. В прошлом году. Мне надо было у кого-то занять денег. И там был парень из бухгалтерии. Мы с ним иногда ходили от метро и обратно. Он был симпатичный, но слишком застенчивый. Весь такой обернутый в вышитое мамочкой одеяло. Знаешь, иногда попросить денег гораздо сложнее, чем переспать. Я попыталась превратить ситуацию в шаблонную для себя — переспать, а там будет видно.

Познер. И что? Вы не переспали?

Я. Мы переспали. Потом сидели на кухне, пили чай... Было такое чувство, будто сохла любимая собака... Короче, он дал мне денег, и я свалила.

Познер. Ты наливаешь уже в третий раз.

Я. А ты считаешь?

Познер. Может, стоит закусывать?

Я. Один мой знакомый сказал: «Ты ни хрена не умеешь пить». Только потому что я решила приготовить ему утром завтрак, он возмнил, что

теперь может благодетельствовать меня своей трепотней. Он все время рассказывал про какого-то своего приятеля Витю. Думаю, Витя был его воображаемым другом, с которым ему было нескучно в душе. Схожу на кухню, принесу... что там есть.

Познер. Сомневаюсь, что в твоём холодильнике что-то есть.

Я. Могу сходить в магазин.

Познер. Но ты не пойдешь, потому что как только ты представишь, что тебе придется вылезти из ванны, одеться и проплестись в круглосуточный магазин на другом конце улицы... Нет, ты этого не сделаешь.

Я. Ладно. Давай свои вопросы.

Познер. Ваше имя.

Я. Это что? Анкета?!

Познер. Возраст.

Я. Кончай уже!

Познер. Семейное положение.

Я. Однажды я чуть не вышла замуж. Seriously. У меня была задержка, я думала, что зателела. Мой тогдашний не сильно обрадовался, но сказал, что женится, если я этого хочу. Господи, он так напился, как будто получил известие о скором конце света! Тест на беременность расставил все на свои места. Потом выяснилось, что у меня какая-то опухоль. Я думала, что умру. И я даже как-то свыклась с этой определенностью. Лежала себе в больнице, привыкала к ландшафту, ведь скоро мне предстояло стать его частью. Потом была операция. Таблетки. Меня выворачивало от них наизнанку пару недель. Оказалось, что я снова должна жить. Жизнь — это очень неопределенное занятие, согласись.

Познер. Сколько половых партнеров у вас было?

Я. Во что мы сейчас играем? В гинеколога?

Познер. Так сколько?

Я. Я не считаю. Это же не ежегодное соревнование на приз газеты «Рыбалка и охота». Просто секс — это такой экстремальный способ перейти на «ты». Без всех этих заморочек.

Я пью.

Я. Один мой экс сказал как-то: «В чем только рту ни побывал твой язык». Кажется, он мной гордился.

Я пытаюсь вспомнить этого парня. Мне становится смешно.

Я. Я была влюблена в него по уши. Я готова была забрать его поношенное сердце и отдать свое — так его любила. У него все время были какие-то командировки. Когда он приезжал, мы трахались, потом он говорил:

«Киска, тебе надо провериться, кажется, я подцепил какую-то хрень». Он говорил, что подцепил это в бассейне. Видимо, считал меня совсем душой... Бывшие остаются бывшими — это больно, но с этим можно жить. Проехали. Давай дальше.

Познер. Дети.

Я. Одна моя подруга говорила: «Когда тебя колотит, все советуют тебе — просто роди ребенка. И вот ты его рождаешь, и все остается так же, только никто уже не может сказать тебе: роди ребенка». Иногда я думаю о детях. Особенно среди недели. Когда все чертовски плохо.

Познер. Но бывает ведь и хорошо.

Я. Бывает. Вечером пятницы все оживляется, кажется, что в выходные с тобой непременно случится что-то хорошее. У тебя приподнятое настроение. Ты чувствуешь, как гребанный мир начинает вращаться быстрее. Люди вырабатывают электричество, оно просто струится по улицам. Выходные размениваются на отмененные встречи, на стирку, на магазины, на разговоры. Несколько часов ты просто болтаешься туда-сюда. Мы все этим занимаемся: мы болтаемся тут в ожидании чуда, как детки на рождественской елке. Но потом приходит понедельник. И все начинается по новой.

Познер. Ты задумываешься, что с тобой будет, скажем, через пять лет?

Я. Я часто представляю себя через пять лет. Я мысленно делаю себя старше, как будто даю себе сегодняшней еще шанс. Я представляю себя моющей посуду в какой-нибудь тесной подсобке ночного бара. Десяток проваленных с начала месяца собеседований говорят о том, что так все и будет... Они никогда не перезванивают. Они только говорят: «Мы обязательно позвоним». И никогда не перезванивают. Если тебе не звонят — это плохой знак, верно ведь? Кто-то из великих мертвых сказал, что с горы спускаться даже интересней. Ну что же. Я качусь вниз на такой скорости, что дух захватывает. Я заставляю себя встать утром, и иду в ванную, и говорю себе: зачем я это делаю? И думаю, что я думаю это каждое утро, и все равно я встаю и иду в ванную, и я начинаю играть во всю эту дрянь до самого вечера, как будто это и правда меня занимает. Эти ночи, когда ты думаешь, что ты такое. Один мой знакомый любит говорить: «Каждая ночь чуть длиннее, чем предыдущая, если ты ждешь ее конца с открытыми глазами». Мы познакомились на улице, вместе искали его собаку. Он говорил: «В жопу идеалы. Идеалы — это снобизм. Сострадание — оно без идеалов». Я хотела бы обнять его. Возможно, в одной из параллельных вселенных я даже это сделала — так он прав.

Познер. Почему эти слова так важны?

Я. Я пытаюсь научиться принимать все как есть. Идеализм похож на идиотизм не только на слух. Знаешь эту историю, когда одна голливудская актриса решила покончить с собой? Она выжрала пузырек таблеток, вырядилась в лучший пеньюар, улеглась на кровати, приняла красивую позу. Так должны были застать ее журналисты. Но природу не обманешь — если ты выжрала сотню таблеток, это должно как-нибудь сказаться. Ей захотелось блевать, она побежала в сортир и там грохнулась, запутавшись в собственном шикарном пеньюаре, разбив башку об унитаз и задохнувшись в блевотине. Не все зависит от тебя. Скорее от тебя вообще ничего не зависит. Сегодня какой-то парень на своей тачке вылетел на тротуар и сбил трех человек. Насмерть. Вряд ли эти люди рассчитывали на это. Завтрака утром яичницей и запивая кофе, они, наверное, думали, что крепко имеют свою удачу.

Познер (*с иронией*). Поэтому ты выбрала страхование?

Я. Я выбрала страхование, потому что на эти курсы брали всех подряд. Я именно этот контингент — «все подряд».

Познер. Кто же поверит страховому агенту, который сам ни во что не верит?

Я. Я верю в ад.

Познер. Тот парень, с которым вы искали собаку, он тоже твой экс?

Я. А тебя все это веселит, да?

Познер. Должен же я получать хоть какое-то удовлетворение от того, что сижу тут в остывшей воде, выслушивая спивающуюся сорокалетнюю тетку.

Я. Да пошел ты.

Я закуриваю не знаю какую по счету сигарету.

Познер. Ну так как? Он тоже твой бывший?

Я. Знаешь что?

Я выбираюсь из ванны.

Я. Не хочу больше интервью. Я знаю, что тебе нужно и всем этим прикуркам у экранов: мои признания вперемежку с какой-нибудь пошлятиной. А пошли вы!

Познер. Как хочешь.

Я. Отлично!

Познер. Ты не против, если я продолжу с кем-нибудь другим?

Я развожу руками, как бы поощряя.

Я. Шоу ведь должно продолжаться. А я выпью и посмотрю всю эту вашу хрень со стороны.

Познер. Кого бы ты хотела увидеть в этой ванне? Сегодня ты можешь выбирать.

Я. Какого-нибудь безмозглого красавчика с загорелой кожей. Говорят, на турецких курортах от таких отбоя нет.

В ванну залазит 25-летний Страховой агент с внешностью то ли модели с обложки гламурного журнала, то ли Христа, в брюках и белой рубашке с галстуком. Он прекрасен как бог. Он улыбается.

Познер. Кажется, ты его знаешь?

Я. Да, это тот парень, что обошел меня сегодня на собеседовании.

Познер. Так ты не возражаешь?

Я. Валяйте.

Страховой агент (*подозрительно осматриваясь*). Интересно, когда в последний раз мыли эту ванну?

Познер. Лучше не спрашивай.

Я. Не нравится — проваливай.

Страховой агент. Вы читали сегодняшние новости? Парень на своей машине вылетел на тротуар и сбил насмерть трех человек. А в Америке ураган унес жизни тридцати девяти человек сразу.

Я (*Познеру*). Лучше бы он станцевал.

Познер. У меня ток-шоу, а не стриптиз-клуб.

Страховой агент (*Познеру*). Она будет тут сидеть?

Я. Расслабься, малыш. Не стоит так нервничать. Что там насчет новостей? Все эти несчастья очень помогают твоей работе, не правда ли? Продолжай.

Страховой агент. Мы знаем из новостей, что живем в жестоком мире. Мы смотрим телевизор, мы слышали, что есть люди, которые просто так могут убить. Мы должны думать об этом. Когда мы спускаемся в метро, мы мысленно произносим: «Боже, сохрани». Мы становимся чертовски верующими, спускаясь в метро. Мы боимся людей в толпе. Мы не знаем, что они несут в своих сумках и головах. Мы этого не знаем. Мы только мысленно произносим: «Боже, сделай так, чтобы сегодня люди оказались чуть более терпимы друг к другу». Мы хотим, чтобы кто-то дал нам крошечную надежду, что с нами сегодня-завтра все будет хорошо, — хоть в чем-то мы хотим быть уверены. И что же мы делаем?

Я. Я знала одного парня, который задавался такими вопросами. Так-то он был вполне неплохим. Но иногда вдруг становился злым, как будто внутри него что-то начинало его дергать и он никак не мог понять, что это такое.

Познер. Не обращай на нее внимания.

Я. Правильно. Устраивайся поудобней в моей ванне и не обращай на меня внимания.

Страховой агент. Какого хрена ты не можешь помолчать? Я тут о надежде, мать твою, говорю!

Страховой агент обиженно вылезает из ванны.

Я. Ладно-ладно. Валяй. Ты милый, малыш. Я не против, чтобы ты посидел в моей ванне. Знаешь, в ней обычно оказываются парни гораздо менее симпатичные, чем ты.

Страховой агент. Ты могла бы меня послушать. Хотя раз в жизни заткнуться и послушать. У тебя есть чистые полотенца?

Я презрительно не отвечаю. Страховой агент ищет в шкафу, выжимая мокрый галстук прямо на пол, находит картонный ящик из-под обуви с елочными украшениями.

Страховой агент. Что это?

Я. А ты как думаешь?

Страховой агент достает из ящика смотанную в терновый венец дешевую гирлянду, водружает ее себе на голову, включает гирлянду в сеть, отчего его «венец» мигает маленькими разноцветными лампочками. Залезает обратно в ванну.

Познер. Мы можем продолжить?

Страховой агент. Если она не будет перебивать.

Я. Ты же слышал о технике безопасности? Эта штука в воде может убить.

Страховой агент. Ты видишь, что у меня на голове? Меня ничто не убьет. У тебя никакого воображения.

Познер. Мы говорили о надежде.

Страховой агент. Да, мы говорили о надежде. Я тот, кто может ее дать.

Я. Снотворное стоит дешевле.

Страховой агент. Знаешь, я вижу насквозь таких, как ты.

Я. И что ты видишь?

Страховой агент. Дай мне руки. Протяни мне свои руки, не бойся.

Я неохотно даю ему свои руки. Страховой агент сжимает их в своих руках.

Страховой агент. Что ты чувствуешь?

Я. Чтобы я что-то почувствовала, я должна оказаться значительно ближе.

Страховой агент. Я тебе скажу, что ты чувствуешь. Ты чувствуешь страх. Маленький животный страх, который ест тебя изнутри. Маленькая крыса, разрушающая каждый твой день. Вот что ты чувствуешь.

Я. Ох, лучше бы ты научился показывать все эти фокусы с превращениями воды в вино, малыш.

Страховой агент. Я мог бы тебе кое-что рассказать. Но ты настолько глуха, что не хочешь слушать. Каждый человек рожден для счастья — вот что я бы сказал тебе, если бы ты слушала. Разве ты не имеешь права быть счастливой? Разве не для этого ты родилась?

Я. Ну, похоже, я родилась для того, чтобы стать наглядным пособием, как запросто просрать свою жизнь.

Страховой агент. Доверься мне.

Я. Отличная фраза. Сразу внушает доверие. Ты на правильном пути, малыш. Знаешь, сколько раз эта фраза приводила меня в постель?

Страховой агент молитвенно складывает руки, держа мои руки в своих.

Страховой агент (*полузакрыв глаза в экстазе*). Послушай, как бьется твое сердце. Давай вместе его послушаем. Ты слышишь? Это маленькая надежда. Что-то внутри тебя — оно еще живо, оно чисто, как гребанный божий младенец, оно хочет жить, пока ты просираешь тут в ванне остатки здравого смысла.

Я. Что еще за евангелическая хрень? Меня это достало! В конце концов, это моя ванна! Пошел отсюда!

Я пытаюсь утопить Страхового агента, сорвав с него «венец» из гирлянды. Он сопротивляется. В итоге мы оба устаем. Он садится в ванне, тяжело дыша, поправляет галстук, расчесывает волосы.

Я. Тебе надо научиться танцевать стриптиз, малыш. Вот за это я бы тебе заплатила. Проваливай уже!

Страховой агент уходит, сунув мне визитную карточку.

Страховой агент (*все с той же улыбкой Мессии*). Позвони мне.

Я выбрасываю визитку. Сажусь в ванну, водрузив разноцветно мигающий венец себе на голову. Познер смеется.

Я. Что?!

Познер. Это было здорово.

Я. Ну конечно. Приглашай почаще. Я умею веселить. Я же как гребанный хомячок в дурацкой шапочке.

Познер. Может, тебе стоит выступить на телевидении? Ты имела бы успех. Ты была бы знаменита.

Я. Если хочешь стать знаменитым — вылезь голым на поле во время прямой трансляции футбольного матча. Завтра на ю-тьюбе у тебя будет сто тысяч поклонников. Ты будешь национальным героем, пока какой-

нибудь счастливчик не заснимет своего пса, ссущего в унитаз, стоя на задних лапах. Я не хочу конкурировать с псом, ссущим стоя. Я сразу готова отдать ему пальму первенства. Только не этому парню с проповедью.

Познер. Его, по крайней мере, что-то заботит.

Я. А меня нет. Вся эта хрень за окнами, все эти люди с часовыми механизмами и бомбами в головах — пусть они наконец соберутся вместе. И сделают то, что им так хочется. Я не собираюсь ни за что отвечать. Все вокруг происходит помимо меня, меня никто никогда не спрашивал, и я не хочу нести за это ответственность. Все, что меня волнует, использовал ли придурок этой ночью резинку, ясно?

Я снова пью.

Я. Знаешь, что бы я застраховала?

Познер. Что?

Я. Я застраховала бы свою задницу. Seriously. Все говорят, у меня отличная задница. Мне тоже нравится моя задница. И пусть все остальное летит к черту. Так даже лучше. Я думаю: если бы ураганы случались у нас, если бы они были достаточно часто, мы могли бы оставаться дома и проводить больше времени с нашими близкими. Вот видишь, я оптимистка. Несмотря ни на что, я все еще пытаюсь быть оптимисткой, я как небо, изрезанное самолетами, все еще храню целомудрие. Этот парень прав: где-то внутри я все еще охренительно чиста и девственна, как сухой неразбавленный мартини.

Я молчу какое-то время.

Я. Знаешь, чем плохи эти разговоры в ванной? Тем, что когда-нибудь я окончательно двинусь с катушек. Ты будешь таскаться со мной по беседам и улицам, будешь пить и спать со мной, ходить со мной в магазин и советовать, что купить на ужин. Мы будем ругаться из-за крошек в постели. Это уже какие-то семейные, мать их, отношения. Тебе, как порядочному человеку, придется на мне жениться, понимаешь? Ты ведь женишься на мне?

Познер. Я женюсь на тебе.

Я. Охрененно! Я буду женой Познера. И да спасет нас всех гребаный Страховой Агент.

Я пью.

Михаил Дурненков

Красная чашка

Действующие лица:

1-й полярник

2-й полярник

Домик полярников. Стол, два стула, пара шкафчиков, кровать (одна). За окном белым-бело. За столом сидят два одетых в толстые свитера с горловинами бородатых полярника, с наслаждением пьют кофе.

1-й полярник *(с энтузиазмом)*. Ну что, пойдем поработаем?

2-й полярник *(лениво)*. Давай еще по чашечке...

1-й полярник. Нет. Пора. *(Встает.)* Дел сегодня у нас много...

Бодро надевает аляску, рукавицы, берет какие-то непонятные приборы, открывает дверь. В избушку вваливаются клубы морозного воздуха, через приоткрытую дверь видна здоровенная морда белого полярного медведя. 1-й полярник резко захлопывает дверь, так же быстро, как и одевался, снимает с себя верхнюю одежду, садится за стол ко 2-му полярнику.

1-й полярник. А и вправду. Давай еще по чашечке.

С наслаждением пьют кофе.

1-й полярник *(мечтательно)*. Нового дня глоток...

2-й полярник. Угу...

Играет рекламный джингл. 1-й полярник встает и выливает кофе из кружки в стоящее возле двери ведро.

1-й полярник. Ненавижу.

2-й полярник. И что?

1-й полярник. Просто ненавижу, понимаешь? Просто ненавижу. Просто ненавижу.

2-й полярник. А что тебя бесит?

1-й полярник. Да все! И это место, и эти медведи, и эта музыка, и этот кофе, и этот бред один и тот же. Я не могу уже. Когда все это кончится? А?

2-й полярник. А ты что, помнишь, как все это началось?

1-й полярник. Ни хрена я не помню, но это же не может быть вечно!

2-й полярник. Почему не может?

1-й полярник. Я с ума сойду.

2-й полярник. Я думал над этим. Мне кажется, не получится. Мы не сможем сойти с ума, не заложено в нас такой возможности. Вот ты шкафчики открывал?

1-й полярник. Нет.

2-й полярник. И я не открывал. Знаешь почему?

1-й полярник. Почему?

2-й полярник. Потому что шкафчики сделаны из цельного куска дерева. Они ненастоящие. Они не созданы, чтобы в них можно было класть вещи, баночки там всякие, что там еще бывает...

1-й полярник. Приборы.

2-й полярник. Вот-вот, приборы. Так и мы не созданы для того, чтобы свихнуться.

1-й полярник (*тоскливо*). А тогда зачем?

2-й полярник. И над этим я думал. И придумал.

1-й полярник. Что?

2-й полярник. Бежать нам надо. Ты правильно говоришь, мы же ведь жопу здесь себе морозить целую вечность можем. Правильно?

1-й полярник. А как бежать? Тут же медведь этот, я каждый раз, как дверь открываю... (*неожиданно совершенно по-детски*) Не могу я к нему привыкнуть!

2-й полярник. Тебе потому что положено таким быть. А я вот по амплу своему все время думаю.

1-й полярник. По-моему, по амплу по твоему ты просто тугодум.

2-й полярник. Тугодум не тугодум, а ведь придумал.

1-й полярник (*нетерпеливо*). Ну, давай, что там у тебя?

2-й полярник. Все очень просто...

1-й полярник (*прерывая*). погоди... Бля-я-я, опять начинается...

2-й полярник. Да, точно. Садись.

Повторяется та же сцена, что и в самом начале.

1-й полярник (*дождавшись последнего аккорда*). Рассказывай.

2-й полярник. Я придумал, как нам бежать. То есть совсем.

1-й полярник. А как же медведь?

2-й полярник. Ты меня сначала выслушай. Смотри, медведь один, а нас двое...

1-й полярник. Нет!

2-й полярник. Если мы побежим в разные стороны...

1-й полярник. Нет, я не хочу!

2-й полярник. Он ведь только за одним сможет...

1-й полярник. Не пойдет! Так не пойдет!

2-й полярник. Или это все навсегда.

1-й полярник (*подавленно*). Навсегда...

2-й полярник. Понимаешь?

Пауза.

1-й полярник. Он за мной побежит. Он меня знает. Знает и очень... не любит.

2-й полярник. Это заложенный в тебя страх так говорит. Может, я ему больше приглянусь. Я, вообще-то, и медлительней, чем ты, сам знаешь почему.

1-й полярник. А... когда?

2-й полярник. Сейчас надо. Пока опять не началось.

1-й полярник. Я больше не могу это пить.

2-й полярник. Вот и побежали.

1-й полярник. Страшно... (*Машет на 2-го полярника руками.*) Знаю, знаю, не говори.

2-й полярник. Одеваемся.

Молча одеваются. Подходят к дверям.

1-й полярник. Слушай, у меня никогда не было семьи...

2-й полярник (*кладет ему руку на плечо*). И ты, если что... прости...

Обнимаются.

1-й полярник. Я не гомик.

2-й полярник. Понимаю.

1-й полярник. А тут еще кровать одна...

2-й полярник. Руки бы поотрывать тому, кто все это придумал.

1-й полярник. Я сейчас заплачу...

2-й полярник. На счет три.

1-й полярник. Раз...

2-й полярник. Два...

1-й полярник. Три...

Хлопает дверь, запустив в избу густой клуб пара. Долгая-долгая пауза. Дверь снова открывается. Входит 1-й полярник.

1-й полярник (*монотонно*). Слезы замерзли. Сосульки получились.

Медленно раздевается. Ложится на кровать. Заходит 2-й полярник. В его руках шест с торчащей на нем головой белого медведя. Аккуратно ставит шест в угол, возле ведра, и ложится рядом с 1-м полярником на кровать.

1-й полярник. Все понарошку. Весь мир понарошку. Вата, бумага, бумага, бумага, бумага... белая...

2-й полярник. Хватит.

1-й полярник. Десять метров — и все. Мира нет. Ничего нет. Бумага какая-то...

2-й полярник. Перестань. Лучше давай подумаем, что теперь делать-то будем?

1-й полярник (*с тоской*). Где?

2-й полярник. Где? Ну да... вопрос. Ну, здесь.

1-й полярник (*с тоской*). «Здесь» — это где?

2-й полярник. Да нигде! Мы же с тобой есть! Ну и хрен с ним, что больше ничего нет, мы-то есть!

1-й полярник. Докажи.

2-й полярник. Доказать что?

1-й полярник. Докажи, что мы есть.

2-й полярник (*растерявшись*). Ну, как это... Вот он ты, а я — вот... Я же думаю, все вокруг вижу, следовательно я — есть. Я бы даже сказал — существую.

1-й полярник. Ты, конечно, у нас самый умный и все такое, но объясни мне. Если все вокруг ненастоящее, почему я должен считать, что ты настоящий? Нелогично.

2-й полярник. Ты что, обалдел?

1-й полярник. Мне ужасно одиноко, потому что я тут единственный живой. В этом я действительно уверен.

2-й полярник. Нет, ну ты совсем обалдел?

1-й полярник. Твоя реакция — как этот снег за окном. Предсказуема и неправдива.

2-й полярник. Да ты!..

Встает, хочет что-то сказать. Наконец машет рукой и садится за стол.

2-й полярник. Обидно. Просто обидно. Ты, значит, есть, а я — нет? Да пошел ты...

1-й полярник. Мне некуда идти.

2-й полярник отворачивается от 1-го. Некоторое время оба молчат.

2-й полярник. И что бы я ни делал...

1-й полярник (*перебивая*). Что бы ты ни делал, все как из бумаги сделано, все твои реакции, все, что ты говоришь. Я могу их сам сочинить, твои слова.

2-й полярник. Так как же мне доказать, что я человек, а не... полярник?

1-й полярник (*пожимая плечами*). Никак.

Пауза.

2-й полярник. Встань-ка.

1-й полярник. Зачем?

2-й полярник. Ну, встань, встань...

1-й полярник (*вставая*). Ну?

2-й полярник с размаху бьет 1-го по щеке.

1-й полярник. Не понял...

2-й полярник. А я понимаю. В отличие от тебя. Потому что это я сам решил сделать. Это не ты придумал.

1-й полярник (*потирая щеку*). Действительно...

2-й полярник. Тему о моем существовании и несуществовании можно закрыть?

1-й полярник (*боязливо отодвигаясь*). Да, скорее всего...

2-й полярник. Вот и прекрасно. А теперь давай вдвоем подумаем, что нам делать в этой ситуации. Давай придумаем что-нибудь.

1-й полярник. А что здесь придумаешь? Придумай вон... имя себе придумай. Тебя как зовут?

2-й полярник. Не издевайся.

1-й полярник. А у меня знаешь какое имя?

2-й полярник (*терпеливо*). Ну?

1-й полярник. Искра электрического света сквозь растаявшую на ресницах снежинку.

2-й полярник. Таких имен не бывает.

1-й полярник. А какие бывают?

2-й полярник. Это... ну... Да хер его знает!

1-й полярник. Вот то-то же. А мое имя — оно полностью про меня. Оно меня описывает всего, как есть.

2-й полярник. Слушай, снежинка...

1-й полярник. Искра электрического света...

2-й полярник. Ну да, да, растаявшая и все такое. Должен же быть какой-то выход.

1-й полярник. Ты у нас думающий, вот ты и думай. А я не думающий, у меня, кроме имени, ничего нет. Вообще ничего.

Пауза.

2-й полярник (*осторожно*). А тебе лучше сейчас?

1-й полярник. В смысле?

2-й полярник. Вот с тех пор, как у тебя имя появилось, тебе лучше?

1-й полярник (*как будто прислушиваясь к чему-то*). Ну, это уже какой-то смысл. Определеннее как-то все стало.

2-й полярник. Я понял.

1-й полярник. Что ты понял?

2-й полярник. В том, что мы делаем, нет никакого смысла.

1-й полярник. А откуда ему взяться?

2-й полярник. А это уже от нас зависит. Предположим... у нас сейчас что? То есть какое время суток?

1-й полярник. День?

2-й полярник. Причем постоянно. Через неравные промежутки времени мы выполняем совершенно бессмысленные вещи. А могли бы...

1-й полярник. Да ничего бы не могли!

2-й полярник. А могли бы... молитву.

Пауза.

1-й полярник. Да?

2-й полярник. Да. Просто так, да?

Пауза.

1-й полярник. Знаешь, как тебя зовут?

2-й полярник. Как?

1-й полярник. Теплая ладонь, стирающая изморозь.

2-й полярник. Ты серьезно?

1-й полярник. Это про тебя.

2-й полярник. А почему такое короткое?

1-й полярник. А какой длины должны быть имена?

2-й полярник. Чувствуешь? Опять.

1-й полярник. Да.

2-й полярник (*торжественно*). Начнем?

1-й полярник. Сейчас, голову воткну на место.

Прихватив с собой шест, 1-й полярник на несколько секунд скрывается за дверью, возвращается и садится за стол.

2 - й полярник. Я верю в тебя, искра электрического света сквозь растаявшую на ресницах снежинку.

1 - й полярник. Я не подведу тебя, теплая ладонь, стирающая изморозь.

1 - й полярник *(с энтузиазмом)*. Ну что, пойдем поработаем?

2 - й полярник *(лениво)*. Давай еще по чашечке...

1 - й полярник. Нет. Пора. *(Встает.)* Дел сегодня у нас много...

Бодро надевает аляску, рукавицы, берет какие-то непонятные приборы, открывает дверь. В избушку вваливаются клубы морозного воздуха, через приоткрытую дверь видна здоровенная морда белого полярного медведя. 1-й полярник резко захлопывает дверь, так же быстро, как и одевался, снимает с себя верхнюю одежду, садится за стол ко 2-му полярнику.

1 - й полярник. А и вправду. Давай еще по чашечке.

С наслаждением пьют кофе.

1 - й полярник. Нового дня глоток...

Об авторах

Наринэ Абгарян, прозаик. Родилась в городе Берд Армянской ССР. Автор книг «Манюня» (лонг-лист премии «Большая книга», 2011); «Манюня пишет фантастический роман» (лауреат Книжной премии Рунета, 2011), «Понаехавшая» (Гран-при премии «Рукопись года», 2011), «Манюня. Юбилей Ба и прочие революции». Член СП Москвы.

Дмитрий Авилов, поэт, бард. Окончил Московский колледж художественных ремесел, учился в Государственном университете землеустройства. Один из основателей творческой ассоциации «32 августа». Публиковался в периодике. Автор сборника стихотворений «50 листов на скрепке». Лауреат Второго канала Грушинского фестиваля.

Александр Архипов, драматург, сценарист. Окончил ЕГТИ и ВГИК. Пьесы поставлены в Москве, Казани, Петропавловске-Камчатском, Екатеринбурге, Кемерово, Гданьске. Пьеса «Остров Мирный» принята к постановке Королевским Шекспировским театром (Великобритания). Пьесы переведены на английский, французский, немецкий, польский, татарский языки. Лауреат премии Министерства культуры РФ «Долг, честь, достоинство», премии губернатора Свердловской области, член СП Москвы.

Дарья Бобылёва, прозаик, журналист, переводчик. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковалась в журналах «Октябрь», «Кольцо А», писала фельетоны для журнала «Новый Крокодил». Переводы пьес Ф. Леле «По имени Господин» и Р. Шиммельпфеннига «Золотой Дракон» напечатаны в сборнике современной немецкоязычной драматургии «ШАГ-4». Член СП Москвы.

Екатерина Васильева, прозаик. Родилась в Санкт-Петербурге. Публиковалась в журналах «Нева», «Дети Ра», «Сетевая словесность», «Кольцо А», «Топос», сборнике «Книга непристойностей». Роман «Камертоны Греля» в 2012 году вошел в лонг-листы премии «Национальный бестселлер» и «Русской премии». Лауреат премии журнала «Нева» (2012). Член СП Москвы. Живет в Германии.

Татьяна Голунова, драматург. Родилась в Тольятти. Участница Всероссийского семинара драматургов «Авторская сцена» (2011). Пьеса «Не могу жить без Пушкина» вошла в лонг-лист конкурса «Действующие лица» (2010), мини-пьеса «Все мечтают трахнуть стюардессу» — в лонг-лист Волюшинского конкурса (2011). Публиковалась в сборнике «Сюжеты». Живет в Санкт-Петербурге.

Евгения Доброва, прозаик, литературный критик, поэт. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Нева», «Дети Ра», «Урал». Финалист Бунинской и Астафьевской премий (2008). Автор книг «Персоны нон грата и грата», «Мраморное мясо», «Чай», «А под ним я голая», «Угодья Мальдорора». С пьесой «Дет*Ад» вошла в число победителей конкурса молодой драматургии «Любимовка-2010». Стипендиат Министерства культуры РФ (2009). Преполагает теорию прозы в «MEDIAШКОЛЕ» при «АиФ» и школе современного кино и литературы Cinemotion_Lab. Член СП Москвы, Союза журналистов России.

Виктория Доценко, драматург. Обучалась в школе «Драматургические мастерские “Начало” под руководством Михаила Шатрова». Участница Всероссийского семинара драматургов «Авторская сцена», фестиваля молодой драматургии «Любимовка-2010», Международной конференции женщин-драматургов в Стокгольме (2012). Публиковалась в журнале «Современная драматургия». Финалистка конкурса «Евразия-2007», победительница конкурса мини-пьес Волошинского фестиваля (2011). Пьесы были поставлены в Туле, Семипалатинске, а также в любительских театрах России, Украины, Латвии. Член СП Москвы.

Татьяна Дружинина, поэт. Родилась и живет в Новосибирске. Студентка Новосибирского государственного технического университета. Публиковалась в локальных сборниках, газетах и альманахах. Организатор Новосибирского художественно-поэтического фестиваля (2010). Лауреат поэтического конкурса имени А. Плещинского (2007), финалистка «Илья-премии» (2008), победительница конкурса «Русский стиль» (2011). Член СП Москвы.

Михаил Дурненков, драматург, сценарист. Окончил ВГИК, с 2011 преподает в Высшей школе художественных практик при РГГУ. Участник творческих лабораторий и фестивалей в России, Англии, США и Румынии. Постановки осуществлялись в Москве, Санкт-Петербурге, Тольятти, Стратфорде-на-Эйвоне, Хельсинки. Лауреат премий «Дебют», журнала «Октябрь» (2007), «Действующие лица» (2010); призер международного драматургического конкурса «Евразия» (2008); победитель конкурса киносценариев фестиваля «Текстура» (2010), лаборатории «В поисках автора» (2010); обладатель Гран-при конкурса «Новая Пьеса» (2011). Автор сборника пьес и киносценариев «Культурный слой». Публиковался в журналах «Октябрь», «Искусство кино», «Современная драматургия» и др. Член СП Москвы.

Станислав Иванов, прозаик. Окончил геофак МПГУ. Публиковался в журналах «Октябрь», «Всемирный следопыт», «Знание — сила, фантастика», «Машины и механизмы», сборнике «День святого электромонтера», в «НГ-Ex libris». Автор книги «Расширенная версия Вселенной». Финалист премии «Дебют» (2004) и премии им. Юрия Казакова (2006). Член СП Москвы.

Анастасия Истомина, сценарист, драматург. Окончила ВГИК. Автор сценариев короткометражных фильмов «Ночью можно», «Маме», «После дождя», полнометражного фильма «Элизиум», 16-серийного фильма «Иван Грозный» (совместно с А. Лапшиным). Победитель конкурса «Кино без пленки» (2010), номинант конкурса драматургии «Евразия 2011», финалист Волошинского конкурса (2011), участница Международной конференции женщин-драматургов в Стокгольме (2012). Публиковалась в журналах «Топос», «Искусство кино». Член СП Москвы.

Дмитрий Калмыков, прозаик. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Юность», «Империя духа», альманахах «Тверской бульвар, 25», «Белкин». В 2011 году вошел в лонг-лист премии «Согласование времен». Член СП Москвы.

Евгений Коган, прозаик. Родился в Санкт-Петербурге. Автор книг «Исключения исправил», «Енот и я», «Кто дома?» (совместно с Анной Куприной), «Боязнь темноты», составитель сборника «Уже навсегда». Член СП Москвы.

Ирина Котова, поэт. Родилась в Воронеже. Окончила Воронежский государственный медицинский институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Доктор медицинских наук. Стихи публиковались в журналах «Новая Юность», «Подъем», «Московский вестник», «Поэзия», «Парус», антологиях и коллективных сборниках «День поэзии 2000», «Московская муза XVII-XXI», «Бабий век». Автор сборников стихотворений «Нет тайны в женском раздевании» (1993) и «Болезнь высоты» (2000). Лауреат премии журнала «Подъем» (2003), литературного конкурса им. М. Булгакова (2009). Член СП Москвы.

Илья Кочергин, прозаик. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Знамя», «Новый мир», «Дружба народов», «Континент». Автор книг «Помощник китаец», «Я внук твой», которые также были переведены и изданы во Франции. Лауреат премий журналов «Новый мир» (2000), «Знамя» (2003), также премий «Эврика» (2001), Правительства Москвы в области литературы и искусства (2003). Член СП Москвы.

Марья Куприянова, поэт. Студентка Литературного института им. А. М. Горького. С 1999 года состоит в литературной студии «Жизальмо» при РГДБ. Публиковалась в «Литературной газете», журналах «Пролог» и «Кольцо А». Пишет песни. Финалистка фестиваля «Топос» (2011), лауреат и дипломант фестивалей «Господин ветер» и «ЗилантКон» (2011), лауреат премии им. Риммы Казаковой (2012). Член СП Москвы.

Борис Кутенков, поэт, литературный критик. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Знамя», «Интерпоэзия», «Литературная учеба», «Волга», «Юность», «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум-Арт», «Новая юность», газете «НГ-Ex libris», «Литературной газете». Автор книг «Пазлы расстояний» (2009), «Жили-боли» (2011). Стихи вошли в лонг-листы «Илья-премии» (2009), фестивалей «Эмигрантская лира» и «Русский стиль» (2010-2011), критика — в шорт-лист Волошинского конкурса (2011).

Дарья Лебедева, поэт, прозаик. Окончила исторический факультет Московского городского педагогического университета, учится в Литературном институте им. А. М. Горького. Публиковалась в журналах «Москва», «Литературная учеба», «Дети Ра», сборнике «Плохие кошки» (2012). Финалистка Волошинского конкурса в номинации журнала «Октябрь» (2011). Пишет рецензии в газету «Книжное обозрение».

Емельян Марков, прозаик. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Москва», «Юность», «Литературная учеба», «Кольцо А», газете «Литературная Россия». Номинант премии им. Юрия Казакова (2001). Лауреат премии журнала «Кольцо А» (2004), Царскосельской художественной премии (2007). Автор книг «Волки купаются в Волге», «Третий ход». Член СП Москвы.

Татьяна Милова, поэт. Окончила два факультета МГУ: журналистики и философский. Публиковалась в журналах «Новый Мир», «Арион», «Дружба народов», антологии «Русская поэзия. XX век», стихи переведены на английский и итальянский языки. Автор книги «Начальнику хора» (1998). Лауреат международной премии «Тиволи» (Италия). Член СП Москвы.

Галина Нерпина, поэт. Окончила философский факультет МГУ. Кандидат философских наук. Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Октябрь», «Юность», «День поэзии», «Арион», «Кольцо А», «VIP-Premier». Автор поэтических сборников «Все под рукой» (1992), «Сотворение мира» (1998), «Посвящение» (2002), «Вместо разлуки» (2009). Лауреат премии «Венец» СП Москвы (2002), премий им. Бориса Корнилова (2008), им. Анны Ахматовой (2009). Член русского ПЕН-центра и СП Москвы.

Дмитрий Плахов, поэт. Родился во Львове. Занимался в студии «Луч» Игоря Волгина. Публиковался в журналах «Арион», «РЕЦ», «Современная поэзия», «Сибирские огни», «LiteraDnprg». Автор поэтических сборников «Черношвейка» (2007) и «Tibi et igni» (2012). Финалист фестиваля «Петербургские мосты» и Волошинского конкурса (2009-2011). Член СП Москвы.

Вячеслав Савин, поэт. Студент филологического факультета УлГПУ им. И. Н. Ульянова. Шорт-листер поэтической премии «ЛитератураРентген» (2011). Живет в Ульяновске.

Елена Сафронова, прозаик, литературный критик, публицист. Публиковалась в журналах «Знамя», «Октябрь», «Урал», «День и ночь», «Дети Ра», «Кольцо А», «Бельские просторы»; сборниках «Пролог-2007»; «Новые писатели» (2006), «Перовестник» (2007), «Аэлита-2008». Повесть «Жители ноосферы» вошла в лонг-лист премии «Ясная Поляна» (2009). Лауреат Астафьевской премии в номинации «Критика и другие жанры» (2006), премии журнала «Урал» в номинации «Критика» (2006). Член СП Москвы, Союза российских писателей. Живет в Рязани.

Роман Сенчин, прозаик. Родился в городе Кызыле. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Публикуется в журналах «Знамя», «Новый мир», «Дружба народов». Автор нескольких книг прозы, в том числе «Афинские ночи», «Минус», «Ничего страшного», «Елтышевы», «Иджим», «Информация». Лауреат премий газеты «Литературная Россия» (1997), журналов «Кольцо А» (2000), «Знамя» (2001), «Эврика» (2002), «Венец» (2006), Горьковской литературной премии (2011). Роман «Елтышевы» входил в шорт-листы премий «Ясная Поляна» (2009), «Русский Букер» (2009), «Национальный бестселлер» (2010), «Большая книга» (2010), «Русский Букер десятилетия» (2011). Член СП Москвы.

Александр Сорока (Сорокин), поэт, музыкант и художник. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Арион», «Литературная учеба», альманахах «Алконостъ», «Черновик», «Коломенском альманахе». Играет на разных (в том числе незарегистрированных) музыкальных инструментах в нескольких проектах. Лауреат премии «Московский счет» за книгу «Тутырь» (2006).

Евгений Сулес, прозаик, сценарист. Публиковался в журналах «Знамя», «Юность», «Искусство кино», «Контекст-9», «Прикосновение», сборниках «Очень короткие тексты» и «Новые писатели». Автор книги «Сто грамм мечты» (2012). Победитель конкурса короткого юмористического рассказа в Булгаковском доме (2010). Пьесы входили в лонг-листы драматургических конкурсов «Действующие лица» (2008) и «Свободный театр» (2011). Член СП Москвы.

Тамерлан Тадтаев, поэт, прозаик, сценарист. Родился и живет в Цхинвале. Окончил Душанбинское художественное училище им. Олимова, учится во ВГИКе. Публиковался в журналах «Дарьял», «Вайнах», «Дружба народов», «Нева», «Ковчег», «Бельские просторы», «Сибирские огни», «Юность», газете «Литературная Россия», «Независимой газете», альманахе «Искусство войны». Лауреат «Русской премии» (2008), премии журнала «Нева» (2008). Стипендиат ФСЭИП. Автор книг «Сын», «Отступник», «Судный день». Член СП Москвы.

Ганна Шевченко, поэт, прозаик, драматург. Родилась в городе Енакиеве Донецкой области. Публиковалась в журналах «Арион», «Дружба народов», «Журнал ПОэтов», «Зинзивер», «Интерпозия», «Октябрь», «Сибирские огни», «Литературной газете», а также сборниках и антологиях поэзии и короткой прозы. Автор книг «Подъемные краны» (2009) и «Домохозяйкин блюз» (2012). Лауреат международного драматургического конкурса «Свободный театр» в номинации «Экспериментальный текст для театра». Член СП Москвы.

Сергей Шабунский, поэт, переводчик. Окончил филологический факультет МГУ. Публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Иностранная литература», альманахах «Новые писатели» и «Насекомое». Участник Международного фестиваля поэзии в Труа-Ривьер (Квебек, 2011). В 2011 году вошел в лонг-лист премии «Дебют». Переводил прозу Джесси Келлермана, Т. С. Бойла, Кеннета Харви и др. (совместно с Екатериной Поляковой). Состоит в товариществе поэтов «Сибирский тракт».

Содержание

Проза

Евгений Попов. <i>Правильная традиция</i>	5
Анатолий Курчаткин. <i>Это сладкое слово – свобода</i>	6
Екатерина Васильева	
Невидимый	8
Илья Кочергин	
Лендлорд	17
Евгений Сулес	
Мыши	24
Дмитрий Калмыков	
Зов	35
Бес	36
Пять минут из жизни Ивана Ивановича	38
Евгения Доброва	
Следы на муке	40
Персики	45
Евгений Коган	
Ненужные вещи	47
Ишмахмад-богатырь	50
Тамерлан Тадтаев	
Ополченец	55
Наринз Абгарян	
Шушик	64
Кнарик	66
Тата	68
Кировабад. Исход	70
Моя война	72
Емельян Марков	
Омнибус	76
Елена Сафронова	
Свадьба в благородном семействе	83
Станислав Иванов	
Боги антропоидов	96
Дарья Бобылёва	
Неудачник Р и бессмертие	104
Ганна Шевченко	
Инские сказки	114

Поэзия

Елена Исаева. «Уткнуться в чье-нибудь плечо»	121
Татьяна Дружинина	123
Ирина Котова	128
Борис Кутенков	133
Дарья Лебедева	138
Дмитрий Авилов	143
Марья Куприянова	147
Вячеслав Савин	153
Татьяна Милова	156
Сергей Шабунский	161
Галина Нерпина	167
Александр Сорока	171
Дмитрий Плахов	176

Драма

Александр Коровкин. <i>Разбег</i>	183
Роман Сенчин	
Суббота	184
Виктория Доценко	
Звезды выпали... ..	202
Татьяна Голюнова	
Все мечтают умереть молодыми	211
Александр Архипов	
Джек — неоновый свет	216
Анастасия Истомина	
Продукты страхования	229
Михаил Дурненков	
Красная чашка	243
<i>Об авторах</i>	250

Союз писателей Москвы

Литеры

стихи, проза, драматургия

редакторы:

Э. Сухова

В. Лебедева

коллаг на обложке:

О. Золотухина

Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ
123001, Москва, ул. М. Бронная, 28/2, стр. 1

Подготовлено к печати
издательством «Воймега»
гл. редактор А. Переверзин
е-mail: voymega@yandex.ru

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП «ПИК ВИНТИ-Наука»
140010, г. Люберцы, Октябрьский просп., 403

Формат 60х90¹/₁₆. Усл.-печ. л. 16.
Тираж 500 экз.